

R 95 417
2

Русудан Харадзе

Трудинская
семеиная
община

II

რუსუდან ხარაძე

ქართული საოჯახო
თემი

II

ROUSSOUDANE KHARADZÉ

LA FAMILLE INDIVISE
GÉORGIENNE

II

902 7 (0920)

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. акад. И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ

РУСУДАН ХАРАДЗЕ

ГРУЗИНСКАЯ СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА

II

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ГРУЗИНСКОЙ
СЕМЕЙНОЙ ОБЩИНЫ И ЕЕ МЕСТО В
РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ

R 95.417
4

სკპ-2000
შემოწმებულია

Издательство Союза писателей Грузии «Заря Востока»
Тбилиси 1961

Семейная община в Грузии

საქართველოს რევოლუციური დემოკრატიული რეჟიმის სახელმწიფო გამომცემი

საქართველოს რევოლუციური დემოკრატიული რეჟიმის სახელმწიფო გამომცემი

საქართველოს რევოლუციური დემოკრატიული რეჟიმის სახელმწიფო გამომცემი

II

Ответственный редактор
А. И. РОБАКИДЗЕ

საქართველოს რევოლუციური დემოკრატიული რეჟიმის სახელმწიფო გამომცემი

ქ. თბილისი
1929

საქართველოს რევოლუციური დემოკრატიული რეჟიმის სახელმწიფო გამომცემი

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ГРУЗИНСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ОБЩИНЫ И ЕЕ МЕСТО В РАЗВИТИИ ФОРМ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Для того чтобы охарактеризовать сущность и выявить специфику грузинской семейной общины, необходимо рассмотреть те стороны ее внутренней жизни, которыми она принципиально отличается от других форм хозяйственно-родственных объединений. Рассмотрение этих сторон в процессе исторического развития является одним из основных условий правильного решения вопроса о месте семейной общины в развитии общественных форм.

Вопрос об основных чертах семейной общины должен быть решен в соответствии с принятым нами в I ч. настоящей работы определением семейной общины, согласно которому семейная община подразумевает определенное общественно-хозяйственное единство ее членов, основанное на постоянном союзе мужа и жены с их потомством. Характерными признаками семейной общины являются общинно-семейная собственность, коллективное производство и потребление, а также демократическая форма управления при многочисленном родственном составе.

Этнографические материалы, приведенные в первой части работы, с достаточной очевидностью иллюстрируют характерные особенности семейной общины, отличающие ее от других хозяйственно-родственных объединений. Эти особенности прежде всего проявляются в таких сторонах общественного быта, которые отображают состав данной общественной организации, ее хозяйственную основу, организацию труда и систему управления, имущественно-правовые взаимоотношения и особенность расселения. Рассмотрим подробно каждый из перечисленных признаков.

1. Состав семейной общины

Одна из особенностей семейной общины заключается в ее родственном составе, определяющем характер настоящего общественного объединения.

Существовавшие в этнографической литературе второй половины XIX века разногласия по поводу определения характера семейной общины последнего периода были основаны, с одной стороны, на решающем значении в семье права родства и наследования¹, а с другой стороны—на значении труда². При всех обстоятельствах и существующем численном разнообразии семейная община на всех ступенях ее развития в основном состояла из близких родственников, и это являлось одной из ее характерных

¹ С. В. Па х м а н. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки, т. II. Семейное право, наследство и опека. СПб, 1879.

² П. С. Е ф и м е н к о. Семья архангельского крестьянина, «Судебный журнал», 1873, июль—август; А. Я. Е ф и м е н к о. Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884.; И. Г. О р ш а н с к и й. Исследования по русскому праву обычному и брачному, СПб, 1879; И г о р ь Т ю т р ю м о в. Крестьянская семья. Очерк обычного права, «Русская речь», 1879, апрель.

особенностей. Родственный состав семейной общины уже противоречил решению вопроса в пользу теории трудового начала.

Число членов семейной общины, обусловленное ее родственным составом, с самого же начала привлекало внимание отдельных авторов. На основании исследований В. Богишича, опубликованных на хорватском языке, Ф. Демелич писал: «Что касается до численности соединенных в общине лиц, или членов этих семейств, то она значительно разнообразится, смотря по провинциям. Самые многочисленные общины, естественно, находятся на плодородных равнинах, но в странах гористых и на узком Адриатическом поморье они весьма ограничены. Точно так же очень обширные общины встречаются в Славонии и менее значительные — на поморье Кроации и Далмации. Г-н Утезеневич определяет среднее число членов общины в Кроации в десять до пятнадцати индивидов, из которых трое или четверо почти всегда женаты. Но наши источники, напротив, дают среднее число в двадцать до двадцати пяти индивидов. В Славонии самые многочисленные общины насчитывают до 60 членов, между тем как самые малочисленные имеют их шесть, семь и восемь. В верхней Герцеговине большая часть семейств состоит из двадцати до двадцати пяти индивидов; в Гачко некоторые семейства насчитывают до семидесяти индивидов». Далее сказано, что «вообще говоря, все члены одной общины родственны между собой, и это родство доходит иногда до четвертого колена. Но как мы это уже заметили, и иностранцы могут делаться членами общины»¹.

«Задруга есть союз родственных лиц, — отмечает другой исследователь, Карл Кадлец, — но есть и другие более редкие случаи, следующие: 1) Иногда бывает (особенно, когда задруга числом лиц невелика и нуждается в посторонних чуждых руках), что в задругу принимаются посторонние лица, а именно не только как слуги, но и как настоящие члены задруги», и далее там же говорится: «Редко бывает, чтобы люди совершенно посторонние образовали задругу. В некоторых краях такая искусственная задруга расходуется уже через несколько лет»².

Народная терминология также отражает родственный состав общины и акцентирует совместную жизнь именно группы родственников. Так, по тем же хорватским материалам: «Самое распространенное название, которое дают этим общинам, есть сербское слово *z a d g u g a*, которое означает собой товарищество. Однако это название не употребляется у всех южных славян. Почти всегда говорят *z a d g u ž n a k u ć a* (общинный дом) вместо *z a d g u g a*. В гражданских провинциях Кроации употребляют слово *s k i r ć i p a*, т. е. собрание, и очень часто слово *б р а т с т в о*. В Герцеговине община известна под названием *о ч а г а*, *к а м и н а* или *д ы м а*. В Далмации называют ее иногда *о б щ и н о й* *с о е д и н е н н ы х б р а т ь е в*. В Герцеговине до замужества называют общину *dom*, а когда девушка выходит замуж, то жилище ее мужа делается для нее домом, между тем как семейство, из которого она вышла по причине замужества, зовется у нее *род*»³.

По имеющимся в этнографической литературе сведениям, выясняется, что семейная община объединяла под общей кровлей близкое родство — братство, и родственный состав предопределял в основном число членов семьи.

Из приведенных в первой части настоящей работы отдельных описаний

¹ Ф. Демелич. Обычное право южных славян по исследованиям д-ра Богишича, перев. с французск. В. Гецевича, М., 1878, стр. 26—27.

² Карл Кадлец. Семейная община, или задруга, в славянском праве, «Известия СПб Славянского благотворительного общества», 1903, № 4, стр. 16—17.

³ Ф. Демелич. Обычное право южных славян по исследованиям д-ра Богишича, перев. с французск. В. Гецевича, М., 1878, стр. 26.

состава грузинских семейных общин явствует так же, что семейная община грузин объединяла родство, доходящее до четвертого колена. Родственный состав семейной общины определялся совместной жизнью неразделенных братьев при постоянном союзе мужа и жены, а также родителей и детей.

Анализируя древние грузинские исторические памятники, И. А. Джавахишвили установил, что уже в V веке братья жили раздельно¹ и форма индивидуальной семьи должна была быть им хорошо известна. Однако одновременно с этим, по сведениям этого ученого, существовали и многочисленные семьи². Семьи, обозначаемые в агиографическом произведении VIII века Иоана Сабанисдзе термином *saxli* (სახლი) — буквально: дом, по определению историка, не всегда замыкались узкими рамками индивидуальной семьи, а представляли объединение близких родственников³.

Процесс перехода от многочисленной семейной общины к индивидуальной семье, протекавший в условиях их параллельного существования, обнимал длительный период исторического времени.

Ряд терминов, обозначающих большую семью у грузин, как было видно из первой части настоящей работы, выражает хозяйственное единство семейной общины посредством понятия общности дома и очага: *ertobis saxli* (ერთობის სახლი), *saerto saxli* (საერთო სახლი), *didi oṣaxi* (დიდი ოჯახი) и *ṣalabi oṣaxi* (ჯალაბი ოჯახი).

Как *saxli* (дом), так и *oṣaxi*⁴ (очаг, семья) в начале должны были соответствовать понятию семейной общины, добавления *saerto* (общий), или *didi* (большой), определяющие характер семьи, должны были появиться уже после образования малых — индивидуальных семей. То же самое нужно заметить и в отношении наименования *ṣalabi oṣaxi*. Термин *ṣalabi* в грузинском языке обозначает общее понятие членов семьи; *ṣalabi oṣaxi* в буквальном переводе обозначает: «семья с членами семьи», т. е. с большим числом. Такого же образования должен быть и термин *egebī* (ერები), обозначающий в мегрельском языке семейную общину. Связь последнего с наименованием *egī* (ერი), как на это указывает С. Н. Джанашиа, не вызывает никакого сомнения⁵. Словом же *egī* в грузинском языке передавалось понятие народа — множество людей. Термин *saxli*, как это следует из работ И. А. Джавахишвили⁶ и С. Н. Джанашиа⁷, первоначально обозначал не только семейную, но и родовую общину, а позднее общину, состоящую из группы близких родственников, живущих под одной кровлей⁸, что уже может быть приравнено к понятию семейной общины.

¹ И. А. Джавахишвили. История грузинского права, кн. II, вып. II, Т., 1929, стр. 373 (на груз. яз.).
² И. А. Джавахишвили. История грузинского права, кн. II, вып. II, Т., 1929, стр. 372, где сказано: „სახლობა მრავალრიცხოვანიცა და პატარაც ყოფილა“.
³ И. А. Джавахишвили. История грузинского права, кн. II, вып. I, Т., 1928, стр. 25. Здесь говорится: «...იმავე ითანე საბინისის თხზულებაც კი სადაც სიტყვა „სახლი“ ყოველთვის ერთჯელქმრობაზე დამყარებული ოჯახივით ვიწროდ არა ჰქონია საზღვრები შემოფარგლული და მახლობელ ნათესავებსაც ჰგულისხმობდა“.
⁴ Термины *oṣaxi* и *ṣalabi* являются заимствованными словами и более позднего происхождения, чем термин *saxli*.
⁵ С. Н. Джанашиа. Грузия на пути ранней феодализации, Тб., 1937, стр. 130 (на груз. яз.).
⁶ И. А. Джавахов. Государственный строй древней Грузии и древней Армении, т. I. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, Т., 1905, кн. VIII, стр. 5.
⁷ С. Н. Джанашиа. Грузия на пути ранней феодализации, Тб., 1937, стр. 1—2 (на груз. яз.).
⁸ И. А. Джавахишвили. История грузинского права, вып. I, кн. II, Т., 1929, стр. 25 (на груз. яз.).

Помимо вышеуказанных терминов, выражающих понятие большой семьи, как в этнографическом быту, так и в грузинских исторических документах встречаются термины—неразделенные братья — gauqrelī zmebi (გაუყრელი ძმები) и однодомные братья — ertsaxli zmebi (ერთსახლი ძმები). Так в качестве примера может быть назван документ царя Александра IV (от 1685 г.), в котором говорится о дарованных им Храму Бичвинтской божьей матери двух дымов крестьян, со всем их движимым и недвижимым имуществом. Дома эти, сказано там, состояли из Кублашвилли Наскидасего двумя однодомными братьями («ლო ორი მისი ერთსახლი ძმები») и сыновей Георгия Оболадзе: Кациа, Закариа, Хахута, Георга и Христешиа. В заключение указывается, что эти семьи со всеми их членами—однодомными братьями, их женами и детьми, и со всем их имуществом преподносятся в дар храму божьей матери¹.

Таким образом, в настоящем документе при перечислении членов семьи, состоящих из однодомных братьев, их жен и детей, выявлены все характерные моменты родственного состава семейной общины.

В дарственном документе Ираклия II (от 15. VI. 1758 г.) также упоминаются земельные владения «двух неразделенных братьев» («ამოწყვეტილის ორის ძმის გაუყრელის პა[ა]ტას წითლიასმვილის ნასყიდს მამულს...»)².

Наименования отдельных грузинских семейных общин почти во всех случаях образовывались от собственного имени общего предка этой группы, являвшегося в большинстве случаев главой семьи. При образовании наименования семейной общины к собственному имени предка прибавлялись суффиксы принадлежности ანი, ები, ელი и сванск. ზერ, различаемые в зависимости от различных диалектов грузинского языка.

Таким образом, термины, обозначающие семейную общину, являлись выражением неразделенности братьев, как совместно живущей группы лиц. Собственные наименования отдельных семейных общин всегда указывали при этом на их родовой характер.

Наименование грузинской семейной общины находилось в полном соответствии с ее структурой. В структурном отношении грузинская большая семья представляла объединение потомков нескольких неразделенных братьев, иначе говоря, родственную группу, в которую входили поколения ближайших родственников как нисходящих, так и боковых линий со всеми их брачными парами. В большинстве случаев эта группа доходила до третьего-четвертого поколения, с которого уже начиналась сегментация общины по дочерним семейным общинам. Этот процесс у картлийцев получил даже специальное название paçibilebi oçaxebi (ნაწიწილები ოჯახები) — термин образован от слова çibilebi (წიწილები) — цыплята.

Помимо общих наименований семейной общины в целом, грузинская система родства содержит специальные термины, обозначающие отдельных членов семьи и выявляющие тем самым характерные стороны состава семейной общины.

Грузинская терминология родства по своему характеру относится к описательной системе.

В общей этнографической литературе принято часть описательных терминов родства относить к системе, соответствующей большой семье. Основным определяющим моментом для авторов, придерживающихся указанной классификации, является богатство наименований, которые в большей своей

¹ Церковные документы Западной Грузии, под ред. С. Какабадзе, кн. 1, Т., 1925, стр. 80 (на груз. яз.).

² Документы по социальной истории Грузии. II. Крепостнические отношения XV—XIX вв. Под редакцией Н. А. Бердзенишвили. Тб., 1953, стр. 55 (на груз. яз.).

части выходят за пределы моногамной семьи. Но здесь следует заметить, что не все термины родства, выходящие за пределы моногамной семьи, могут быть отнесены к семейной общине.

Обращает на себя внимание при этом и то, что наравне с общими обозначениями родства в грузинском языке прослеживается наличие терминов, характерных исключительно для семейной общины. Наименования эти охватывают определенную категорию родства, в частности группу братьев (родных и коллатеральных) и группу их жен, и тем самым являются типичными для семейной общины обозначениями. Часть этих терминов, как и сами наименования семейной общины, выражают родственные отношения группы лиц посредством общности дома или очага, другая часть указывает на их соучастие в общем производственном коллективе.

К первой части терминов относятся следующие наименования: *saxleul-pi* (სახლეულნი) и сванское *koḡṣar* (ქორშარ) буквально: домашние, сванское *meḡiḡra* (მეუღლე — *qveḡr* ყვერ — по-свански очаг), выражающее понятие членов семьи посредством общности очага, *saxlis ḡaci* (სახლის კაცი — буквально: человек дома или член дома) и *ertsaxli ḡmebi* (ერთსახლი ძმები — буквально: однодомные братья) являющиеся наименованиями родных и коллатеральных братьев, живущих в одном доме.

Ко второй части относятся главным образом термины, выражающие отношения жен братьев друг к другу. Последняя категория терминов сохраняется при этом дифференцированные наименования по отдельным этнографическим группам. Такими являются тушинское *mondavi* (მონდავი), пшавское *moḡile* (მოწილე), лечхумско-имеретинско-аджарское *ṣili* (შილი), чанское — *pusaya* (ბუსაია), сванское — *meḡeḡva* (მევევა).

Термин *mondavi-modgami* (მონდავი-მოდგამი) у тушин, пшавов и хевсур обозначает также супруги — соучастие в сельскохозяйственных работах¹. *Modgami* (მოდგამი) в грузинских исторических документах встречается с IX века. Первоначальное значение *modgami*, также выражающее соучастие отдельных членов, не ограничивалось понятием супруги и было по своему содержанию значительно шире. В различном контексте *modgami* встречается с различным значением: сопричастный к военной службе («*ḡerisqacodbis moḡgami*»), сопричастный к наследству («*ḡkvidrobis moḡgami*»), сопричастный к монастырю («*ḡsurdobis moḡgami*»), т. е. член одного и того же церковного прихода и т. д.²

Один из характерных моментов внутренней жизни семейной общины — соучастие ее членов в домашней производственной жизни, при соответствующем распределении труда между женщинами отражен как в тушинском термине *mondavi* (მონდავი), так и в пшавском *moḡile* (მოწილე) — буквально: соучастник, соучастница.

Термины эти связаны с семейной общиной, на что указывает как их содержание, так и необходимость их выделения из общего наименования невестки *ḡali* (ḡali). Выделение жен братьев в специальную группу родственников и создание для них особого термина родства могло произойти только лишь при наличии хозяйственно-родственного объединения неразделенных братьев и их жен внутри общего дома.

С распадом семейной общины, образованием частной собственности и моногамной семьи каждодневные хозяйственно-родственные взаимоотношения между женами братьев прекращались. Бытование специального

¹ См. А. И. Робакидзе. Супруги как одна из форм эксплуатации в дореволюционной Грузии, «Мимомхилвели», т. II, Тб., 1951, стр. 407—420 (на груз. яз. с русск. резюме).

² Подробно о значении термина «модгами» в грузинском, см. С. Джикиа. Об одном грузинском термине, связанном с коллективной формой труда в турецком языке, «Иберо-Кавказское языкознание», т. 1, Тб., 1946, стр. 393—398 (на груз. яз).

термина, первоначально обозначавшего их соучастие в общей производственной жизни, с этого времени становилось лишь пережитком прошлого.

Итак, часть грузинских терминов родства сохраняет следы существования семейной общины и поэтому заслуживает внимания как исторический источник.

Родственные отношения неразделенных братьев и их жен нашли свое отражение в специальных терминах, которые вошли в грузинскую систему родства и закрепились там как термины, созданные некогда одной из основных общественно-организационных единиц.

Сохранению принципа родового начала в семейной общине в условиях классового общества способствовали экономические условия жизни и, в частности, уровень развития производительных сил, требовавший в определенных случаях объединения большого числа лиц. По имеющимся этнографическим описаниям последнего времени число членов семьи в грузинских семейных общинах, независимо от формы хозяйства, в среднем колебалось от 20 до 60 душ; по более ранним сведениям, в некоторых районах Грузии в семейной общине насчитывалось и до 100 душ. В отдельных случаях, с целью увеличения числа членов семьи, допускалось искусственное объединение с посторонними лицами. Исходным же моментом для определения характера внутренней жизни семьи оставались родственные отношения. Для обозначения инкорпорации у грузин, как в древних юридических документах, так и в этнографических материалах, устанавливается термин *ḡeqriloḡa* (შეყრილობა — буквально: объединение, складство)¹. Употребляемая в соответствующих актах формула обращения *ḡmat ḡegiqaret* (ძმათ შეგყარეთ) — «братом приняли» или «братьями стали» (см. вводную часть настоящей работы), акцентирующая внимание на характере отношений между объединившимися лицами, является специфическим выражением грузинских документов. В основу этого термина был положен один из главных принципов семейно-общинного объединения — неразделенность братьев.

Итак, наиболее распространенными наименованиями семейной общины у грузин являлись наименования, указывающие на неразделенность братьев, живущих под общей кровлей. Эти же термины являлись в свое время основой для обозначения более широкой категории родства и представлены в виде композитов *saxlis kaci* (სახლის კაცი — человек дома, член дома) и сванским *mxvbe-mexvib* (მუხვბე-მეხვობ — собрат), подразумевающих на более ранней ступени общественного развития членов одного рода.

Неразделенность семьи на протяжении нескольких поколений, как характерная особенность семейного быта, все еще встречалась до конца XIX века у большинства народов Кавказа. Имеющиеся в литературе этого времени беглые описания отдельных исследователей и путешественников народов, населяющих Кавказ, содержат, как правило, и сведения о многочисленности и родственном составе семей.

В заметках Н. Н. Харузина, относящихся к чеченцам и ингушам, сказано: «Родственники не живут все вместе, они делятся на дворы, причем каждый двор имеет свое общее имущество. Число близких родственников, живущих на одном дворе, крайне разнообразно. Женатые сыновья обыкновенно остаются жить при отце, так что нередко можно встретить семьи, в которых живут до десяти взрослых мужчин; как на исключение мне указывали двор в сел. Койрахе (Метцахальского общества), в котором живут вместе 27 родственников»².

¹ Подробно относительно *ḡeqriloḡa* см. первую часть настоящей работы.

² Н. Н. Харузин. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее, вып. III, М., 1888, стр. 122.

Ф. И. Леонтович, используя материалы, собранные войсковым старшиной Кучеровым о черкесах, также свидетельствует о существовании у них семейных общин: «Никто из сыновей, достигших совершеннолетия при жизни отца, не имеет права требовать выдела себе части имения, — пишет он, — а большею частью все живут вместе с отцом, хотя и вступят в брак; по смерти же его разделяются оным, как сказано выше». Далее там же указывается о выделении женатых братьев, происходящем уже с согласия отца: «Впрочем, есть многие примеры, что сыновья, женившись по соизволению своего отца и получив от него определенную им часть имения, живут от него отдельно, управляя полученным имением, как собственностью»¹.

Описывая нравы кабардинцев, М. Селезнев упоминает, что «каждое семейство живет нераздельно и ест из одного котла. Оттого в народе не говорится: столько-то семейств или дворов, а столько-то котлов»².

Состав карачаевской семьи, приводимый Б. В. Миллером, говорит о наличии у них семейных общин: «Большая семья почти повсеместно распространена в Карачае: малых семей нам почти не приходилось встречать, и в большинстве случаев они принадлежали иногородним, т. е. пришельцам со стороны...»³, — писал названный автор.

«По составу своему, — пишет он далее, — дворы представляют сожителство дедов, отцов и внуков, иногда правнуков; эта форма преобладающая; реже сравнительно встречается сожителство дядей с племянниками, т. е. нераздельных братьев»⁴. Автор здесь же касается и того, что многочисленные большие семьи отличаются наибольшей зажиточностью: «...большое количество земли, главным образом усадебной, позволяет делать новые хозяйственные пристройки при образовании новых семей в пределах большой семьи путем женитьбы ее членов, тогда как менее состоятельные семьи теснота заставляет делиться и начинать новые самостоятельные хозяйства. Самая многочисленная по числу членов семья в Большом Карачае — одна из фамилий Байчаровых, насчитывающая 53 человека; Байчаровы считаются самыми богатыми скотоводами, обладателями двух десятков тысяч овец и табунов в несколько тысяч голов.

Такого рода факты, подтверждающие соединение зажиточности с многочисленностью семей, аульские старики приводят в пример тому, что лишь нераздельные семьи достигают богатства, делая при этом несколько неправильное умозаключение, так как именно богатство дает возможность далее не разделяться, а не наоборот — нераздельность хозяйства ведет к благосостоянию»⁵ (подчеркнуто нами—Р. Х.).

В этой характеристике автор не прав, когда упускает из виду то обстоятельство, что многочисленность семьи являлась одним из факторов ее зажиточности.

¹ Ф. И. Леонтович. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, вып. I, 1882, Одесса, стр. 152.

² Руководство к познанию Кавказа Михаила Селезнева, 1847, СПб, кн. II, стр. 11; ср. «В описываемый период в Кабарде еще сохранялась большая семья, или патриархальная семейная община, сложившаяся в патриархально-родовом обществе и пришедшая к своему разложению лишь в конце XIX в. в связи с проникновением капиталистических отношений. (История Кабарды, М., 1957, стр. 94).

³ Б. В. Миллер. Из области обычного права карачаевцев. «Этнографическое обозрение», 1902, № 1, стр. 20.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Б. В. Миллер, специально подчеркивая, что семейные общины состоят из кровных родственников, пишет следующее: «Большая семья состоит таким образом исключительно из близких, кровных родственников; иногда же проживает и какой-нибудь бедняк одноаулец, которого приютила данная семья. Как на чрезвычайно редкое исключение в Карачае можно указать и на такие случаи, что какой-нибудь бездетный старик принимает к себе постороннюю семью, усыновляет ее и оставляет ей по завещанию свое родовое имущество... Во всяком случае усыновление случается редко, и члены большой семьи связаны, как общее правило, кровной связью»¹.

Наиболее сохранившимися образцами многочисленности нераздельных семей были семейные общины осетин. В записках С. В. Кокиева отмечается: «Мы видим семьи душ до 40 и более, потому что раздел между братьями при жизни родителей явление слишком редкое и ненормальное, зависящее от исключительных причин: крайнего деспотизма отца или упорного и грубого неповиновения и неуважения детей»². «Взрослые сыновья после женитьбы не выделяются из отцовской семьи, — пишет и З. Ванети относительно осетин, — а остаются в ней. Так образуется семейная община. Но рост ее на этом может не остановиться, в состав ее войдут женатые внуки (двоюродные братья между собой). Общее количество членов семейной общины нередко может исчисляться десятками, и в прежние времена в ней заключалось даже более чем три поколения. Еще несколько лет тому назад в семейной общине Додто Джюева было 60 душ, Гога Джусоева — 53 души»³.

Описание осетинской семейной общины было использовано и М. Ковалевским в его теоретических обобщениях по данному вопросу⁴.

Многочисленным родственным союзом являлась также и армянская семейная община, в которой до начала XX столетия насчитывалось до 40 и более душ. По сведениям Б. Халатянца, «жители Абарана сохранили в значительной мере патриархальность быта. Так, отец семейства считается здесь полновластным господином над всеми членами семьи. Большая семья не редкость, состоящая иногда из 20—25 душ»⁵.

Характерные особенности армянской семьи отмечаются и в статье А. Хаханашвили: «Из черт домашней жизни армян Новобаязетского уезда, — пишет он, — следует отметить организацию большой семьи. В семье Гюзальдара мы ознакомились с семейной общиной Давида Миметоняна, известной у сельчан под именем семьи Мхтоева от Мхитара, прадеда Д а в и д а, богатого и знаменитого воина в Курдистане. Во главе семьи, состоящей из 48 душ, стояли т а н у т е р — домохозяин и т а н т и г и н — домохозяйка»⁶.

¹ Б. В. Миллер. Из области обычного права карачаевцев, «Этнографическое обозрение», 1902, № 1, стр. 22.

² С. В. Кокиев. Записки о быте осетин. Сб. материалов по этнографии, изд. при Дашковском Этнографическом Музее, вып. 1, М., 1885, стр. 77.

³ З. Ванети. Индивидуализм и коллективизм в родовом быту осетин. «Известия осетинского научно-исслед. ин-та краеведения», Сталинири, 1926, № II, стр. 398—399.

⁴ М. М. Ковалевский. Первобытное право, вып. 1, Род. Москва, 1886, стр. 11—12.

⁵ Б. Халатянец. Поездка в Абаран (Эчмиадзинский уезд, Эриванской губернии). «Этнографическое обозрение», М., № 1—2, 1899, стр. 335.

⁶ А. Хаханов. Из жизни армян Новобаязетского уезда, Эриванской губернии. «Этнографическое обозрение», М., № 2, 1893.

О существовании больших семей у армян свидетельствует и Х. Самуэли: «Армяне и донны живут большими дворами, состоящими из родственных друг другу лиц, доходящих зачастую до 40 и более человек»¹.

В «Очерках дореволюционной Армении» С. Д. Лисициана также говорится о многочисленности армянской семьи и о ее патриархальном укладе².

Пережиткам семейной общины на Кавказе за последнее десятилетие в специальной этнографической литературе уделено немало внимания. В посвященных семейной общине конкретных описаниях и исследованиях везде имеются данные о ее позднем существовании.

Е. Н. Студенецкая, приводя конкретные описания о больших неразделенных семьях у кабардинцев, пишет: «Материалы, собранные нами, относятся ко второй половине XIX в., когда большая семья среди кабардинцев была распространена еще очень сильно, но существовала в определенной обстановке, при наличии феодальных отношений»³. Касаясь семейно-общественного быта кабардинцев, Е. Н. Студенецкая в своей более поздней работе резюмирует ранее приведенные конкретные данные о семейной общине у кабардинцев и вновь указывает на то обстоятельство, что «очень распространенной формой для всего феодального периода Кабарды являлась «большая семья», т. е. «патриархальная семейная община», сложившаяся еще на грани установления классового общества, сосуществовавшая рядом с сельской общиной и пришедшая к своему разложению в конце XIX в. в связи с ростом капиталистических отношений»⁴.

По описанию С. Гаджиевой, у кумыков семейная община называлась уллу-хизан (большая семья). В отличие от малой семьи—гиччи-хизан уллу-хизан представляла неразделенную семью, состоявшую из нескольких братьев с их женами и детьми⁵. Автор здесь же полемизирует с Р. М. Магомедовым по поводу определения дагестанского тухума. Р. М. Магомедов отождествляет тухум с семейной общиной⁶.

В работе М. М. Ихилова «Большая семья и патронимия у горских евреев» даны сведения о численном составе большой семьи, ее наименовании, экономической основе и внутреннем распределении труда в ней; автор указывает на сохранность семейной общины у горских евреев, вплоть до революции⁷.

Характерные особенности родственного состава семейной общины, установленные по данным грузинской семейной общины и прослеженные

¹ А. Самуэли. Очерки по обычному семейному праву армян. «Кавказский вестник». Т., 1902, № 1, стр. 23.

² С. Д. Лисициан. Очерки этнографии дореволюционной Армении, ч. II. Семья и семейные обряды. «Кавказский этнографический сборник», I, М. 1955, стр. 232—235.

Из современных работ об армянской семейной общине см. недавно вышедшее исследование Э. Т. Карапетян. Армянская семейная община. Ереван, 1958 г.

³ Е. Н. Студенецкая. О большой семье у кабардинцев в XIX в. «Советская этнография», 1950, № 2, стр. 176—181.

⁴ Е. Н. Студенецкая. Быт и культура кабардинского народа (XVIII—XIX вв), (Историко-этнографический очерк), сборник статей по истории Кабарды, 1954, стр. 176.

⁵ С. Гаджиева. К вопросу о тухуме и большой семье каякентских кумыков. Краткие сообщения Ин-та этнографии, XIV, 1952, стр. 75—83.

⁶ Р. М. Магомедов. К вопросу о семейной общине в Дагестане. Труды II научной сессии дагестанской научно-исследовательской базы Академии наук СССР, Махачкала, 1949, стр. 85.

⁷ М. М. Ихиллов. Большая семья и патронимия у горских евреев. «Советская этнография», 1950, № 1, стр. 188.

на сравнительном материале других народов Кавказа, констатируются также в отдельных законах Древнего Востока, как в одних из самых ранних письменных документах. Последнее обстоятельство указывает на раннее происхождение вышеназванных характерных наименований семейной общины, отражающих основную особенность образования ее состава путем неразделенности братьев¹.

Так, среднеассирийские законы XV века до н. э. свидетельствуют о существовании у них семейных общин, выраженных посредством понятия «неразделенности братьев» — *âhhê la zizûtê*². В законнике, в котором описываются отдельные казусы, касающиеся членов семейных общин, сказано: «§2. Если человек из неразделенных братьев покончит душу, господин души, если хочет, может убить его, а если хочет — может помиловать (а также) взять его наследственную долю»; далее «§3. [Если человек из [н]еразделенных братьев [ска]жет слово измены(?) или бежит, [то] с его наследственных долей царь поступит [к]как желает»³. (Подчеркнуто нами—Р. Ж.) Под неразделенными братьями, как это устанавливается издателем и комментатором законов И. М. Дьяконовым, здесь подразумеваются семейные общины, характерные для общественного строя Ассирии этого времени, сохранившиеся в рабовладельческом обществе в качестве пережитков первобытно-общинного строя. Такая семья охватывала более одной брачной пары, включая сыновей, внуков и правнуков⁴.

Не имея подробных описаний структуры семейной общины среднеассирийского периода, мы можем тем не менее констатировать родственный состав этих общин, созданных в результате неразделенности братьев, отразившийся в самом наименовании настоящей формы семьи. Указанное обстоятельство является подтверждением древнего происхождения установленных на грузинском материале структурных особенностей семейной общины.

К концу XIX века, с развитием капиталистических отношений, семейные общины Грузии, как отмечалось в первой части настоящей работы, превосходили малые семьи не только числом своих членов, но и своей зажиточностью.

Значение численного состава семейной общины для ее зажиточности является одним из основных вопросов при характеристике семейной общины XIX века. В первой части настоящей работы, на конкретном примере грузинской сельской общины (селение Диди Лило), по неопубликованным материалам М. В. Мачабели, было убедительно проиллюстрировано, как в руках семейных общин, представляющих ко второй половине XIX века зажиточное меньшинство населения, находилось управление всем сходом. Представители семейных общин, сила которых заключалась в их численном и имущественном превосходстве, являлись вершителями судеб всего селения.

¹ Ввиду того, что вопрос о семейной общине у народов Древнего Востока является самостоятельным и выходит за пределы настоящего исследования, здесь, так же как и на других страницах этой работы, соответствующий древневосточный материал приводится лишь в качестве самого раннего письменного документа, подтверждающего существование ряда рассматриваемых явлений.

² И. М. Дьяконов. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства, ч. II, Вестник Древней Истории, 1952, № 4, стр. 230.

³ Там же, стр. 207.

⁴ Там же, стр. 246.

Такое же значение имела семейная община в условиях развивающихся капиталистических отношений и у других народов. Мы не можем поэтому согласиться с интерпретацией армянской семейной общины позднего периода, данной С. А. Егиазаровым.

Описывая и характеризуя строй сельской общины Эриванской губернии, С. А. Егиазаров специально останавливается на вопросе общинного раздела земельных наделов по числу членов семьи. Автор указывает, что по обычному праву страны было установлено пять разделов подворного владения землей: «Владелец целого, полного надела называется ампою, трехчетвертного — ирекпджегом или уччареком, половинного — кисаном или ярим ампою и, наконец, четвертного — пджегом или чареком. Пятый разряд — кес пджеговый или ярим чарековый, хотя и предназначен для наделения двудушных семей и бобылей, но при разверстке земельных угодий вместе с тем служит уравнительной единицей и уравнительным наделом. Вот, так сказать, экономическое устройство общины»¹.

Р 95-417

Приводя исключительно ценный фактический материал для определения размера наделов по числу членов семьи, С. А. Егиазаров, однако, не замечает создаваемого имущественно-правового неравенства между многочисленными и индивидуальными семьями в результате такой системы надела. Напротив, такую систему наделов он считает демократичной и вполне справедливой. «Владение тем или другим из этих наделов, — пишет С. А. Егиазаров, — зависит не от воли и значения самого общинника, а от числа фактических душ, входящих в состав его семьи. Чтобы иметь право на амповый раздел, общинник — ампа должен непременно иметь семью, состоящую из 16 душ обоего пола; сообразно с этим основным началом, трехчарековая семья должна состоять из 12, кисановая — из 8, чарековая — из 4, и наконец получарековая — из 2 душ, опять-таки фактических. (Подчеркнуто нами. — Р. Х.). Наличное число фактических душ обоего пола служит основанием права на тот или другой надел. Таким образом, система ампа-чарекства не что иное, как своеобразный ценз, по которому отдельные семьи, начиная с большой патриархальной и кончая простой двудушной семьей, занимают в общине то или другое положение. И земля, и вода, и подати, вместе со всевозможными видами повинностей, распределяются между общинниками согласно этому цензу и пропорционально размеру отводимых им наделов. При таком устройстве общины, если только строго держаться основного начала, никому не обидно, ибо никого из общинников не обходят и никого не обделяют»².

Давая неправильное определение экономических отношений, существовавших между имущественно состоятельными многочисленными семейными общинами и несостоятельными малыми семьями, автор не замечает заинтересованности, в принципе распределения наделов по числу членов семьи, со стороны зажиточных семейных общин. Автор неправильно считает далее, что в силу сравнительно небольшого числа оставшихся в сельской общине больших семей, они уже не могут управлять сходами и направлять сельскую жизнь в пользу интересов меньшинства.

¹ С. А. Егиазаров. Административно-экономический строй сельской общины в Эриванской губернии (гл. 1, § 2 — Экономическое устройство общины). Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, Т., 1887, т. 1, стр. 17—19.

² Там же.

«Большие семьи,— пишет он, — образуют амповый класс общинников; средние семьи — трехчарекковый и кисановый; наконец, ~~малые~~ ~~и~~ ~~низший~~, чарекковый класс общинников. Было время, когда амповый класс преобладал над прочими, в настоящее же время большинство общинников по размеру наделов принадлежат к среднему и низшему классу: ряды амповых дымов изо дня в день редеют. Дело в том, что в старину, и даже лет тридцать — сорок назад, крестьяне жили большими семейными общинами; благодаря частым семейным разделам патриархальная семья распалась. Нет более таких семейных общин, которые состояли бы из 30, 40 и более душ с правом на два, на три амповых надела. Большие семьи с амповым наделом чаще встречаются у езидов, как у более патриархального племени.

В прежнее время, когда патриархальный строй был в полной силе, управление общины всецело сосредоточивалось в руках глав больших амповых семей; им принадлежало первенство на сельском сходе; они решали всевозможные вопросы касательно внутренних распорядков общины: избрание старшины, медиаторов для разверстки земли, догбаши и других общественных должностных лиц зависело от решения старейшин — глав амповых семей. Теперь же физиономия сельской общины изменилась окончательно; она приняла, если можно так выразиться, вполне демократический характер: в общине царит полная равноправность; старейшины лишились прав первенства, вытекавших из патриархального строя жизни. Старейшины, разумеется, там, где они еще остались, отказываются от участия на сходах, жалуясь на непочтительность молодежи к их старческой седине и жизненной опытности»¹.

Экономическое превосходство семейной общины, одним из факторов которого являлась ее многочисленность, определяло сущность семейной общины и в условиях развивающихся капиталистических отношений. Однако на данном этапе развития экономическое превосходство большой семьи с дальнейшим развитием частной собственности неизбежно привело к ее распаду.

Установленные по грузинским материалам характерные особенности последнего этапа развития грузинской семейной общины могут быть признаны типичными для семейных общин и других районов для указанной ступени развития. В подтверждение могут быть привлечены, например, описания позднего этапа развития семейной общины у жителей Урала, данные С. Пономаревым. Семейная община этого района с многочисленным составом ее членов так же выделяется из малых бедняцких семей, как экономически сильная группа.

Касаясь вопроса сельских сходов, С. Пономарев, как непосредственный их наблюдатель, подробно описывает преимущества представителей семейных общин, пользующихся на них решающим правом голоса. Автор пишет: «Там, где на сход собираются наличные души, большие семьи еще сильнее ворочают делами; смотря по тому, что выгодно, настаивают на переделе или задерживают его; больше всего задерживают...

Сойтись и сговориться промеж себя ничего не стоит большакам больших семей; поэтому голоса их на сходе отличаются замечательным единодушием. Провести какое-нибудь постановление для них легче всего,

¹ С. А. Е г л а з а р о в. Административно-экономический строй сельской общины в Эриванской губернии (гл. 1, § 2 — Экономическое устройство общины). Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, Т., 1887, т. 1, стр. 17—19.

тем более, что и начальство, и староста в большинстве избран из среды тех же большесемейных и зажиточных».

Экономическое превосходство уральской многочисленной семейной общины второй половины XIX века и ее влияние на общественно-экономическую жизнь всего села С. Пономарев описывает следующим образом:

«Местами, на Урале, еще не создан кулак, истый деревенский жи-водер, которым славится другая сторона Волги. Роль его разыгрывает иногда большая семья, экономически сильная единица крестьянского мира. Зачастую большак начинает кулачить «вовсю». Есть семьи, которые прежде были большими, как семья Вдовкиных в 70 человек, которые вывели поголовно всех истыми кулаками, разбредшимися по всей округе и кабалящими окрестное население. Большая семья сплошь и рядом — лаборатория, в которой сквозь горнило ежовых рукавиц вырабатываются предприимчивые перворазрядные кулаки. Но еще при существовании семейной организации большак почти всегда вырождается если и не в кулака, то в деревенского воротилу и мироеда первой руки»¹.

В своем исследовании «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» В. И. Ленин касается организации крестьянского хозяйства в политико-экономическом смысле. Полемизируя с представителями различных теорий второй половины XIX века, с их народническими идеями о земельной уравнительности, В. И. Ленин показал, что распределение земель между крестьянами разных деревень и даже между крестьянами разных помещиков не имеет ничего общего с уравнительным. «Только внутри мелких общин аппарат переделов создает уравнительность этих небольших замкнутых союзов». И далее: «При этом, разумеется, мы должны взять группировку дворов не по величине семьи, не по числу работников, а непременно по хозяйственной состоятельности отдельных дворов (посев, число штук рогатого скота, количество коров и т. п.), ибо вся сущность капиталистической эволюции мелкого земледелия состоит в создании и усилении имущественного неравенства внутри патриархальных союзов, далее в превращении простого неравенства в капиталистические отношения. Мы затушевали бы, следовательно, все особенности новой хозяйственной эволюции, если бы не задались целью изучить специально различия в хозяйственной состоятельности внутри крестьянства»². Особо обращаем внимание на то обстоятельство, что крестьянские семьи, сохранившие пережитки прошлых порядков в классовом обществе, В. И. Ленин квалифицирует как патриархальные союзы, называя их в другом своем сочинении прямо «патриархальной большой семьей»³. Далее в вышеназванной работе, приводя статистико-экономические данные об этих патриархальных союзах, В. И. Ленин пишет: «Мы видим, что с повышением хозяйственной состоятельности дворов безусловно правильно повышается размер семьи. Ясно, что многочисленность является одним из факторов крестьянского благосостояния. Это бесспорно. Вопрос только в том, к каким общественно-экономическим отношениям приводит это благосостояние в данной обстановке всего народного хозяйства»; приводя по этому поводу конкретные данные, В. И. Ленин там же заключает: «Следовательно, многосемейность и наибольшая обеспеченность

¹ С. Пономарев. Семейная община на Урале. «Северный Вестник», СПб, 1887, январь, № 1, стр. 6—8.

² В. И. Ленин. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Соч., т. 15, 1947, стр. 76.

³ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, 1941, стр. 317.

надельной землей служат основой зажиточности **небольшого меньшинства крестьян**¹.

Таким образом, здесь В. И. Ленин указывает на имущественное пре- восходство многочисленных семей, которые составляют, как правило, небольшое меньшинство крестьян. В. И. Ленин специально указывает на численный состав этих семей, подчеркивая при этом, «что многочисленность является одним из факторов крестьянского благосостояния». Многочисленную семейную общину XIX века при этом он квалифицирует как **патриархальный союз** и как **патриархальную большую семью**.

Касаясь вопроса существования этих **патриархальных союзов** при условии развивающегося капитализма, В. И. Ленин указывает на усиление имущественного неравенства внутри патриархальных союзов, как на одно из главных обстоятельств капиталистической эволюции деревни.

Этнографические данные о составе грузинских семейных общин, основанных на различных видах хозяйства (земледелии, скотоводстве и смешанной форме хозяйства), дополненные литературными данными о составе семейной общины других соседних народов, свидетельствуют о ее многочисленности. Неодинаковое число членов этих союзов в различных районах Грузии объяснялось не только различием форм хозяйства, а их конкретными особенностями применительно к местным условиям.

При этом соблюдение родового принципа является одним из характерных условий многочисленности состава грузинских семейных общин, сохранившихся в виде пережитка патриархального быта, но получивших при этом свое конкретное содержание, выраженное в формулировке как **неразделенность братьев**.

Во второй половине XIX века, при сосуществовании пережиточно сохранившихся семейных общин и индивидуальных семей, соблюдаемый принцип неразделенности братьев способствовал сохранению многочисленности семейных общин, являющейся одним из факторов их экономического благосостояния. Такое сосуществование в условиях нарождающегося капитализма способствовало усилению имущественной дифференциации внутри крестьянства.

Итак, на протяжении известного периода времени состав семейной общины оставался родственным; определяющим моментом состава семейной общины являлась родственная связь членов семьи, созданная путем неразделенности братьев. На поздней ступени существования семейной общины многочисленность семьи приобретает значение одного из факторов ее экономического благосостояния. Однако значение родового момента в семейной общине окончательно не исчезает и на этом этапе ее развития.

2. Имущество семейной общины.

Имущество семейной общины состояло главным образом из жилых и хозяйственных построек, земли— в ее различных видах, а также крупного и мелкого рогатого скота.

А) Жилые и хозяйственные постройки представляли важнейшую составную часть имущества семейной общины на всех ступенях ее развития. Жилище искони являлось той материальной

¹ В. И. Ленин. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Сочинения, т. 15, 1947, стр. 76—77.

единицей, наименование которой слилось с понятием самой семейной общины. Грузинское *saxli* (სახლი), как это было уже показано, одновременно выражало понятие дома, как материальной единицы и как социальной группы, объединяемой общим происхождением и общим жилищем. Полное разделение жилища означало распад самой семейной общины.

На основании грузинского этнографического материала установлены различные типы жилищ семейных общин, соответствующие общественно-экономической жизни семьи и топографическим особенностям края.

Дома грузинских семейных общин, как это было видно из приведенного в первой части работы описания, относятся к различным типам жилищ и по своей общественной функции могут быть объединены только лишь по отдельным характерным элементам, отвечающим требованиям данной общественной организации.

Не касаясь здесь типологии жилищ у грузин¹, в целом зависящей от особенностей форм общественных отношений, а также хозяйственного быта и географических условий, мы остановимся лишь на анализе социальной функции дома и укажем на значение численного состава семьи для планировки дома.

Грузинские семейные общины, с преимущественно земледельческим хозяйством, были распространены главным образом в равнинной части Грузии.

Дом и тот участок земли, на котором располагался весь комплекс жилых и хозяйственных построек, обозначаемый термином *saxl-kari* (სახლ-კარი — «дом с двором»), являлся здесь коллективной собственностью семейной общины.

Каждый такой «дом с двором» (*saxl-kari* — სახლ-კარი) обносился забором или плетнем; иногда дом окружался рвом или земляным валом.

Вся семейная община картлийцев объединялась под общей кровлей *darbazi* (დარბაზი). Дарбази иногда представляло собой только жилой дом, но весьма часто оно заключало в себе комплекс жилых и хозяйственных помещений.

Картлийское *darbazi* является типичной формой жилого дома семейной общины, с преимущественно земледельческим хозяйством, в котором в общем зальном помещении размещались все члены семьи без выделения для отдельных брачных пар самостоятельных помещений. На сравнительно позднем этапе развития семейной общины система распределения общего помещения общины стала отражать его деление по отдельным индивидуальным семьям. Каждый брат со своей малой семьей занимал особо выделенный в общем *darbazi* (დარბაზი) угол; каждая невестка имела в стене свою нишу для личных вещей, однако постоянных перегородок здесь еще не существовало.

Для грузинских семейных общин, с преимущественно земледельческим хозяйством, одноэтажный дом с общим обширным помещением, с распределенными между братьями нишами, должен был быть характерной формой жилища, что только впоследствии было заменено другими видами домов.

Большое помещение, в котором находилась вся семья, было типично и для кахетинской семейной общины.

¹ По вопросу типологии см. Г. С. Ч и т а я, Этнографические исследования в Грузинской ССР. Советская Этнография № 4, 1948 г., стр. 186; А. Апакидзе, Г. С. Ч и т а я, Э. В. Хоштария. Грузинская советская историческая наука к сорокалетию Великой Октябрьской Социалистической революции. (на груз. яз.). Труды ин-та Истории АН ГССР, т. III, Тб., 1958 г., стр. 39., А. И. Робакидзе и др. Современное грузинское крестьянское жилище, Материалы по этнографии Грузии, в. X, Тб., 1959, стр. 21, (на груз. яз.); Т. А. Чиковани. Жилые и хозяйственные постройки в Триалети, автореферат, Тб., 1954 г.; его же — Грузинское народное жилище (Цалкский дом) Тб. 1960 г.

В таком помещении в Кахети находились несколько женатых братьев: каждая невестка имела свою нишу — *čalo* (წალო) для хранения постели и сундука *skivgi* (სკივიგი) с одеждой, которое составляло ее личную собственность, существовавшую параллельно с семейно-коллективной собственностью *sasaxlo* (სასახლო); от слова *saxli* (სახლი — дом).

В центральной части жилого дома с земляным полом находился очаг; на некотором расстоянии от него, на маленькой возвышенности, был сделан деревянный настил для постели, на котором по заранее распределенным местам укладывалась на ночь вся семья.

Изменение в планировке помещения в первую очередь началось с выделением специальной части дома для гостей. Братья же со своими индивидуальными семьями продолжали пользоваться общим помещением, выделяя внутри него, как отмечалось, специальные ниши.

Общее жилое помещение, без учета комплекса построек хозяйственного назначения, являлось характерным и для имеретинского дома, в котором размещались все члены семейной общины.

В усадьбе семейной общины данного вида дом большей частью являлся самостоятельным помещением, отделенным от хозяйственных построек, расположенных на территории двора.

Один из видов имеретинского большого дома состоял из двух основных частей: большого помещения *sažalabo saxli* (საჯალაბო სახლი) и двух комнат, предназначенных для гостей, называемых *sastumro saxli* (სასტუმრო სახლი — гостиним домом). Термин *sažalabo saxli* (საჯალაბო სახლი) (ср. приведенное в первой части настоящей работы наименование семейной общины *žalabi ožaxi* ჯალაბი ოჯახი) является специальным обозначением общинного дома. *Sažalabo saxli* в своем первоначальном виде было отделено от гостиного дома. Как это отмечалось в первой части работы, в центре *sažalabo saxli* находился очаг, называемый *šua seshli* (შუა ცეცხლი — средний огонь). В стенах здесь, так же, как у картлийцев и кахетин, были устроены ниши с полками, распределенными между невестками для хранения их личных вещей, стенные же шкафы предназначались для общей посуды, принадлежащей всей семье. Перед очагом во время еды и, главным образом, во время ужина ставился узкий и длинный стол на коротких ножках, называемый *surga* (სურგა), за которым располагались все члены семейной общины.

Впоследствии этот тип дома заменил сравнительно новый тип двухэтажного дома — *oduri saxli* (ოდური სახლი), состоящий из нижнего этажа — *palati* (პალატი) и верхнего — *oda* (ოდა); *sažalabo saxli* (საჯალაბო სახლი) с этого времени стал выполнять функцию кухни.

Та же самая картина истории жилища семейной общины восстанавливается и в низменной части Рачи, где *sažalabo saxli* вначале имело общее помещение — *šua saxli* (შუა სახლი — буквально: средний дом) с открытым очагом в центральной части. С одной стороны к *šua saxli* было пристроено каменное помещение *palati* (პალატი), а с другой — комната из деревянных срубов; иногда *šua saxli* являлось вторым этажом *palati*.

Дом этот назывался как *sažalabo saxli*, так и просто *šua saxli*, по наименованию основной его части. Основной частью *sažalabo saxli* и после его дальнейшей реконструкции оставалось *šua saxli*, в котором происходило приготовление пищи и где располагалась обычно на ночь вся семья.

Šua saxli в своем внутреннем устройстве с широкими тахтами вдоль стен, на которых располагалась на ночь вся семья, — сохраняло элементы семейно-общинного быта. Большие размеры помещения с установленным

в центральной его части очагом, где обычно за ужином собиралась вся семья, были также рассчитаны на большое число членов неразделенной семьи.

Центральное место во всех этих домах занимал очаг. За общей трапезой у очага, как это было видно из описаний отдельных видов семейных общин, объединялись обычно все члены семьи, в размещении которых четко соблюдался принцип деления по полу и старшинству. Один ряд у очага составляли женщины, другой — мужчины, со специально выделенным для главы семьи почетным креслом.

Ритуальное значение семейного очага — общеизвестное и распространенное явление, сохранившееся в виде пережитка общинно-родовых отношений и у грузин. В грузинской семейной общине, подобно другим народам, все ритуалы, связанные с основными моментами жизни, как это было описано в I ч. работы, выполнялись у очага. Здесь же собиравшаяся каждый вечер за ужином семья обсуждала основные вопросы каждодневной жизни.

Поэтому естественно, что в жилищах семейных общин основное место занимал очаг со всеми своими характерными элементами, сохраняющими самобытные черты, различаемые по отдельным этническим группам. Очаг семейной общины со всем своим комплексом являлся самой устойчивой частью жилища семейной общины, значение которого, помимо его хозяйственного назначения, подкреплялось также сохранявшимися в идеологии древними пережитками.

Итак, при существующей разновидности типов жилищ¹ низменной части Грузии вскрываются, однако, те общие элементы, которые соответствовали одной и той же форме семейного уклада.

В первую очередь таким является общее помещение, отличающееся своими большими размерами с имеющимся в центральной части его очагом, вокруг которого могло собираться многочисленное семейство.

Последующий этап развития представлен выделенными в общем помещении для индивидуальных семей отдельными стенными нишами, а позднее — даже отдельными комнатами. Ниши эти предназначались для отдельного хранения той части имущества, которая не представляла общинно-семейной собственности и являлась личной собственностью индивидуальных семейных ячеек.

Элементы эти являются типичными для интерьера домов низменной части Грузии, свидетельствующими о более позднем этапе развития семейных общин. Они отражают отдельные стороны классового общества с характерными моментами частной собственности, вкрадывающимися во внутреннюю жизнь семейной общины и ускоряющими ее разложение.

Семейные общины, с преимущественно скотоводческим хозяйством, распространение которых падало преимущественно на горную часть Грузии, имели дома, вмещающие весь общий комплекс жилых и хозяйственных помещений не в горизонтальном, а в вертикальном разрезе. Дома эти не размещались по усадебному типу поселения, а располагались террасами соответственно топографическим условиям горных районов. Внутреннее распределение помещений в этих домах выражало основной характер хозяйства семейных общин.

¹ М. Ильина все указанные виды жилищ относит к одному и тому же типу «дарбазули». См. М. И л ь и н а. Древнейшие типы жилищ Закавказья. «Сообщения Института истории и теории архитектуры», М., 1946, вып. 5.

В большинстве случаев эти дома состояли из нескольких этажей; в верхних этажах располагались члены семейной общины, в нижнем этаже находился домашний скот (Хеви, Гушети, Пшави и др.). Особенности этих домов, являвшихся жилищем многочисленных семей, были обусловлены развитием скотоводства, которое нашло свое отражение как в комплексном характере всего жилища, — в одной части которого размещались все члены семьи, а в другой домашний скот, — так и в специальном помещении — *сене* (სენე), выделенном для приготовления молочных продуктов. Таким являлось, например, *сене* (სენე)¹ в мохевском доме, указывающее на ведущее значение молочного хозяйства в экономике и быту семейной общины мохевцев.

Ритуальное значение основного, орнаментированного столба — *deda bozi* (დედაბოძი) здесь, как и в семейных общинах с преимущественно сельскохозяйственным хозяйством, сохранялось потомками семьи на протяжении долгого времени. Представление об общем происхождении выделившихся из одной семьи братьев объединяло в канун великого поста всех членов родового квартала вокруг *deda bozi* (დედა ბოძი) того дома, выходцами из которого они себя считали. В этих же горных районах семейные общины имели и такие дома, которые одновременно с жилищем и помещением хозяйственного назначения представляли крепость с бойницами, имеющую оборонное значение во время различных междоусобиц. Внутри этих домов размещались все члены семьи со своим скотом и имуществом.

Таковыми были старинные дома мохевцев — ჯეხო (ჯეხო), тушин, а также старинные дома горных рачинцев и сванов, называемые у рачинцев *dirgoebiani saxli* (დირგობიანი სახლი). Как было видно из приведенного в I ч. работы описания, *dirgoebiani saxli* представлял четырехэтажный дом, в нижнем этаже которого находился скот; второй этаж являлся жилой частью дома, состоящей из большого общего помещения *saerto saxli* (საერთო სახლი — общего или общинного дома), в середине которого был устроен очаг *šua seshli* (შუა ცეცხლი — буквально: средний огонь); рядом с *saerto saxli* были устроены *kaqseli* (კარსელი) и *derani* (დერანი) для хранения сельскохозяйственного инвентаря; *magani* (მარანი) для хранения винных запасов и разных продуктов; а также специальное зернохранилище *be-yeli* (ბელელი). Третий этаж — *šua saxli* (შუა სახლი — буквально: средний дом) являлся общим хранилищем всех семейных запасов. В четвертом этаже в *saqvamuri* (საკვამური) были устроены бойницы, посредством которых жители могли во время осадного положения обороняться; здесь же находились врытые в землю глиняные кувшины для воды.

Деление на индивидуальные семьи для этих общих домов не характерно — обстоятельство, указывающее на более ранний, по сравнению с низменной частью Грузии, этап развития семейной общины.

Объединение под общей кровлей жилых и хозяйственных построек, а, в частности, помещения для домашнего скота, в некоторых семейных общинах горной Грузии носило более яркий характер. Так, например, в *mašub-e* (მაჩუბე) — нижнем этаже сванского дома, в котором были размещены все члены семьи, за перегородкой помещался домашний скот.

В сванском доме, как это было видно из описания, домашний скот, лишь только частично отделенный от жилого помещения, находился в сфере постоянного наблюдения человека.

В центральной части *mašub-a* был устроен очаг — *kega* (კეგა), у которого совершались самые важные обряды: приобщение молодой невестки

¹ Относительно *сене* см. Г. С. Читая. «Сене Хевсурского дома», Аналеби. Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили, 1947, т. 1, стр. 145 (на груз. яз).

к культу дома и прощание с покойником: здесь произносил глава семьи — *koḡa tḡaxvši* (ქობა მხვშო) — молитву, с выполнением соответствующего ритуала в дни религиозных праздников, и здесь же собирался семейный совет.

Члены семейной общины, находившиеся внутри дома или башни вместе со своим скотом и со всем имуществом, могли при осадном положении села в течение некоторого времени не выходить из дома; семейная община была обеспечена внутри своего жилища необходимой пищей и питьем, а также соответствующим кормом для скота.

Сванские башни, прилегающие к самим домам и принадлежащие отдельным родственным объединениям *satxub*-ам (სახუბი), представляющим в то же время кварталы села, генетически должны быть отнесены к башням отдельных семейных общин, в результате сегментации которых были образованы и сами *satxub*-ы.

Таким образом, в планировке жилых помещений у грузин выявляется соответствующий структуре семейных общин характер распределения жилища.

Отдельные моменты, связанные с внутренним распределением жилого помещения семейной общины, указывают на различные этапы ее развития. Так, например, выделение части помещения для молодоженов и гостей является более ранним этапом разделения жилища семейной общины, за которым уже должно было последовать разделение дома по индивидуальным семьям братьев. Последнее подразделение жилища, выразившееся первоначально в образовании отдельных ниш в стене общесемейного зального помещения, соответствовало новому этапу образования семейной общины, развивающейся в условиях классового общества. Элементы внутренней части жилища, восходящие к глубокой древности существования семейных общин, сохранялись главным образом в конструкции и отдельных функциях всего комплекса очага.

Б) Земля в ее различных видах (пашни, сенокосы, пастбища). Особое место в имуществе семейной общины занимала земля. Земля, как одно из основных средств производства, определяла экономическую сущность семейной общины на различных этапах ее развития.

Грузинские этнографические материалы, указывающие на sporadическое существование семейной общины, еще на протяжении XIX века выявляют различные формы владения той частью семейного имущества, которую составляла земля.

Пережиточно сохранившаяся форма семейной общины, лишенная в феодальном обществе общинно-семейной собственности на землю, была уже ограничена в тех социально-экономических функциях, которые ее ранее характеризовали.

Семейные общины с земледельческой формой хозяйства, являвшиеся характерными для равнинной части Грузии, испытали на себе мощное влияние феодального строя и пореформенных изменений. Характерной особенностью семейной общины этого времени являлось отчуждение земли, принадлежащей уже не крестьянским семейным общинам, а феодалам. Земли составляли феодальную собственность, что и определяло социально-экономическую зависимость крестьянских семейных общин от отдельных феодальных хозяйств.

Однако общинная собственность, как sporadическое явление, не прекращала своего существования с появлением частной собственности вплоть до XIX века и была уничтожена лишь капиталистическим строем.

В пореформенный период, когда отдельные более состоятельные крестьянские семейные общины могли уже выкупать земельные участки и получать крестьянские наделы, семейные общины, имевшие по сравнению с малыми семьями больше материальных возможностей, вновь становились владельцами земли. Но и в этот период недостаточность земли, находившейся во владении семейных общин в виде отдельных крестьянских наделов, восполнялась участками, получаемыми крестьянством в аренду от бывших феодалов, за что владелец земли брал часть урожая (Картли, Кахети, Имерети, Рача и др.).

На арендных землях разводились виноградные и фруктовые сады на половинных началах; доставшийся большой семье виноградник постепенно переходил в ее постоянное пользование. В силу этой формы землепользования, определенные успехи в хозяйстве зависели от рабочих рук и рабочего скота, требуемого в большом количестве для вспашки земли, особенно в тех районах Грузии, где применялся большой плуг.

Таким образом, пережитки семейной общины, сохранившиеся в Грузии в условиях развитого феодализма (Картли, Кахети, Имерети, Рача и др.), не могли сохранить общинно-семейной собственности на основное средство производства — землю, сделавшуюся уже достоянием господствующего класса, но при этом сохраняли коллективную собственность на скот, орудия труда и т. п., без чего семейная община должна была уже окончательно исчезнуть.

Более ранний этап развития представляют в этом отношении семейные общины с преимущественно скотоводческим хозяйством, характерные для некоторых горных районов Грузии, наиболее стойко сохранивших общинные формы землепользования.

По грузинским этнографическим материалам, в семейных общинах со скотоводческой или смешанной формой хозяйства устанавливаются две различные формы владения землей. К первому относятся так называемые *kaḡis piḡa* (კაგის პიგა) — подворные или усадебные земли, которые находились в постоянном общинно-семейном владении отдельных семей; участки эти подвергались естественному удобрению и периодически оставались под паром.

В некоторых случаях семейные общины, с преимущественно скотоводческим хозяйством, а также семейные общины со смешанным хозяйством имели общинно-семейные участки в двух местах. Так, например, у тушин параллельно с *kaḡis piḡi* (კაგის პიგი) существовали *boslis piḡi* (ბოსლის პიგი). Последние представляли участки земли, отдаленные от жилых мест, где при пашнях содержался и домашний скот.

Наличие двух параллельных хозяйственных баз было особенно характерно для семейных общин со смешанной формой хозяйства. Так, например, в горной Раче, где существовала своеобразная залежная система обработки земли с двухгодичным сроком залежи, широко применялось естественное удобрение. На залежной земле периодически содержался домашний скот. Такого рода чередование землепашества и скотоводства было обусловлено низким уровнем агротехники, в результате чего каждая семейная община вынуждена была иметь две хозяйственные базы и регулировать более или менее нормальное развитие скотоводства и земледелия. Находившиеся в общинно-семейном владении участки земли не были отгорожены, но у каждой семейной общины были установлены свои знаки собственности.

В данном случае выявляется общинно-семейная форма владения, которая типична для большой семьи, как переходная форма собственности от общинно-родовой к индивидуальной.

Другую по форме владения группу пахотных земель составляли те участки, которые периодически переделывались по жребью между отдельными семьями и в силу этого отражали участие большой семьи в пользовании общинной собственностью. Доля каждой семьи отмеривалась веревкой, и поэтому участки эти носили наименование *sablis miça* (საბლის მიწა) — вервленые земли; назывались они также и *çilis miça* (წილის მიწა) или просто *paçilari* (ბაწილარი) — долевыми участками (у пшавов, тушин, мохевцев). По истечении срока, установленного для пользования отдельными участками, они поступали в распоряжение сельской общины, вновь отмерялись и распределялись между семьями. Каждая семейная община получала свой участок в общинной земле села на определенное количество лет для обработки и пользования, не имея на них никаких других прав.

Такой способ раздела подразумевал общинно-семейное пользование землей, сохраняя при этом право владения всей землей за сельской общиной.

В некоторых случаях переделы общинных земель сохраняли пережитки общинно-родового владения с системой периодических переделов не внутри села, а внутри отдельных родственных объединений (ср., например, приведенный в первой части работы материал из Хеви, селение Ахалцихе). В этом случае периодические переделы производились между семьями внутри одного родового объединения. Переделы внутри родственной группы, так же как и внутри села, не зависели от выделения новых семей. Выделившаяся семья могла претендовать на получение своей доли из общей земли только лишь тогда, когда, по установленным срокам, должны были произойти общие переделы. Таким образом, распределение земель по общинно-родовому принципу в данном случае было основано на более ранней форме периодических переделов.

Такого рода система переделов сохраняла следы древней общинно-родовой формы владения.

Разделу как общинно-родовых, так и территориально-общинных земель обычно подвергались пашни и покосы. Вся прочая земля, не пригодная для пашен, как то: пустоши и выгоны, оставалась нераздельной собственностью сельской общины.

Пастбища обычно находились во владении всей сельской общины и разделу между семейными общинами не подлежали. Однако на основании некоторых этнографических данных устанавливается существование и общинно-родовых пастбищ, сохранившихся в пережитках как самой экономики, так и идеологии. Для примера могут быть названы Камараули из селения Каркуча (Хеви), которые имели свои общинно-родовые пастбища с тохит-ными подразделениями, совместно справлявшими свой родовой праздник перед началом перегона стада на летние пастбища.

Вопроса земельных переделов в Восточной Грузии подробно касался в свое время М. В. Мачабели, который также указывал на существование отдельных семейных участков *çaris piri* (ჯარის პირი), не включаемых в общие переделы¹.

Этим же вопросом в свое время занимался и М. М. Ковалевский, который, останавливаясь на исследовании Мачабели, писал, что приводимые М. В. Мачабели сведения, касающиеся земельных переделов в Грузии, не отражают первоначально существовавших порядков распре-

¹ М. В. М а ч а б е л и. Экономический быт государственных крестьян Тианетского уезда, Тифлисской губернии. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. V, Т., 1887, стр. 386.

деления земли, а являются результатом искусственно внедренного официальными властями порядка.

«О распространеннейшем во всей Грузии, и в частности в Пшавии, порядке старозаимочного землевладения, — пишет М. М. Ковалевский, — в приведенных нами словах г. Мачабели нет и помину, а наоборот, о переделах не сказано, что они новейшее явление, о котором несколько десятков лет назад не было и помину. Из расспроса стариков я узнал, что еще недавно землевладение в Пшавии представляло любопытное сочетание племенной, родовой и нераздельно-семейной собственности». Там же М. Ковалевский замечает относительно существования порядка переделов земель следующее: «Последние были введены шестьдесят лет тому назад, а в 1882 году, при приставе Абхазы, постановлено, что переделы должны происходить на расстоянии каждых двадцати лет»¹.

Замечания М. М. Ковалевского по поводу работы М. Мачабели не совсем справедливы, ибо Мачабели также придерживался взгляда, что переделы земли имеют более позднее происхождение: «Способы пользования землей в общинах Тианетского уезда, — пишет, например, М. Мачабели, — до введения периодических переделов и после них представляют существенную разницу, и потому я принужден каждый из них описывать особо»².

Более древней системой землевладения М. Мачабели считал подворно-наследственное пользование: «В большей части общин Тианетского уезда, — писал М. Мачабели, — усадебные места, садовые и пахотные участки, до введения периодических переделов, были в подворно-наследственном пользовании отдельных домохозяев». Там же М. Мачабели указывает на одну существенную особенность: «Братья при разделе делили свой подымный участок, как родовую собственность; если дым вымирал, то подымный участок переходил к ближайшему родственнику, на которого, впрочем, возлагались и все расходы на похороны и поминки последнего члена вымершего дыма»³.

Существовавшие у тушин порядки переделов, по мнению М. Мачабели, были вызваны главным образом недовольством населения неравномерным распределением земли внутри села: «Периодические переделы начались в уезде лет 60 тому назад и продолжают по настоящее время. При уездном начальнике К. Д. Абхазы (1879 — 1883 гг.) переделы в уезде участились, — пишет он, — так как он сочувствовал равномерному распределению земель между домохозяевами обществ и оказывал всевозможное содействие жителям для приведения этой меры в исполнение»⁴.

Из приведенного материала очевидно, что принципиальной разницы между взглядами М. М. Ковалевского и М. В. Мачабели относительно происхождения системы земельных переделов у грузин-горцев не существовало.

М. Ковалевский придавал большое значение форме заимочного землевладения в образовании общинно-семейной собственности, поэтому даже уничтожение общинно-семейной собственности на землю он

¹ М. М. Ковалевский. «Закон и обычай на Кавказе», т. II, 1890, стр. 84.

² М. В. Мачабели. Экономический быт государственных крестьян Тианетского уезда, Тифлисской губернии. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. V, Т., 1887, стр. 337.

³ Там же, стр. 374.

⁴ Там же, стр. 364.

объяснял переходом лесов в казенные владения. Так, например, относительно пшавов он писал: «Отнесение лесов, занимающих большую часть земельной площади Пшавии, к числу казенных земель, искоренило в самом источнике этот древнейший способ установления семейной собственности на землю»¹.

В отношении Тушети М. Ковалевский приводит записанные им в селении Чонтио сведения, свидетельствующие о том, что пахотные земли там находились раньше в частной собственности отдельных семей, сенокосы же — в общем владении села: «В Тушетии, по сведениям, собранным мною в селении Чонтио, — пишет он, — в старые годы пахотная земля состояла в частной собственности, покосы же при деревнях — в общем владении. Пастбища служили общим выгоном одной или нескольких деревень, причем размеры пользования каждого домохозяйина не были определены. С 1878 года возникли повторяемые каждые пять лет переделы пахотной земли. Свободно делаемые дотоле на общинном пастбище заимки оставлены в руках их временных владельцев сроком на три года, по истечении которых поступают в число подлежащих переделу общинных земель»². (Подчеркнуто нами.—Р. Х.)

На основании имеющихся многочисленных фактических данных можно полагать, что существование периодических переделов у грузин-горцев являлось одним из поздних отголосков той общинной формы владения, которой была свойственна особая живучесть. При этом не исключается и другая возможность, а именно: что в отдельных районах Грузии эта форма владения землей со временем могла быть уже утрачена и приводимые М. Ковалевским и М. В. Мачабели сведения могут действительно указывать на факт восстановления ранее существовавшей формы переделов земель, происходивших в 80-х годах, уже путем вмешательства официальных властей. Но мы не можем согласиться с утверждением М. Ковалевского о существовании в Тушети частной собственности на пахотные земли. Описанная самим М. Ковалевским в Тушети (в селении Чонтио) форма землепользования не основана ни на частной собственности и даже ни на частном владении, ибо, как это явствует из приведенных нами этнографических материалов, она представляет типичную форму общинно-семейного владения.

Выводы, которые в данном случае могут быть сделаны, сводятся к следующему: на основании грузинских этнографических материалов, более ранней и, очевидно, более типичной формой общинно-семейного владения землей должно быть признано подворное владение, характерное для горных районов Грузии. Подворные участки — *karis piri* (კარის პირი), существовали в рассматриваемое время наравне с общинными землями в виде вервленных земель — *sablis miça* (საბლის მიწა). В порядке периодических переделов общинных земель, вероятно, можно видеть видоизмененную общинно-родовую форму владения, предшествующую ступень общинно-семейной форме владения.

Резко отличную картину являют в этом отношении сохранившиеся в условиях классового общества (в низменной части Грузии) крестьянские семейные общины, которые утратили право общинно-семейной собственности на землю, сохранив в основном лишь общинно-семейное право владения.

¹ М. М. Ковалевский. «Закон и обычай на Кавказе», т. II, 1890, стр. 85.

² Там же, стр. 109.

В) Скот. Скот, как имущество семейной общины, является также одним из основных видов средств производства. Владение скотом в условиях сельского патриархального хозяйства предопределяло зажиточность семейной общины.

В. И. Ленин, характеризуя взаимоотношения промыслов и земледелия и приводя данные о среднем числе лошадей у промышленников каждого разряда, заключает: «Таким образом, чем выше стоит хозяин по размеру своего промыслового хозяйства, тем выше он как земледелец. Наиболее крупные промышленники почти в два раза превосходят мелких по количеству рабочего скота»¹.

В земледельческих семейных общинах наличием крупного рогатого скота, используемого в качестве тягловой силы, определялась возможность обработки земли. От количества рабочего скота зависели масштабы земледельческого хозяйства семейной общины, особенно в тех районах Грузии, где обработка земли производилась большим плугом, требующим восьмипарной упряжки, и где земля к тому же являлась собственностью господствующего класса.

В этих семейных общинах количество рабочего скота, как правило, преобладало над молочным; для большого плуга было необходимо десять или восемь пар волов и много сложного инвентаря. Почти каждая семейная община имела одну упряжку плуга *gutneuli* (გუბნეული); более зажиточные семейные общины имели две упряжки плуга, т. е. 16 пар волов, дающих семье возможность обработки большого количества земли. Состоятельность крестьянских семейных общин с земледельческой формой хозяйства определялась имеющимся числом рабочих рук и наличием упряжки плуга для обработки земли.

Экономические возможности малой семьи, которая не имела достаточного количества рабочего скота, были неизмеримо меньше. Она не могла сложить свой плуг и принуждена была для обработки поля прибегать к супряге, объединяя принадлежащее ей незначительное количество рабочего скота и сельскохозяйственный инвентарь с чужим скотом и инвентарем.

Существовавший в Картли уровень развития производительных сил, а в частности способ ведения основной формы хозяйства — земледелия, являлся одной из причин спорадической сохранности пережиточных форм семейных общин до начала XX века. Только семейная община могла иметь свое собственное *gutneuli* (გუბნეული), т. е. требуемое для вспашки поля большим плугом количество волов, а также обеспечить сам процесс пахания необходимым числом людей и соответствующим орудием. Это же обстоятельство способствовало процессу имущественной дифференциации крестьянства, в котором во второй половине XIX века экономическое превосходство большой семьи, основанное на преимуществе в тягловой силе, сыграло важную роль.

Земля и скот являлись основными видами средств производства семейной общины. Скот составлял коллективную собственность семейных общин, имущественные права которых в отношении скота не были ограничены никакими другими условиями, выявляя тем самым типичную для семейной общины общинно-семейную форму собственности. Грузинские семейные общины, основанные на скотоводческой или смешанной форме хозяйства (тушинская, пшавская, мохевская, сванская, горнорачинская),

¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, 1941, стр. 321.

находились на более раннем этапе развития, чем те семейные общины, которые базировались на земледельческом хозяйстве. В данном случае должно быть принято во внимание и то обстоятельство, что семейные общины со скотоводческим хозяйством были характерны преимущественно для горного населения, а также той части равнинной Грузии (кизикцы), быт населения которой подвергся сравнительно с другими районами Грузии не столь глубокому влиянию развитого феодализма.

Имущественную разницу между отдельными семейными общинами с скотоводческим хозяйством создавало разное количество мелкого рогатого скота (Тушети, Хеви, Пшави и др.). Показательным является для этих семейных общин то, что имевшие свыше тысячи голов мелкого рогатого скота и насчитывавшие десятки лошадей имели, как правило, одну пару волов и не более 12 дойных коров (тушины); это объяснялось тем обстоятельством, что состоятельные семейные общины имели столько же пахотной земли, сколько все остальные семьи внутри села; поэтому многочисленная состоятельная семейная община так же не нуждалась в большом количестве волов, как и все остальные семьи. Все это указывает на сравнительно слабо развитое земледельчество в семейных общинах со скотоводческой формой хозяйства, где рабочий скот, по сравнению с овцеводством, а частично и вообще с молочным скотом, теряет уже решающее значение в имуществе семейной общины.

Развитие земледелия в скотоводческих семейных общинах было ограничено малоземельем и низким уровнем агротехники. Развитию же молочного хозяйства на базе крупного рогатого скота мешало отсутствие соответствующей кормовой базы. Так, например, пшавы у себя на месте не могли прокормить на стойловом содержании более 10 голов крупного рогатого скота. Использование подножного корма было также ограничено.

Особая форма отгонного скотоводства обусловила создание хозяйственных баз, основанных на земледелии в виде заимок, в результате чего, наравне с общинно-семейной собственностью на стада, в отдельных случаях создавалась семейно-общинная форма владения пахотной землей (пшавы). При этом разведение молочного скота с использованием подножного корма создавало важное (у пшавов) подспорье к овцеводству, составлявшему главный источник благосостояния семьи. Наиболее распространенной отраслью хозяйства, в которой широко применялась «яйлажная», или отгонная, форма скотоводства, при оседлой форме жительства, было овцеводство.

Развитие отгонного овцеводства в тех масштабах, которые оно постепенно приобретало у грузин-горцев, требовало большого числа людей и вполне соответствовало организации труда в семейной общине. С разложением семейных общин овцеводческие хозяйства стали мельчать, что вызвало уже необходимость в создании искусственных хозяйственных объединений—скотоводческих артелей, называемых у тушин пагеоба (ბაგეობა).

В артельных условиях скот находился в коллективном владении отдельных семей, составлявших артель, и объединялся лишь на время отгона. Коллективной формы потребления артель не знала; продукты скотоводства потреблялись отдельно, семьями.

Мопაგე (მეპაგე — члены артели), объединяя свои стада и труд, продукцию делили между собой в зависимости от количества принадлежавших им дойных овец. Сообразно с этим распределялись и все расходы. Развитие капиталистической формы товарного производства с использованием наемного труда, сыгравшее решающую роль в процессе разложения

семейной общины, протекало в этих семейных общинах также на базе скотоводческого хозяйства.

Независимо от того места, которое занимал скот в имуществе дельческих и скотоводческих семейных общин, являясь средством производства, он представлял общинно-семейную собственность. В этом отношении характерно и то обстоятельство, что к знакам общинно-семейной собственности всегда относились клейма на домашних животных, в то время как на других предметах сохранялись все еще знаки общинно-родовой принадлежности. Так, например, у сванов знаки общей собственности, принадлежащей *satxub*-у (სამხუბ), сохранялись на деревьях, клеймение же животных было основано, как указывалось, на принципе общинно-семейной собственности.

Каждая семейная община с ведущей формой овцеводческого хозяйства (тушины, мохевцы) имела свои знаки общинно-семейной собственности, накладываемые на мелкий рогатый скот. Знаки эти переходили из поколения в поколение. При разделе семейной общины знаки коллективной собственности переходили к старшему брату, новые же знаки для остальных выделившихся семей устанавливались советом старейшин.

Итак, форма владения семейным имуществом являлась одним из основных, определяющих моментов самой семьи. Общинно-семейная форма собственности, которая отличала семейную общину от индивидуальной семьи, была характерна для всех видов большой семьи. В отдельных случаях существования семейных общин, основанных на различных отраслях хозяйства — земледелии и скотоводстве, — всегда подразумевалось наличие и общинно-семейного имущества.

Неотчуждаемость недвижимого имущества и той части движимого имущества, которое составляло средства производства семейной общины, являлась характерной особенностью общинно-семейной собственности. Для каждого отдельного вида семейной общины типичной являлась не форма собственности или владения, а лишь некоторые различия в самих тех элементах, из которых состояло имущество различных видов семейных общин.

Основными элементами имущества семейной общины являлись дом и усадьба, скот и земля в ее различных видах. Формой собственности на землю, как на одно из основных средств производства, определялись главные этапы развития семейной общины.

Общинно-семейная форма собственности на средства производства, как одна из основных характерных сторон семейной общины, определяла степень ее сохранности.

Грузинские семейные общины, основанные на земледельческой форме хозяйства, при существовавшей в классовом обществе частной собственности на землю, принадлежавшую господствующему классу, и лишенные тем самым основного средства производства, представляли к моменту их изучения более поздний этап развития семейной общины, чем скотоводческие семейные общины, сохранявшие общинно-семейную собственность на скот и общинно-семейное владение на одну часть земли.

3. Организация труда в семейной общине и ее управление.

Исследователи второй половины XIX века, основываясь на коллективной форме хозяйства семейной общины, пытались приблизить ее к артельной форме хозяйственно-общественного объединения. Главными

представителями этого направления — А. Я. Ефименко¹, И. Г. Оршанским², П. Матвеевым³, М. В. Довнар-Запольским⁴ — была разработана теория трудового начала, которая тогда же подверглась резкой критике со стороны других исследователей общественных учреждений: С. В. Пахмана⁵, М. М. Ковалевского⁶, Кулишера⁷, В. Ф. Мухина⁸ и многих других, противопоставивших указанной точке зрения теорию родового начала.

Несмотря на большое значение, придаваемое вышеуказанными авторами труду в семейной общине, подробного описания организации труда большой семьи в литературе не появилось. В данном случае авторы ограничились лишь общими формулировками о распределении работ между женщинами и мужчинами, останавливаясь при этом, главным образом, на руководящей роли домачина и домачицы. Организация работ по специфике труда отдельных семейных общин в зависимости от отрасли их хозяйства не привлекала исследователей. Не было при этом обращено внимания и на характер самой организации труда, отражающей пройденные этапы развития общества и специфику самой большой семьи.

Как было видно из приведенных в I ч. работы конкретных данных, во всех видах грузинских семейных общин, объединяющих близких родственников до четвертого поколения, были представлены различные возрастные группы. В распределении хозяйственных работ при существовавшем делении на мужские и женские занятия соблюдался принцип старшинства по отдельным поколениям. В семье имелись старики и старухи, пожилые женщины и мужчины, юноши и девушки и, наконец, дети; это представляло при ее родственном составе особенность структуры семейной общины, и в основном по этому принципу распределялся в семейной общине труд, имеющий дифференцированные названия для работ старшего и младшего поколения — *sauroso* (საუფროსო) и *saumcroso* (საუმცროსო). Система организации коллективной формы труда строилась по отдельным поколе-

¹ А. Я. Ефименко. Трудовое начало в народном обычном праве, «Слово», 1878, № 1; «Исследования народной жизни», вып. 1, Обычное право, М, 1884. Необходимо при этом отметить, что А. Ефименко этой точки зрения придерживалась в основном в отношении исследуемой ею великорусской большой семьи. А. Ефименко считала, что великорусская семья представляет по сравнению с задругой прогрессивную форму развития, имеющую в первую очередь основу экономического порядка. «Если в сознание человека, — пишет А. Ефименко, — вкрадывается мысль, что несправедливо отдавать преимущество происхождению, зависящему единственно от слепого случая, перед личными заслугами и достоинствами, в значительной степени зависящими от самого человека, — это уже большой шаг вперед. Великорусская семья сделала этот шаг, оставив позади себя задругу, возвращающуюся в заколдованном кругу исключительно родовых отношений и понятий. Таким образом, великорусскую семью такого рода можно рассматривать по сравнению с задругой, как форму прогрессивную». Назв. соч., стр. 65.

² И. Г. Оршанский. Народный суд и народное право. Исследования по русскому праву, обычному и брачному, СПб., 1879, стр. 380, 381 и др.

³ П. Матвеев. Очерк народного юридического быта Самарской губернии. Записки Русского географического общества по отделению этнографии, 1878, т. VIII, стр. 22.

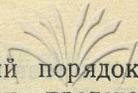
⁴ М. В. Довнар-Запольский. Очерки семейственного обычного права крестьян Минской губ., «Этнографическое обозрение», 1897, № 1, кн. XXXII, М.

⁵ С. В. Пахман. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки, т. II. Семейное право, наследство и опека. СПб, 1879, стр. 8 и след.

⁶ М. Ковалевский. Первобытное право, вып. 1, Род., М., 1886, стр. 32 и след.

⁷ Кулишер. Очерки сравнительной этнографии и культуры. СПб, 1887, стр. 13.

⁸ В. Ф. Мухин. Обычный порядок наследования у крестьян. (К вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению), СПб, 1888.

ниям, представленным внутри семейной общины. Настоящий порядок, установленный для всех видов грузинских семейных общин, представляет пережиток древних патриархальных отношений и является специфическим моментом семейной общины, отличающим ее от трудовой артели с кооперированной формой труда.

Но при этом распределение труда между членами сельскохозяйственных и скотоводческих грузинских семейных общин было различно; в этом, главным образом, и выявлялась одна из особенностей не только внутренней организации различных видов семейных общин, но и ступень ее развития.

В сельскохозяйственных работах семейных общин с преимущественно сельскохозяйственным хозяйством подразумевалось исключительно участие мужчин. Для указанного вида семейной общины коллективная форма организации труда была характерна, главным образом, для сельскохозяйственных работ, в которых было занято преобладающее большинство членов семьи.

При пахании большим плугом в каждом отдельном случае требовалось не менее пяти человек, труд между членами семьи распределялся с соблюдением существовавшей внутри семьи иерархии. Представитель старшего поколения был главный плугарь — *gutnis deda* (გუთნის დედა), из среднего поколения брались дневные, а из младшего — ночные погонщики.

При описании обычая пахания у грузин А. Хаханавили писал: «Известно, что грузинский плуг требует у земледельца больших хлопот и больших расходов. Для него необходимо шесть или, по крайней мере, пять человек работников, десять или восемь пар волов, много сложной упряжки и разных приспособлений». И далее автор также замечает: «Малая семья в противоположность большой семье, обладающей достаточным количеством буйволов, быков, коров, лошадей, — не может сложить плуг («гутани») на свои средства, и поэтому для составления его приходится прибегать к артели, в которой участвует несколько малых семей»¹.

Более опытные и способные к сельскому хозяйству члены семьи занимались обычно ведущей формой хозяйства и находились в семье на более почетном положении. Так, например, в сельскохозяйственной общине земледельцы пользовались большим уважением по сравнению со скотниками; главный плугарь — *gutnis deda* (გუთნის დედა) избирался обычно и главой семьи. В сельскохозяйственных семейных общинах с развитой формой виноградарства (кахетинцы) виноградари играли ведущую роль. Глава семьи почти во всех случаях здесь сам занимался виноградарством.

В некоторых сельскохозяйственных семейных общинах (имеретинцы), где основные занятия членов семьи заключались в сельскохозяйственных, а также в лесозаготовочных и деревообработочных работах, были выделены два основных вида занятий, имеющих свои наименования — *toxis kaci* (თოხის კაცი — буквально: «человек мотыги») и *culis kaci* (ცულის კაცი — «человек топора»), они являлись ведущими работниками семейной общины и занимали в ней соответствующее привилегированное положение². При этом отличали главного *toxis kaci* от остальных работников мотыги.

¹ С. Хаханов. Обычай грузинских крестьян при пахании. «Этнографическое обозрение», 1891, № 4, стр. 192; см. также З. Биланишвили. Корреспонденция из Иорского ущелья. О системе пахания грузинским плугом. «Дрозда», 1884, № 73 (на груз. яз.); А. И. Робакидзе. Супруги, как одна из форм эксплуатации в дореволюционной Грузии. «Мимомхилвели», т. II, Тб., 1951 (на груз. яз. с русск. резюме).

² Выделение специальной функции, связанной с лесозаготовочными и деревообработочными работами в организации семейной общины, и создание наравне с

Равным образом в семейных общинах с преимущественно скотоводческим хозяйством главную роль должны были играть и действительно играли скотоводы. Система распределения труда с четко разграниченными отдельными функциями здесь была представлена уже внутри скотоводства.

Система организации труда в скотоводческих семейных общинах выявляет резко отличную от земледельческих семейных общин картину. Разделение труда в скотоводческом хозяйстве подразумевало прежде всего распределение сельскохозяйственных функций между мужчинами и женщинами, что исключалось, как это было показано выше, в земледельческих семейных общинах, где труд женщин в основном ограничивался работами по дому.

Особенно показательны в этом отношении тушинские семейные общины. Земледелием, а также молочным хозяйством, основанным на крупном рогатом скоте, у тушин занимались, главным образом, женщины; овцеводство же, являвшееся ведущей формой хозяйства, целиком находилось в руках мужчин. Овцеводство определяло «яйлажный» образ жизни, отрывающий мужчин от семьи. Именно последнее обстоятельство предопределило необходимость активного участия женщин в хозяйстве и в первую очередь в той ее отрасли, которая была связана с оседлым образом жизни. Только незначительное число мужчин, в основном стариков, оставалось дома. Быть *šipa qasi* (შობა ჯიჯო — мужчиной, остающимся дома и занимающимся земледелием) для молодых мужчин, в противоположность земледельческим семейным общинам, считалось позорным. Наблюдались семейные общины, не имеющие ни одного *šipa qasi*, а также такие, в которых из десяти мужчин восемь были овцеводами и только двое *šipa qasi* (შობა ჯიჯო). Приучая мальчиков к ведению овцеводства, их с самых малых лет отрывали от домашнего очага. Такая организация труда подразумевала распределение хозяйственных функций между мужчинами внутри одной и той же отрасли производства — овцеводства. Все же остальные виды занятий являлись для мужчин второстепенными и не носили характера столь строго организованной формы труда.

По принципу патриархальных отношений происходило и распределение функций в овцеводстве. Возрастное деление отражалось и на каждодневных взаимоотношениях овчаров. Все распоряжения старших овчаров молодыми пастухами немедленно выполнялись. Самыми почетными лицами в семейной общине были опытные овцеводы, из числа которых выбирались главы семей, руководящие как основной отраслью хозяйства, так и всей семейной общиной. Особым уважением пользовались также в скотовод-

терминами земледелия, каким в данном случае является «человек мотыги» (*toxis qasi*), — наименования *culis qasi*, связанного с плотническими работами, для имеретинской семейной общины не случайно. Г. С. Читая в своей работе «Крестьянский дом в Кваблиани» пишет следующее: «Исследователи Кавказа не раз обращали внимание на то обстоятельство, что в определенной части Кавказа обработка и широкое использование дерева имело особое значение. Исстари известные деревянные дома, башни и т. д. были сильно распространены в восточном Причерноморье. Что касается самого ремесла, здесь могут быть названы чаны и, идя от них по Аджарскому хребту, — осетины, сваны и рачинцы, которые издревле и вплоть до наших дней славились плотничеством». Автор приводит сведения известного грузинского географа Вахушти Багратиони, где указывается как на аджарцев, так и на чанов, которые были «искусны в плотничестве» (см. русск. перев. Царевич Вахушт и. География Грузии, 1904, стр. 173 и 191). Здесь же Г. С. Читая, ссылаясь на соответствующий источник (Обозрение Российских владений за Кавказом, СПб, 1836, ч. II, стр. 105), пишет, что в начале XIX века лучшими плотниками в Тбилиси считались имеретины...» (Г. С. Ч и т а я. Крестьянский дом в Кваблиани, «Мимомхилвели», т. 1, Тб., 1926 (на груз. яз.).

ческой (овцеводческой) семейной общине так называемые *mspobiare* (მცობადობარე) — овцеводы — опознаватели ягнят. Это люди, у которых исключительно было развито умение определить, от какой матки происходит тот или иной новорожденный ягненок. Момент этот являлся существенным в овцеводческом хозяйстве, так как во время кормления овца не принимала чужого ягненка и в случае отсутствия *mspobiare* (მცობადობარე) неправильное распределение между матками их ягнят могло вызвать гибель большого количества новорожденных.

В данном случае уже особо выделяются лица, достойные уважения за их личные качества, но которые, опять-таки находясь в овцеводческом хозяйстве, проявляют глубокое знание природы животных, достигнутое, помимо особых способностей, исключительной наблюдательностью.

В общей организации труда, как это было видно из приведенных в I ч. работы отдельных описаний семейных общин, устанавливаются некоторые различия между отдельными скотоводческими семьями.

Кустарное производство шерсти, занимавшее большую часть времени у женщин в скотоводческих семейных общинах, отражало в системе организации труда различные ступени развития семейной общины. В одном случае приготовление одежды для всех членов семейной общины составляло общий коллективный труд всех женщин. В другом же случае этот труд распределялся по отдельным невесткам, в зависимости уже от потребностей ее индивидуальной семьи. Так, например, у мохевцев шерсть между членами семьи не делилась, вся одежда членов семейной общины заготавливалась общими силами женщин под руководством старшей невестки — *diasaxlisi* (დასახლისი). У пшавов *diasaxlisi* делила шерсть между невестками — женами братьев, которые уже сами ее обрабатывали для членов своих индивидуальных семей, но при этом откладывалась и шерсть *saõzaxo* (საოჯახო — семейная), которая предназначалась на общие нужды и обрабатывалась уже всеми женщинами совместно.

Во всех скотоводческих семейных общинах, основанных на овцеводстве, составляющем мужскую отрасль труда, молочное хозяйство на базе крупного рогатого скота было основано на женском труде. В некоторых случаях для управления молочным хозяйством выделялось специальное лицо из числа старших невесток в семейной общине. Так, в пшавской семейной общине одной из старших невесток в течение года поручалось приготовление и распределение молочных продуктов. Обязанность эта, имеющая наименование *temtiuri* (თემთური), была почетной в семейной общине пшавов и выполнялась по очереди исключительно старшими невестками.

В отличие от тушинской и мохевской семейных общин, в пшавской семейной общине специально выделенное для молочного хозяйства лицо не было ограничено в правах со стороны старшей хозяйки. Правами *temtiuri* старшие невестки пользовались поочередно, но не более чем один год.

Таким образом, женщины, хотя и не играли ведущей роли в экономической жизни грузинской семейной общины, с преимущественно скотоводческим хозяйством, однако существовавшая там организация труда не исключала их участия в отдельных отраслях хозяйства, в то время как в семейной общине с преимущественно земледельческим хозяйством, участие женщины в трудовой жизни семьи было ограничено лишь работой по дому.

Семейные общины со смешанным хозяйством, для которых характерным являлось существование двух хозяйственных баз с сосредоточенным внутри их земледельческим и скотоводческим хозяйством, проявляли особенность в разделении труда между членами семьи. В виду того,

что постоянного деления функций по отдельным отраслям хозяйства между братьями здесь не существовало, так как в скотоводстве и в земледелии принимали участие все братья, то распределение работ между ними покоилось на принципе очередности.

На основании установленной в молочном хозяйстве годичной очередности между членами семьи, в частности между женатыми братьями с их малыми семьями, в одном из основных видов хозяйства — скотоводстве — периодически участвовали вместе с мужчинами женщины и дети. Остальные работы, связанные с земледелием и сенокосом, выполнялись сообща членами семьи, не занятыми в то время скотоводством.

В женских работах по дому четко выполнялся принцип распределения работ по старшинству. Основной функцией, выполняемой старшими невестками во всех видах семейных общин, была обязанность руководить выпечкой хлеба. Обязанность эта была одной из самых почетных, выполнялась всегда свекровью и имела специальное наименование *mevarcle* (მევარცლე), образованное от термина *varcli* (ვარცლი — корыто для теста). При жизни свекрови остальные невестки не могли выполнять обязанность *mevarcle*; лишь после ее смерти руководство по приготовлению хлеба возлагалось либо на одну из самых старших невесток в доме, либо на всех жен братьев, ведающих этой отраслью домашних занятий, поочередно.

Сванским термином *merbiel* (მერბიელ) также выражалась основная деятельность женщины — хозяйки дома, заключающаяся в выпечке хлеба. Одна из функций *merbiel* (მერბიელ), так же как и старшей женщины других грузинских семейных общин, заключалась в обеспечении семейной общины необходимым количеством выпеченного хлеба. За этим следовала другая, тоже почетная, но уже выполняемая поочередно старшими невестками обязанность *mentiuri* (მემთიური) сванск. *mənpənəl — მსხუტნალ* — обеспечить семейную общину молочными продуктами. *Mentiuri* (მემთიური) должна была уметь правильно распределять молочные запасы, удовлетворяя в этом отношении различные потребности семьи.

Эти две отрасли женских занятий находились в семейной общине в ведении старшего поколения невесток, которые, руководя младшими невестками, распределяли между ними отдельные вспомогательные работы.

Итак, в системе разделения труда грузинских семейных общин устанавливаются характерные моменты, связанные с особенностями форм хозяйства. Однако общая система распределения труда во всех видах грузинских семейных общин была основана на патриархальном принципе деления.

Система организации труда внутри семейной общины была основана на коллективной форме разделения труда, преимущественно в ведущей отрасли хозяйства, и увязана с патриархально-возрастным делением. Лишь впоследствии с развитием капиталистической формы товарного производства это деление изменилось и в организации семейной общины появился новый элемент. Так, например, в семейных общинах с преимущественно скотоводческим хозяйством, выделялись уже опытные скотоводы, являвшиеся вначале посредниками между продавцами и профессиональными торговцами, создавая тем самым новую функцию в распределении работ между членами семейной общины. Функция эта была связана с капиталистической формой товарного производства и тем самым противопоставлялась характеру семейной общины.

Значение нового элемента в организации труда семейной общины в качестве самостоятельной профессии особо развилось в семейных общинах с преимущественно земледельческим хозяйством. Так, например, в семейных общинах, основанных на виноградарстве, часть виноградарей со временем

приобретала новые функции, способствующие впоследствии выделению самостоятельных профессий—виноторговцев, что способствовало развитию капитализма в деревне и ускорило тем самым разложение семейной общины.

По своему положению глава грузинской семейной общины выделялся не только у своих членов семьи, но и у других членов сельской общины. При общинном управлении глава семьи являлся не только официальным представителем на сельских сходах, но и входил в состав общинного управления селом, где пользовался также всеобщим уважением. При феодальном строе глава семьи освобождался от барщины, которая распределялась между всеми остальными членами семьи. В земледельческих семейных общинах глава семьи как главный пахарь — *gutnis deda* (გუთნის დედა) освобождался от военной обязанности *morige* (მორიგე), установленной в Грузии во второй половине XVIII века. Так же как в скотоводческих семейных общинах, главного скотовода — руководителя семьи, должен был заменить в этом случае другой ее член.

О древнем порядке выделения главы дома из общего состава людей свидетельствуют и хеттские законы, где права и обязанности главы дома выделяются особым параграфом¹.

Из приведенных в I ч. работы описаний различных систем организации труда в грузинских семейных общинах ясно, что выделенный из старшего поколения руководитель семейной общины всегда занимался ведущей отраслью сельского хозяйства. Глава семьи был не только умелым организатором и руководителем семейной общины, но и лучшим работником в доме, исполняющим одну из ведущих и основных работ общинного хозяйства.

Материальное благосостояние земледельческой семейной общины в большей своей части зависело от полеводства, поэтому значение опытного и знающего плугаря было велико. Глава семьи руководил всеми посевами, он распределял зерновые культуры по отдельным участкам, выделяя озимые и весенние посевы и лучшие сорта семян. В его же обязанность в большинстве случаев входило изготовление и пахотного орудия.

В земледельческих семейных общинах, в которых виноградарство являлось основным занятием, глава семьи сам занимался виноделием.

Главой семейной общины мог быть и младший брат, но он обязательно должен был быть представителем старшего поколения и проявлять вместе с тем особые способности к управлению и организации работ внутри семьи.

Общим руководителем семейных общин с преимущественно скотоводческим хозяйством являлся один из старших братьев, который при этом был опытным овцеводом и руководил основной отраслью хозяйства семейной общины — овцеводством.

Глава семьи в скотоводческой семейной общине заботился об увеличении поголовья, об обеспечении скота высококачественными пастбищами и установлении товарищеских отношений с другими семьями на период кочевок посредством объединения в товарищеские союзы — *patgala* (პატგალა). Он нанимал при надобности пастухов, распределял между овчарами и пастухами работы, он же руководил обучением мальчиков, принимавших непосредственное участие в овцеводстве с малолетнего возраста; он ведал всей полученной от овцеводства продукцией, выделяя при этом нужные для семьи запасы мяса, шерсти и сыра и определяя подле-

¹ И. М. Дьяконов. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства, Вестник Древней Истории, 1952, № 4, стр. 258. В примечаниях издателя по поводу термина «глава дома» сказано следующее: «Дословно «отец дома», идиогр. Li A-BI BU—DU».

жашую продаже часть продукции. Вырученные деньги шли на удовлетворение отдельных нужд семейной общины.

В решении отдельных вопросов, касающихся семейной общины, участие принимали все мужчины старшего поколения. Глава семьи постоянно совещался с ними и на основании их советов решал отдельные вопросы.

Развитие отдельных видов отходничества способствовало образованию индивидуальных прав дольщиков, что вело к образованию индивидуальной формы потребления и наносило тем самым удар целостности семейной общины как в части ее коллективного потребления, так и в отношении управления общинно-семейным имуществом.

Грузинские документы феодальной эпохи сохранили ценные сведения о своеобразной системе управления семейной общины. Один из таких документов, озаглавленный как семейный уговор «საოჯახო გარიგების პირი», относится к 1843 году и принадлежит семье Эристави¹. Памятник этот, выявляющий особенности феодальной семьи, содержит подробное описание распределения функций между братьями, характерное еще для типичной формы семейной общины, использованное и феодальным обществом.

Как видно из названного семейного уговора, в большой семье Эристави были объединены три брата со своими потомками.

Основным занятием этой семьи являлось сельское хозяйство, работы по которому были распределены следующим образом: на старшего брата, Левана, возлагалось виноградарство, второму брату, Ревазу, поручалось земледелие, а также обеспечение выполнения связанных с уходом за домом работ. На третьего же брата, Давида, было возложено общее руководство домашней жизнью и скотоводством. Семья эта имела об-

¹ Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР, Hd № 9058. Ниже документ приводится полностью.

„საოჯახო გარიგების პირი:

წელს ჩემგ-ს იენისის ვლ-ს დღესა, ჩვენ სამთავე ძმათა ლევანმა, რევაზმა და დავითმა ვარჩიეთ და ჩვენ შორის განვაწესეთ: ა) ლევანმან წლითიწლობამდე უნდა იზრუნოს თეზისა და ტყვიავის ვენახების მუშაობისათვის, ყოვლის ფრით, როგორათაც, რიგი იყოს; და მათი შემოსავალი შემოიტანოს ეგრეთვე რათაცა სამთავის თანხმობით შეეწერებოდეს ყმათა ჩვენთა, ფული თუ, პური თუ ღვინო და ოსებს საჩუქარ-ბეგარი, ესენივეცა ყოველივე შეპყრობოს და შემოიტანოს.

ბ) რევაზმა ხნას, თესოს და ეცადოს ამის განმრავლებისათვის; შეკრიბოს თავის ალაგას მოსავალი და დასდოს სადაცა რიგი იყოს, ამისავე მზრუნველობით არის სახლების მუშაობა,— ხოლო,

გ) დავითმა იზრუნოს ყოვლისავე სახლის გამგებლობისათვის და სარისტიხა; მოუაროს საქონელსა, ცხვარსა, ღორსა და ჯოგას; მოისმინოს ჩვენთა ყმათა საჩივარი და მისცეს სამართალი და ჯვარისწერის ბარათები; გამოართოს საჩექმე და ჯარიმა, რომელიცა შემთხვევის ამგვარს განმგებობაში და ესენი დასდოს ხოლმე სხუას შემოსავალთან. ამასვე ეკუთვნის მოსამსახურისა ჩაცმა, დახურვა და სტუმართ გაძღოლა.

დ) ყოველივე ესე ვითარნი შემოსავალნი ჩვენის ყმიდან და მამულებიდან სამთავე უნდა ჩავაბაროთ ხოლმე ერთსა გვამსა ვისმე, რომელიც ჩვენ გამოვირჩიოთ და მაშინ ამისაგან მესამეზან ძმამან ჩვენმან დავითმან მიიღოს ყოველი რაიცა სახლის მოვლისა და შენახვისათვის საჭირო იყოს.

ე) დანარჩენი შემოსავალი, რომელიც სახლს ანუ ოჯახს აღარ უნდოდეს გაისყიდებოდეს და ფული დაიდებოდეს საერთოთ; თუ საოჯახო ვალი იყოს სამთავის ჩვენის რჩევით ჯერეთ აქედამ მიეცემოდეს და დანაშენი შემდეგ განვიწილოდ სამად, ხოლო ორნი რევაზ და დავით ვალად ჩვენდა ვსდებთ, რომ რადგანაც უფროსს ჩვენს ძმას ლევანს ჰყავს ბევრი სარჩენი ცოლ-შვილი

იუი კასუ, კორიუ ვედალ სპეციალნუ ვუდელენუ ლიკუ. ვსე დოხდი, პოსუპაიუი სე ეტიხ ტრეხ ვიდიხ ჰოჯიუვსუ, სდავალისე ემუ. ვსე ჯე ოსტალენი დოხდი დელილსე მეჟდუ ბრატუი პორვნუ. ჴესე ჯე დია ბოლ-
 შიუ ტოკნისი უკაზანუ, კო, ნეზავისიპო ოტ კისლა დეტი, ბრატუ პოლუკალი
 ს დოხდი რავნუ დოლუ. ტაკიმ ობრავო, რავდელ პოსუპენი ველსე ნე პო
 კისლუ კლენო სემეი, ა პო კისლუ რავტნიკო, — ოსნოვიხ კლენო სემეი-
 ნოი ობიკნისი. დოლევა სისტემა დელენი პო ბრატუი ვე ამო სლუკე სოოტვე-
 სთვალა თოი სისტემა დელენი, კორიუ ჯავლასე ტიპიკნოი დია რავდელა
 ნასლესთენიკო იმუშესთე სემეიკნოი ობიკნისი ლიშ ვო ვრემა ეე სეგმენ-
 ტიკნისი. პოტრებლენი ვნუტრი დომა ბოლო ოსნოვანო თოჟე ნა პრინციპე ბრატსკიხ
 დოლეი, კო უჟე პროტივორეკილი ობიკნუ პოტრებლენი პო კისლუ დუხ, სოს-
 ტავლავშემუ ჰარაკტერნუ ოსობენოსთე სემეიკნოი ობიკნისი.

უბიკნი, პრინჩინენი ობიკნუ ჰოჯიუვსუ, ნემედლენო ვოზმეშალისე
 კლენი ამოი სემეი იკ ლიკნოი დოლი კაჟდოკო. ინიმი სლოვაი, ობ-
 შიკნოი სობსთენოსთე პროტივოსთავლასე უჟე კაშტანა სობსთენოსთე,
 კორიუ პრინადლეჟალა ეე კლენი, კაკ ოტდელენი დოლჟიკიკი, ა ტაკჟე
 ობიკნისი ინტერესი ა პოტრებნოსთე — ინდივიდუალენი. კაჟდოი კლენ სემეი
 იმელ პრავო იკრასოხდოვანე სვოი დოლუ პო სვოემუ უსმოტრენიუ, ბეზ ობვალსთე-
 სთვალა ოტჩიკანისე ვ რასოხდახ პერე ოსტალენიმი. ნარადუ ს კაშტანი რას-
 ოხდახ, ვ დომა ბილი ი ტაკი რასოხდი, ნა კორიუ უპოტრებლასე ობიკ-
 ნოი სემეიკნოი სრედსთვა. ვ პოსლედნე სლუკე ლიკო, ნა კორიუ ვოზლავალსე
 რუკოვოდსთე დომომ, დოლჟიკო ბოლო პრინავსთე ვსე ნუჟენი ტავრათი ოტჩი-
 კანისე ვ ნიხ ვპოსლედსთე პერე ოსტალენი ბრატუი.

ვ ბოლჟოი სემეი ჴრისტავი სოვრშენო კოტკო ვუდელასე, ს ოდნოი
 სთორენი, სემეიკნოი სობსთენოსთე ს სოოტვესთვალენიმი ეი ვზაიკო-

ჩენდა შეხვედრილის წილიდამ მომატებულს მივართვედეთ ყოველთვის ესოდენს,
 როგორათაც ჩვენს ძმურს სიყვარულს შეეფერებოდეს.

3) სასურველსა და მოამაგეს ჩვენსა ნება აქვს ყოველსა ჟამს, რომ როდენიც ისაჭიროს
 ფული, საერთოს ფულიდამ მიიღებდეს იმა გვაიმისაგან, რომელიც ქნება აღმორჩეული ჩვენ-
 გან, ხოლო ანგარიშისათვის უბოძებდეს მას აჩის ბარათსა.

ბ) თუ ოდესმე შეხვედრილსა მზრუნველობაში ჩვენ მოვიქცეთ არა მხნეთ და ბედოვ-
 ლათურათ: წავახდინოთ რამდე, ანუ გავსცეთ, მამული, ბიჭი, ვოგო და სხვა რამე ნივთი და
 საკუთარის საჭიროებისათვის ავიღოთ ვალი, ყოველივე ესე დაკლება რამდისაგანაც მოხდეს,
 მივიღებდეთ ხოლმე საკუთარის ნაწილის ანგარიშში.

გ) შემოსავლიდან შეხვედრილის ნაწილისა ყოველსა ჩვენ ნება გვაქვს მოვიხმაროთ ეს-
 რეთ, როგორათაც გვნებავდეს.

თ) ერთიმეორის დაუყოხებავთ და ნება დაურთავთ არ გავერიოთ ერთმანეთის განმგე-
 ბაში.

ი) ყოველსავე შემოსავალს ჩავაბარებდეთ ხოლმე ჩვენგან აღმორჩეულსა გვამსა და მივი-
 ლებდეთ ამაზედ კელწერილსა.

ია) ავითმყოფობისა ანუ სხვის მიზნით თუ მზრუნველობა ჩვენი ვედარ მოვიხმაროთ
 ნება გვაქვს მივანდოთ მას, თუნდა გარეშე პირი იყოს, რომელსაცა გვნებავდეს, და ყოვე-
 ლივე ამისგან წანახედი ანუ დაკლება საკუთარს წილში ჩავგვივარდებოდეს ხოლო [თუ] ჩვენ-
 განი მონიღომებს ოდესმე რამდენიმეს თვით ანუ წლით საკუთარის შემატებისათვის ოჯახისა
 და ყმისა მამულის მოშორებას, მაშინ ორჯელ ზედისზედ არ ეკუთვნოდეს მხოლოდ ერთსა,
 არამედ იყოს ამაზედაც რიგი და თუ ორჯერ მონიღომოს ერთმა მამამ მაშინ თუ რამე და-
 აკლდეს შემოსავალს ანგარიშში ვერ ჩავვიგდოს.

იბ) ყმისა და მამულისა ანუ საოჯახო დავა სასამართლოთა ალაგებითა შინა დაშთა მზრუნ-
 ველობად სამთავისა ძმისა ერთათ, და შემთხვევაში თუ ერთმა მამამ თავს იღოს მიეცეს მას
 საერთოს წილიდამ ყოველივე ხარჯი და

იგ) მესამესა ჩვენსა ძმასა, რომელსაცა აქუს ვალი სახლის განმგეობისა, ვალადვე
 აქუს როდენიცა ხარჯი სახლს მოუხდეს ამაზედ ყოველს წელს ანუ სხოს და ორთა ძმათა
 წელიწადში ერთხელ ანგარიში მოგვაბაროს.

თანხმობითა ჩვენითა შედგენილ არს თ ა ლენ ერისთავი თანახმა ვარ დაწერილისა თ ა
 რევაზ ერისთავი თანახმა ვარ კნიაზი დავით ერისთავი“.

отношениями между членами семьи, с другой стороны, — индивидуальная собственность и интересы малой семьи. Сообразно с этой коллизией были ограничены и права и возможности руководителя названной семьи. Последний не был правомочен вмешиваться в функции остальных братьев и контролировать их действия. Более того, он был обязан отчитываться в произведенных им расходах, т. е. зависел от остальных членов семьи. Такого рода отчетность кардинальным образом отличалась от той, которая существовала в большой семье с общинным управлением, где глава семьи направлял деятельность всех членов семейной общины, и мнение которого имело важное значение на совете.

Указанный документ содержит исключительно ценные сведения для характеристики разделения труда, имущественно-правовых взаимоотношений, а также правил общего руководства в феодальной семье, соответствующих поздней ступени существования «неразделенных братьев», традиция которого сохранялась на протяжении веков.

Изменения характера управления семейной общиной, происшедшие на позднем этапе ее развития и связанные с ростом индивидуальных прав неразделенных братьев — дольщиков семейно-коллективного хозяйства, были показаны в первой части настоящей работы на отдельных этнографических фактах (см. земледельческую семейную общину у рачинцев). Здесь только подчеркнем тот факт, что рост индивидуальных прав членов общины исключал возможность создания неограниченной деспотической власти домовладыки, права которого все больше уменьшались.

Специфические условия для образования неограниченных прав главы семейной общины могли создаваться в грузинских семейных общинах в период роста капиталистических отношений в деревне, когда выделяются особые профессии и отдельные члены семейной общины становятся как бы представителями торгового капитала.

Однако и это обстоятельство, ведущее к нарушению демократической формы управления общиной, фактически не привело к созданию деспотической системы управления, но послужило одним из факторов, приведших к окончательному распаду семейной общины.

Несколько отличную картину рисует этнографическая литература о других народах Кавказа. «Семейные споры и ссоры, — пишет Б. В. Миллер в отношении карачаевской общины, — безапелляционно решаются главой семьи; ни в каких семейных советах он не нуждается; лишь в случае важного проступка члена семьи совещается он с женатыми сыновьями, но решающего значения их советы не имеют никакого. В своей семейной жизни подвластный сын подчинен отцу; в случае отказа, например, наказать по требованию отца свою жену, непокорный сын может быть выгнан из дому без всего; ни родственники своими советами не помогут, ни аульный сход протеста не скажет». Далее следует описание экономических прав главы семьи, основанных на присвоении общесемейного имущества, по поводу которого отмечается: «Глава семьи — отец — не только главный распорядитель, он вместе с тем полновластный хозяин всего семейного имущества, которое принадлежит ему, по уверению карачаевцев, на праве полной собственности. Как собственник, он не ограничен в праве распоряжаться им и даже может отчудить его в другие руки (залог карачаевцам не известен) или же расстроить до последней копейки. Никто из подвластных не может опротестовать его распоряжений. Различия между родовым имуществом и нажитыми трудами членов семьи не делается никакого, по крайней мере при жизни главы; оно имеет значение только при наследовании; как тот, так и другой род имущества

1
802400033

принадлежит главе семьи — отцу на праве полной собственности»¹
(Курсив наш—Р. Х.)

Нарушение принципа общинно-семейной собственности свидетельствует о качественных изменениях, происшедших внутри семейной общины. Такая форма семьи, в которой владельцем семейного имущества является глава семьи и общинно-семейная собственность, превращается в частную собственность с неограниченной властью *patria potestas*, не может быть признана за развитую форму семейной общины, напротив, она свидетельствует уже о ее перерождении, происходившем также не без влияния ислама.

Ниже нами приводятся грузинские юридические акты феодального общества, подтверждающие бытование и на этом этапе пережитков семейно-общинной собственности. Глава семьи не был правомочен распоряжаться коллективным имуществом. В случаях отчуждения общинно-семейного имущества правомочными владельцами выступали все дольщики. При перечислении последних в письменных договорах указывалось и на права будущих поколений.

Для объяснения характера власти и авторитета главы семьи необходимо принимать во внимание конкретные культурно-исторические условия, при которых протекало разложение семейной общины того или иного народа. В отношении карачаевской семейной общины, так же как и других семейных общин народов Северного Кавказа, должно быть учтено влияние, которое имел на их обычное право шариат, сыгравший важную роль в развитии крайних форм патриархата.

Наряду с авторитетом главы семьи, в грузинской семейной общине, как указывалось, существовал авторитет и старшей женщины. Женские занятия, как это было показано выше, проводились под руководством старшей женщины, для обозначения которой здесь употреблялся термин *diasaxlisi* (დასახლისი), выражающий, буквально, понятие матери дома; занятия эти были различны в зависимости от отдельных видов семейных общин, отображающих различия в женском труде. В большинстве случаев *diasaxlisi* являлась женой главы семьи.

Вся жизнь женской половины семейной общины была подчинена руководству *diasaxlisi*, роль которой в общем управлении семьи была также различна для отдельных видов семейных общин.

В семейных общинах с преимущественно земледельческим хозяйством распределение хозяйственных функций между женщинами не носило характера такой четкой организации труда, которая наблюдалась среди мужчин. Женщина в земледельческих семейных общинах, как это было выше отмечено, была занята только домашними делами, не неся на себе основной тяжести хозяйственных работ, связанных с земледелием и скотоводством. Поэтому в земледельческой семейной общине права старшей женщины, являвшейся руководительницей женского труда, ограниченного работами по дому (связанными, в основном, с приготовлением и распределением между членами семьи пищи, одежды, а также хранением общих запасов семьи), были в значительной мере сокращены в вопросах управления семейной общиной.

Значительно большую роль играли женщины, в частности, главная хозяйка дома *diasaxlisi* (დასახლისი), в семейной общине, с преимущественно скотоводческим хозяйством, где управление хозяйственной жизнью семьи было разделено между мужчиной и женщиной по отдельным отраслям хозяйства.

¹ Б. В. Миллер. Из области обычного права карачаевцев «Этнографическое обозрение», 1902, № 1, стр. 24—25.

В скотоводческих семейных общинах, где женщины выступали основными участницами одной или двух отраслей сельского хозяйства, разделение женского труда с выделением отдельных функций было четко определено. Diasaxlisi, являясь здесь руководительницей женских работ, управляла тем самым одной из отраслей хозяйства. Поэтому ее значение как руководительницы определенной отрасли хозяйства во всей экономической жизни семьи возрастало.

Ввиду того, что для семейной общины со смешанной формой хозяйства характерным являлось отсутствие отраслевой дифференциации между мужчинами и женщинами, в функции старшей женщины включалось руководство женскими работами, как в земледельческом, так и в молочном хозяйстве, и тем самым осуществлялось общее, мужское и женское, руководство внутри одной и той же отрасли хозяйства.

Таким образом, выделение из старшего поколения семейной общины двух руководителей — мужчины и женщины — с самого начала должно было быть связано с подразделением мужских и женских занятий по отдельным отраслям хозяйства. Поэтому та система управления грузинской семейной общиной, в которой сохранилось в женском и мужском руководстве, деление по отраслям хозяйства является ранней и более типичной, чем та, в которой все виды сельского хозяйства подчинены исключительному мужскому управлению, а область руководства женщины ограничивается только работой по дому.

4. Имущественно-правовые взаимоотношения членов семейной общины

Кровная связь членов семейной общины, их фактическая принадлежность к семье и непосредственное участие в трудовой жизни были факторами, предопределившими имущественно-правовые взаимоотношения членов семьи. Признание решающего значения за одним из этих факторов, как это делали авторы XIX века, неизбежно привело бы к узкому и поэтому неправильному толкованию сущности семейной общины, что и было характерно для приверженцев той или иной теории. Защитники теории трудового начала (А. Ефименко, П. С. Ефименко, И. Г. Оршанский, И. Тютрюмов и др.) признавали ведущее значение труда в установлении имущественных отношений. Представители «родовой теории» решающее значение придавали родственным взаимоотношениям (В. Ф. Мухин, С. В. Пахман и др.).

Ни один из названных факторов в отдельности не раскрывает характера имущественно-правовых взаимоотношений между членами большой семьи. Ни трудовое начало, ни кровная связь, как общий показатель наследственно-родового права, взятые изолированно, не выявляли специфики имущественно-правовых отношений внутри семейной общины.

Весьма характерно для определения этих отношений самое наименование семейной общины, сохранившееся, как это было выше отмечено, в грузинских терминах gauqreli zmebi (გაუყრელი ძმები) — неразделенные братья и ertsaxli zmebi (ერთსახლი ძმები) — единомысленные, единосемейные братья. Фактическая принадлежность родственников к общему дому определяла имущественные права членов грузинской семейной общины. При этом нерушимым оставался принцип патриархально-родовых отношений, проявлявшийся как в наследовании по мужской линии, так и в исключении из общих правовых взаимоотношений женщин. Участие в наследовании семейно-общинного имущества посторонних — неродствен-

ных членов семьи, допускалось лишь путем введения их в состав членов семейной общины посредством усыновления, либо искусственного родства — *ḡeqiloba* (შეყილობა).

Составными частями общей общинно-семейной собственности являлись отдельные доли братьев *saḡto saḡilo* (საბო საწილო), выявляющие основной принцип имущественного права членов семейной общины. Однако *saḡto saḡilo* (საბო საწილო) представляло только «идеальную» долю в семейно-коллективной собственности. При общем владении братьев всем имуществом, права братьев на отдельную принадлежащую им долю осуществлялись лишь при разделе большой семьи. Система имущественного деления вскрывает картину имущественно-правовых взаимоотношений отдельных членов семейной общины.

По равным долям братьев делились как земля, так и весь наличный скот, жилые и хозяйственные постройки и орудия производства, за исключением незначительной части имущества, о которой речь будет идти особо.

В сохранившихся многочисленных актах разделов семейных общин названы три основных вида имущества: жилые постройки — *saxlospoba* (სახლოსობა) — наименование, образованное от термина *saxli* (სახლი — дом), скот — *sixliani sakoneli* (სისხლიანი საქონელი — живой скот; буквально: скот с кровью) и наследственные земли — *mapulebi* (მამულები). Так, в документе 1731 года говорится о разделе семейного имущества между братьями Мамулашвили, во время которого на равные братские доли были разделены принадлежащие семейной общине постройки, скот и наследственные земли¹.

При разделе общинно-семейного имущества делалось различие между наследственным имуществом *mapa-pareuli* (მამა-პაპეული) и благоприобретенным *oplit porovebuli* (ოფლიო მოპოვებული). В разделе благоприобретенного имущества участвовали все работоспособные члены семейной общины. При разделе такого рода имущества взрослые племянники, участвовавшие своим трудом в приобретении имущества, получали отсюда свою долю, которая выделялась главным образом младшему поколению членов семьи.

Разграничение понятий благоприобретенных земель — *oplit porovebuli* (ოფლიო მოპოვებული) и наследственных — *mapa-pareuli* (მამა-პაპეული), составляет характерную особенность дальнейшего развития семейной общины, отличную от форм общинно-родового владения; порядок этот основывался на правовой категории, созданной семейной общиной в условиях господства классового общества и частной собственности.

Общим имуществом всех членов семьи являлся урожай, который при разделе общинно-семейного имущества делился поровну между всеми членами семьи. И только в семейных общинах с развитым виноградарством и виноделием распределение вина носило несколько иной характер. Здесь принимались во внимание пол и возраст, указывающие на возможность данного лица участвовать в работе по обработке виноградника (картлийцы, кахетины, имеретины). В некоторых семейных общинах таким же порядком делились запасы кукурузы и проса, в то время как пшеница и ячмень всегда делились по числу душ (кизикцы).

В скотоводческих семейных общинах (тушины, пшавы, мохевцы) по-душно делились как зерновые, так и молочные запасы. Об указанной системе раздела хлебных и винных запасов между членами семейной общины

¹ «Древности Грузии» (Издание Грузинского Общества Истории и Этнографии, под ред. Е. Такайшвили), Т., 1910, т. III, стр. 417, док. № 439 (на груз. яз.).

говорится и в законах царя Вахтанга VI (первая половина XVIII века)¹.

Таким образом, при общинно-семейной собственности право собственности на имущество нераздельно принадлежало всей семье. Отдельные члены семьи не имели самостоятельного права на ту или другую долю семейного имущества. Только при семейном разделе, когда имущество семейной общины распределялось между ее дольщиками, образовывающимися новые домохозяйства, выявлялись права отдельных членов большой семьи. При этом ни один из членов семьи не мог требовать принадлежавшую ему часть имущества до раздела. Не мог он также уступать свое право и постороннему лицу. Завещательного права, основанного на праве преемственности, в семейной общине не существовало. Основным критерием при определении прав членов семьи, как это было выше отмечено, являлась фактическая их принадлежность к семье, которая в свою очередь базировалась на родственных отношениях и, в частности, на принципе неразделенности братьев.

М. М. Ковалевский, касаясь вопроса системы родства и наследования у осетин, устанавливает у них аналогичные имущественно-правовые взаимоотношения членов семейной общины. «Когда отцы и дети, братья и племянники, — пишет он, — выскажут желание разойтись, получивши предварительно каждый долю общего имущества, впервые является необходимость определения этих долей, — и этой-то именно необходимости и удовлетворяют регулирующие порядок наследования обычаи. Они впервые определяют очередь и размер участия каждого в открывшемся наследстве, проводят деление агнатов и sui по линиям, из которых одни устраняют другие, а также решают вопрос о том, оба ли пола одинаково будут допущены к получению наследства»².

Документы социальной истории Грузии содержат многочисленные и ценные свидетельства, совершенно бесспорно подтверждающие бытование именно вышеуказанной общинно-семейной собственности на протяжении позднефеодального периода, включая в отдельных случаях десятилетия, непосредственно предшествующие крестьянской реформе.

В одном из ранних документов, датированном 1509 годом, сказано, что некто Сумбадзе продает принадлежащий ему — Мисраилу и его брату Роину по наследству виноградник в селении Агаиани (Картли) настоятелю Дедабрисшвили Маркозу, брату его Нацвалу, его сыновьям священнику Григолу, Лонгинозу и Иоану, Георгию и Элиозу, сыновьям их и всему будущему потомству³.

В документе 1622 года говорится, что Агатанг Херхеулидзе со своим братом Бежаном, с сыновьями Паата и Наскида, со всеми сыновьями и «будущим поколением своего дома» пожаловал землю за определенную услугу

¹ Вахтанг VI. Книга Законов (Подготовка текста к печати и предисловие Тины Энукидзе), Тб., 1955, стр. 81 (на груз. яз.), см. также русск. перевод: Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI. Под ред. Д. З. Бакрадзе. Тифлис, 1887, стр. 37—38.

² М. М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении, т. 1, М., 1886, стр. 348.

³ Документы по социальной истории Грузии. II. Крепостнические отношения XV—XIX веков, под ред. Н. А. Бердзенишвили. Тб., 1953, стр. 2. В грузинском тексте место это читается следующим образом: „დედაბრისშვილთა მოძღვარს მარკოსს და შენსა ძმასა ნაცვალსა და მისთა შვილთა მღუდელსა გრიგოლსა, ლონგინოსს და იოანეს, გიორგის და ელიოზს, თქვენთა შვილთა და მომავალთა ყოველთავე“.

Кебасшвили Берау и племяннику (сыну брата — Р. Х.) Медиа и Хизана, сыновьям и «всему будущему потомству его дома»¹.

«Пятнадцатого февраля 1670 года от имени Георгия Туразасшвили и сына его Вахтанга выдана купчая крепость Гостабисшвили Папуна, сыновьям его Госташабу и Капарбегу и Николозу и братьям его Тамазу и всему будущему потомству его дома»².

В документе 1733 года указано, что Иагулашвили Георгий с сыном Абрамом и «будущим потомством дома своего» подтверждает акт продажи земли Хелпеху Георгию, сыну Кация и Дарчия, Тамазу и «будущему потомству дома Хелпеха Георгия»³.

В документе 1818 года говорится, что Назара Назарашвили передает на определенных условиях в собственность землю «Тагвиасшвили Иване, сыновьям его Григолу, Давиду и Рамазу»⁴.

Вышеуказанные документы относятся к Картли, но аналогичные свидетельства содержатся и в документах, отображающих социальный быт Кахети⁵ и Имерети⁶.

Имея в виду, что состав семей, упоминаемых в большинстве документов, дает основание видеть в них именно неразделенные семьи, можно утверждать бытование в феодальной Грузии такой общинно-семейной собственности, которая исключала право главы семьи индивидуально распоряжаться имуществом семьи, то есть право частной собственности, и предусматривала равные права на это имущество не только тех членов семейной общины — дольщиков, которые были налицо в момент заключения юридического акта, но и будущих, возможных претендентов на это право.

Здесь же могут быть приведены параллельные исторические данные, отражающие некоторые стороны семейной общины, из быта других народов, развивавшихся в условиях феодального общества. Как установлено в советской византинологии, «ведущей формой средневековой общины

¹ Документы по социальной истории Грузии. II. Крепостнические отношения XV—XIX веков, под ред. Н. А. Бердзенишвили. Тб., 1953, стр. 5. В грузинском тексте: «...გიბობთ ჩვენ ვერცხულიძემ ბატონმა ალათანგმა და ჩემმა ძმამ ბატონმა ბეყან და ჩემმა შვილმა პაატამ და ნსყიდამ და შვილთა და მომავალთა სახლის ჩვენის ყოველთავე შენ, ქებას-შვილს ბერუას და შენს ძმისწულსა მედიას და ხიზანს და შვილთა და მომავალთა სახლის თქვენისათა ყოველთავე...»

² Документы по социальной истории Грузии. II. Крепостнические отношения XV—XIX веков, под ред. Н. А. Бердзенишвили. Тб., 1953, стр. 10. В грузинском тексте: «მოგეც ჩვენ თურახასშვილმა გიორგიმ და შვილმა ჩვენმა ვახტანგ თქვენ გოსტაშაბის - შვილს პაპუნასა და შვილთა თქვენთა გოსტაშაბს და ყაჭარბეგს და ნიკოლოზს და ძმთა თქვენთა თამაზსა და მომავალთა სახლისა თქვენისასა ყოველთავე...»

³ Документы по социальной истории Грузии. II. Крепостнические отношения XV—XIX веков, под ред. Н. А. Бердзенишвили. Тб., 1953, стр. 25—26. В грузинском тексте: «ესე ნსყიდობის წიგნი მოგეც მე, ტბელმა იაგულაშვილმა გიორგიმა და შვილმა ჩემმა აბრამამა და სახლისა ჩემისა მომავალმა შენ, ტბელს ქველფეკას გიორგის, შვილს შენს კაცისა და დარჩიას, თამაზსა და სახლისა თქვენისა მომავალს...»

⁴ Документы по социальной истории Грузии. II. Крепостнические отношения XV—XIX веков, под ред. Н. А. Бердзенишвили. Тб., 1953, стр. 251. В грузинском тексте: «ესე წიგნი მოგეც მე, ნახარაშვილმა შენ, თავგისშვილს ივანესა, შვილსა შენსა გიორგოლასა, დავითასა და რამაზას...»

⁵ Документы по социальной истории Грузии. II. Крепостнические отношения XV—XIX веков, под ред. Н. А. Бердзенишвили. Тб., 1953, стр. 265 (док. № 412), стр. 274 (док. № 428), стр. 276 (док. № 432) и др.

⁶ Документы по социальной истории Грузии. II. Крепостнические отношения XV—XIX веков, под ред. Н. А. Бердзенишвили. Тб., 1953, стр. 283 (док. № 444), стр. 286 (док. № 448), стр. 287 (док. № 450).

являлась соседская община. Однако в Византии, как и в некоторых других средневековых государствах, сохранялся в пережиточной форме более архаичный тип общины: домашняя община, или большая семья. При этом большесемейное хозяйство существовало в рамках общины — марки¹.

Значительное количество актов, датируемых XIII веком и идущих именно с малоазийского побережья, как это выяснено вышеуказанным автором, подтверждает факт наличия семейно-общинной собственности на землю у крестьян, что видно из ряда купчих крепостей. В этих документах «в качестве юридического лица выступает «мерос», за которым скрывается целый коллектив родственников»².

В соседнем с Грузией Трапезунде в XIII веке засвидетельствован факт совместного владения землей пятью родственниками. То же самое можно сказать и о балканских областях империи в XII веке. Ряд Зографских документов (№ 15 — предположительно от 1315 г. и № 29 — предположительно 1331 г.) указывают на персональный состав группы родственников, передававших имущество монастырю, то есть являвшихся коллективным собственником этого имущества³.

Такого рода данные, представляющие собой ценные параллельные материалы к приводимым выше аналогичным показаниям грузинских источников позднефеодального периода, имеются и в других документах той же серии⁴.

Эти сравнительные данные имеют значение не только для установления характера семейно-общинной собственности, но и с точки зрения степени и времени распространенности семейной общины. Вместе с тем эти данные являются еще одним аргументом против имевшего в прошлом хождение взгляда, согласно которому семейная община отождествлялась с артельным объединением и рассматривалась как продукт позднейшего времени.

Раздел семейной общины подразумевал выделение новых, самостоятельных семей, как больших, так и малых, в каждой из которых образовывалось самостоятельное имущество. Имущественная связь между такими вполне самостоятельными семьями сохранялась лишь посредством общего пользования той частью средств производства, которая при разделе семьи не делилась.

Глава семейной общины при разделе семьи, как это было видно из приведенных в первой части описаний отдельных семейных разделов, получал надбавку к братской доле за старшинство *sauproso* (საუფროსო); сванск. *patxošier* (ბაბხომიერ). Размер *sauproso* (საუფროსო) определялся самими братьями. Чаще всего в качестве *sauproso* (საუფროსო) выделялся лучший конь, участок земли или постройка, строевой материал и т. п., а в скотоводческих семейных общинах — поголовье скота. В некоторых семейных общинах подчеркивалось в этом случае не только старшинство, но и управление. Термин *sauproso* (საუფროსო) в таких случаях

¹ А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., М., 1952 г., стр. 74.

² Там же, стр. 74.

³ W. Regel, E. Kurtz, B. Korabiev, Actes de Zographou, Византийский Временник, XIII, СПб, 1907, стр. 35 и след., стр. 68 и след..

⁴ L. Petit, Actes de Chilandar, № 51; 19, 38, 49 и др. Византийский временник, т. XVII, СПб, 1911.

был заменен *sagamzyolo* (საგამპლოლო — буквально: за управление; Име рети), что является уже более поздним преобразованием.

В законах Баграта IV Курапалата (1027—1072), в § 155 отмечается, что «При разделе крестьян старшему брату отдается за старшинство главный дом, или один виноградник, или из винных кувшинов самые большие, а остальное делится пополам»¹.

Иными словами, глава семьи в своих имущественных правах отличался от других братьев размером *saugoso* (საუფროსო) или *sauxiceso* (საუხუცესო). Правом на самостоятельное отчуждение семейно-общинного имущества глава семьи не обладал. Только в малой семье, основанной на частной собственности, глава семьи приобретал это право.

Помимо *saugoso* во время раздела семейной общины выделялась известная часть имущества для неженатых братьев, которые должны были на эту долю в будущем справиться без помощи семейной общины свою свадьбу. Предназначенное на свадебные расходы *sakorçilo* (საქორწილო — свадебное) давалось только холостым братьям, но не давалось племянникам.

Сыновья при жизни отца не могли требовать от отца наследственной доли или произвести по своему усмотрению раздел семейной общины. Настоящее положение, установленное множеством этнографических фактов, отражено также и в законнике Баграта IV Курапалата, хотя и в несколько измененном виде. В 156-м параграфе законника сказано: «Когда сын захочет отделиться, то он не вправе требовать выдела части из недвижимого имения, которое, однако же, по смерти отца принадлежит ему по наследству; а между тем должен стараться приобрести себе особое, другое имение»².

Такой порядок раздела, когда братья учиняли раздел только после смерти отца, существовал во всех семейных общинах у народов Кавказа. Раздел при жизни отца мог произойти только с его согласия. Так, например, по черкесским адатам, как это отмечено в § 79 у Ф. И. Леонтовича: «Никто из сыновей, достигши совершеннолетия при жизни отца, не имеет права требовать выдела себе части имения, а большую часть все живут вместе с отцом, хотя и вступают в брак; по смерти же его разделяются оным, как сказано выше. Впрочем, есть многие примеры, что сыновья, женившись по соизволению своего отца и получив от него определенную им часть имения, живут от него отдельно, управляя полученным имением как собственностью»³.

О равной доле братьев в общинно-семейном имуществе, выделяемой каждому из них после смерти отца, у шапсугов и натухайцев говорится в статье Л. Я. Люлье. «После смерти отца, — пишет он, — дети мужского пола наследуют все недвижимое и движимое его имущество. Каждый из них имеет право на наследство, которое они делят между собой поровну»⁴.

Определенная часть имущества семейной общины разделу не подлежала. Неразделенными в грузинских семейных общинах оставались мель-

¹ И. Д о л и д з е. Древнегрузинское право, Тб., 1953, стр. 341, (на груз. яз.). См. также Законы Бека и Агбуги. Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI, под ред. Д. З. Бакрадзе, Т., 1887, стр. 124.

² И. Д о л и д з е. Древнегрузинское право, Тб., 1953, стр. 341. См. также выше назв. русск. перевод законов под ред. Д. З. Бакрадзе, стр. 125.

³ Ф. И. Л е о н т о в и ч. Адаты Кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, вып. 1, 1882, Одесса, стр. 152.

⁴ Л. Я. Л ю л ь е. Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухайцев. Записки Кавказского отделения Имп. русского географического общества, кн. VII, Т., 1866, стр. 14—15.

ницы, водочные заводы, маслодавили, плодовые деревья и в редких случаях (у сванов) покосные участки земли, а также кувшины для ритуального вина *sazedaše* (საზედაშე).

После семейных разделов мельница оставалась общеродовым имуществом, при коллективном пользовании которым применялось созданное большой семьей деление по братским долям. По такому принципу деления отдельные доли мельницы, принадлежавшие членам родового квартала, не могли быть равны между собою и зависели от последующего увеличения и дробных делений семейной общины.

Факт неделимости мельницы, характерный для имущественно-правовых отношений грузинской семейной общины, устанавливается как по этнографическим данным, так и по официальным документам актов семейных разделов¹. Из некоторых актов выясняется, что к нераздельной части имущества относились, наравне с мельницами, и маслодавили².

Часть имущества, таким образом, при разделе сохраняла характер общинно-родового владения. Из общей этнографической литературы известна неделимость таких видов движимого имущества, какими являлись, например, ладьи, пивные котлы, промысловые орудия и т. д.

Вышеприведенные историко-этнографические данные дают возможность осветить один из основных моментов имущественно-правовых отношений семейной общины, имеющий существенное значение для характеристики природы большой семьи. В области раздела семейного имущества привлекает внимание, во-первых, выделение в качестве неделимой части некоторых его элементов (мельница, винокурня, маслодавлиня), представляющих собой сравнительно дорогостоящие средства производства, повседневная эксплуатация которых не нуждается в постоянных затратах, а вложенная в них стоимость окупается лишь в результате долголетнего использования. Равным образом это можно сказать и о плодовых деревьях, а с известным ограничением и о сенокосах.

Благодаря специфике вышеуказанных средств производства их включение в систему раздела не могло быть экономически целесообразно. Такое включение создавало бы неравномерность в распределении имущества по видам средств производства и их концентрацию в руках одного из членов семейной общины. Иными словами, такое включение привело бы к отделению промышленности от земледелия, что, естественно, не соответствовало существовавшему к тому времени уровню развития производительных сил.

В силу изложенного определения группа средств производства не подлежала разделу и, по мере сегментации семейной общины, превращалась в предмет владения более широкого родственного круга, являясь вместе с тем не только свидетельницей былого единства, но и фактором, пережиточно сохранявшим некоторые моменты этой общности. Что же касается факта сохранения кувшинов для ритуального вина в качестве общинной собственности и превращения их после сегментации семейной общины в собственность всех выделившихся семей, то его следует квалифицировать как обычай, отражающий идеологическую общность семейной общины и поддерживающий представление об этой общности в более широком кругу родственного объединения, образовавшегося в результате сегментации семейной общины.

¹ «Древности Грузии» (Издание Грузинского Общества истории и этнографии, под ред. Е. Такайшвили), Т., 1909, т. I, стр. 55 (на груз. яз.).

² Фонды Института Рукописей АН ГССР, Qd № 168. См. также «Древности Грузии», Т., т. I, стр. 155 (документ, относящийся к 1785 году).

Итак, грузинская семейная община являлась одной из тех форм общественных организаций, на основе которых в обычном праве были выработаны специфические нормы имущественно-правовых взаимоотношений.

Часть указанных норм обычного права впоследствии приобрела значение закона. Так, например, правовая категория, которая исключала право главы семьи индивидуально распоряжаться имуществом семьи, то есть отрицала право частной собственности при неразделенной семье, приобрела действие закона в юридических актах феодального общества. То же самое необходимо сказать и о разграничении благоприобретенного и наследственного имущества, которое возникло в условиях семейной общины на поздней ступени ее развития и в дальнейшем сделалось определяющим моментом соответствующего законодательства.

Итак, общинно-семейная форма собственности в основном сохранялась до самого конца процесса разложения семейной общины, завершившегося окончательным переходом общинно-семейной собственности в частную. Как это видно из вышеприведенных документов, акты о передаче части общинно-семейного имущества, относящиеся к периоду феодальных отношений в Грузии, все еще подкреплялись общим согласием правомочных членов семьи.

Ценные в этом отношении сведения содержат древнейшие письменные памятники, свидетельствующие о древности происхождения общинно-семейной собственности. Так, например, в надписях на каппадокийских табличках, представляющих акты раздела семейного имущества, упоминаются все правомочные члены семьи. Вопрос раздела там не решается самостоятельно главой семьи.

В одной из древних надписей, восходящей к XIV веку и представляющей собой акт о разделе семейного имущества, подробно описывается это событие: «Ашур-Шамши, брат Акузы, Ашур-Рабу, сын Акузы, Катейштарь, Ашур-Рабу, сыновья Акузы, и их сестра Кубабтуш, — читаем мы в надписи, — присягнули городским божествам: ни по причине дома в Ганише, в котором живет Ашур-Рабу и который есть достояние их отца, и не по какой другой причине Ашур-Шамши против Ашур-Рабу и его братьев, сыновьев Акузы, не предъявит иска; и сыновья Акузы ни по какой причине не вчинят иска Ашур-Шамши и его сыновьям. Землю поблизости дома Итин-Ашура, сына Кубети, они поделят между собой. При Кукуве, при Эль-бани, при Ашур-ламасси»¹.

Аналогичный факт устанавливается Н. М. Никольским по ассирийским документам VII—VIII веков, согласно которым глава семьи также не является собственником и имущество там составляет общинно-семейную собственность всех дольщиков, принципиально отличную от частной собственности.

Касаясь вопроса частного землевладения в Ассирии и анализируя один из актов купли-продажи земли, Н. М. Никольский пишет: «Но в этом же акте имеется формула, часто встречающаяся и в других актах купли-продажи земли, обеспечивающая нового владельца от возможных претензий как самих продавцов, так и их сыновей и внуков; в трех документах, где продавец один, формула упоминает также его братьев. Включение в акты купли-продажи этой формулы показывает, что семейная община нелегко расставалась со своим владением и что далеко не всегда ликвидация семейного владения целиком или частью происходила по доброй воле членов общины. Семейная община стремилась при благопри-

¹ В. К. Ш и л ъ й к о. Документы из Гюль-тепе, «Известия Российской Академии истории материальной культуры», Л., 1921, т. 1, стр. 358—359.

ятном условии возродиться. Это учитывали и покупатели, и благоприветствовавший им закон, и защищавший их права суд, и потому по требованию покупателей включалась указанная выше формула, исключающая в будущем всякие претензии к покупателю со стороны продавцов и их потомства вплоть до внуков. Таким образом, формула, по существу, имеет в виду права не отдельных лиц, а круга лиц, не лично покупателя и продавца, а их семейных общин»¹.

Имущественно-правовые взаимоотношения членов грузинской семейной общины, основанные на общинно-семейной собственности, не исключали наличия элементов личной собственности членов общины.

Личная собственность в семейной общине создавалась в основном женщинами, хотя и пользующимися в каждодневной жизни общесемейным имуществом, но исключаящимися из числа дольщиков — *mosile* (ძოწოწი) общинно-семейного имущества, во время его раздела на основании патриархально-родовых взаимоотношений.

Личная собственность женщины — *satavno* (სათავნო), создавалась, как отмечалось, девушками главным образом еще во время их пребывания в отцовском доме. После замужества и перехода женщины в дом мужа она не имела свободного рабочего времени и не могла по своему усмотрению пользоваться общинно-семейным инвентарем. Только за счет нерабочих дней и ночного времени увеличивала она свою личную собственность в доме мужа.

Состав *satavno* (სათავნო), способ его образования и право на его употребление и наследование составляют основной круг вопросов, связанных с проблемой образования личной собственности внутри семейно-коллективного имущества.

Основным элементом *satavno* являлся домашний скот, затем деньги и только в некоторых случаях участки земли.

Девушке домашний скот выделялся в качестве приданого семейной общиной с малых лет. В земледельческих семейных общинах (картлийцев, кахетин, имеретин) в *satavno* выделялась обычно корова, а в скотоводческих семейных общинах — главным образом мелкий рогатый скот. Девушку еще ребенком близкие родственники одаривали телятами, баранам, пчелиными ульями и т. д. Сам акт этого одаривания, в отличие от других случаев, выражался специальным термином *dasatavnoeba* (დასათავნოება), образованным от слова *satavno* (у пшавов). Итак, *satavno* девушки состояло из телки, телят и баранов. В более редких случаях в качестве *satavno* (სათავნო) выделялся участок земли. Так, например, по материалам Верхней Сванети, имущество девушки составлялось следующим образом: отцовский дом женщины из суммы, полученной в качестве вена, выделял часть в пользу женщины. Вено состояло обычно из определенного количества быков и маленького участка земли. Часть быков отдавалась женщине. Что же касается земли, полученной в качестве вена, то она полностью и безвозмездно передавалась в собственность дочери. Иногда женщина отдавала эту землю семье мужа, за что получала от последней соответствующее вознаграждение быками. Кроме перечисленного имущества, родительская семья давала женщине корову и несколько голов мелкого рогатого скота, что также составляло ее нераздельную собственность.

¹ Н. М. Никольский. Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье, Минск, 1948, стр. 112.

Включение земли в состав женского приданого, переходящего впоследствии по наследству от матери к детям и обозначаемого термином *deduli* (დედუღო) — материнское в отличие от отцовского имени *matuli* (მამუღო) известно и из грузинских исторических документов VIII и IX веков¹.

Помимо выделенной из отцовского дома части *satavno* (სათავნო) и тех подарков, которые девушка получала от родственников с раннего детства, а также во время свадьбы, *satavno* увеличивалось за счет личного труда женщины. Так, например, женщины собирали невымоленные пшеничные колосья, оставшиеся после веяния хлеба, молотили их для себя и полученные зерна продавали или отдавали соседям на посев на половинных началах (Картли). Грамотные женщины увеличивали свое *satavno* так называемыми учительскими деньгами *saostaṭo* (საოსტატო), получаемыми за обучение грамоте (Картли). Источником личного заработка девушки являлось пастушество, а также рукоделие (Пшави). Так, например, женщины выделывали домотканную шерсть, продавали ее и вырученные деньги включали в *satavno* (главным образом в скотоводческих семейных общинах); занимались шелководством и шелкоткачеством, реализуют свои изделия посредством рынка (Имерети и Рача).

Satavno девушки, состоявшее из скота, до замужества женщины обычно находилось вместе с общим скотом семейной общины; общий уход и корм для скота не лишали девушку в отцовском доме права собственности на принадлежавшее лично ей *satavno*. После замужества же и перехода женщины в семейную общину мужа способ содержания скота, входящего в *satavno* женщины, менялся. Скот, представлявший *satavno*, не составляя общесемейной собственности, не мог содержаться на ее средства. Поэтому женщина отдавала *satavno* на сторону, и получаемый оттуда доход составлял ее неприкосновенную собственность. За содержание баранты женщина обычно отдавала овчару одного барана с двадцати голов скота, а также половину удоя и шерсти. На этих условиях скот содержался в течение четырех лет. По истечении этого срока овцы возвращались их владелице, а приплод оставался овчару.

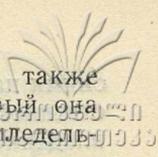
На сторону отдавались также корова и телята; в этом случае владелица в течение четырех лет получала ежегодно по четыре мерки *čareki* (ჩარეკი) масла; через четыре года корова возвращалась владелице, а приплод делился поровну между ней и пастухом (пшавы).

Охарактеризованный порядок подтверждается и письменными источниками. Так, в одном из документов, касающихся складства (*šegriloba* — შეგრლობა), упоминается о порядке сохранения и использования *satavno* женщины на стороне².

Такой была более ранняя форма использования *satavno*. На позднем этапе развития семейной общины скот мог содержаться в семейной общине мужа, но часть приплода женщина должна была вносить в общесемейное имущество: одну половину получала женщина, а другая поступала в собственность семьи, за счет которой содержалось животное (Картли, Имерети). При образовании личного имущества — *satavno* должно было учитываться и имущество семейно-коллективное — *sasaxlo* (სასახლო).

¹ Ив. Джавахишвили. История грузинского права, кн. II, вып. II, Т., 1929, стр. 374—375 (на груз. яз.).

² Фонды Института Рукописей АН СССР Qd № 167; Hd № 1306.

К позднему этапу развития общества должен быть отнесен также факт обращения *satavno* в постоянный капитал женщины, который она отдавала на проценты (семейные общины с преимущественно земледельческим хозяйством: Картли, Кахети, Имерети).

Семейная община не могла предъявлять никаких прав в отношении *satavno*. *Satavno* употреблялось на личные нужды членов индивидуальной семьи женщины — ее мужа и детей. В некоторых грузинских семейных общинах одежда распределялась только между членами семьи, которые своим непосредственным трудом принимали участие в производственной жизни семьи. Мальчиков, не достигших еще пастушеского возраста, в этих семейных общинах должна была одевать мать на свои собственные средства из находящегося в ее распоряжении *satavno*. Только после того как мальчики включались в общие работы семьи и начинали пасти скот, их одежда изготовлялась из средств общего коллективно-семейного имущества — *sasaxlo*. Такое распределение расходов на одежду характеризовало некоторые грузинские семейные общины с преимущественно скотоводческим или смешанным хозяйством (Кизики, Горная Рача).

О безраздельной принадлежности приданого самой женщине и о переходе этого имущества от матери к ее детям говорится и в вышеназванных законах Бека и Агбуги; в законнике сказано: «Женщина, овдовевшая бездетно, получает сполна все свое приданое обратно; равно как и в случае смерти ее самой — родственники ее. Если же она овдовеет с детьми, то оружие принадлежит им, а прочее приданое предоставляется ей, где бы она ни была или хотя бы и замуж вышла; недвижимого же имущества не в праве она ни продавать, ни дарить, но если монастырям пожертвует оное, то дети не должны в том ей препятствовать»¹.

В следующем параграфе этого же законника указывается на переход приданого от матери к ее детям: «Между простыми крестьянами, — сказано там, — когда умрет бездетная женщина, то одну половину приданого ее следует отложить на помин ее души, а другую отдать родственникам; если же у нее останется дочь, то все приданое принадлежит ей, но до выдачи ее в замужество должно быть в распоряжении ее воспитателя. Буде же после умершей останется и сын, то оружие принадлежит ему, а прочее приданое дочери»².

В законах Вахтанга VI также отмечается, что «приданое не входит в раздел, и если оно употребляется на дом вообще, то должно быть вполне вознаграждено»³.

Личная собственность женщины, как отмечалось, переходила по наследству, во-первых, дочери, составляя новое *satavno* (სათავნო) девушки, во-вторых, к сыну, для которого оно не сохраняло уже своего отдельного значения и вливалось в *sasaxlo* — общую, коллективную собственность семейной общины, не создавая тем самым личной собственности.

Процесс перехода материнского имущества — *satavno* в отцовскую — общинно-семейную собственность, выявленный на основе грузинских этнографических материалов, подтверждается и грузинскими историче-

¹ И. Д о л и д з е. Древнегрузинское право, Тб., 1953, § 81, стр. 325. См. также русск. перевод: Законы Агбуги. Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI, под ред. Д. З. Бакрадзе, Т., 1887, стр. 114.

² И. Д о л и д з е. Древнегрузинское право, Тб., 1953, § 81, стр. 326, § 82 (см. русск. перевод законов под ред. Д. З. Бакрадзе, 1887, стр. 114).

³ В а х т а н г VI. Книга законов (подготовка текста к печати и предисловие Тины Энукидзе). Тб., 1955, стр. 79, § 107. См. русский перевод законов, 1887, стр. 36.

скими памятниками, свидетельствующими о переходе материнского наследственного владения *deduli* (დედუღო) — материнское, в патриархальное владение *tamuli* (მამუღო) — отцовское. Материнское наследственное владение — *deduli* после смерти матери, как это выяснил в своих работах И. А. Джавахишвили, не возвращалось обратно дому или роду матери, а оставалось детям умершей матери и присоединялось к отцовскому владению — *tamuli*. Поэтому, как свидетельствует тот же автор, для последующих поколений *deduli* становилось уже составной частью отцовского имения — *tamuli*. Такой порядок в Грузии существовал еще в VIII—IX веках и в последующее время¹.

Итак, *satavno* || *deduli* являлось принесенным из отцовского дома в дом мужа личным имуществом женщины, которое отличалось от обычной формы приданого в первую очередь тем, что постоянно увеличивалось личным трудом женщины, находящейся уже в доме мужа. Отличалось оно и тем, что оно представляло личную собственность женщины, — а не ее мужа и его семьи, — переходящую по наследству от матери к ее детям; ни при жизни женщины, ни после ее смерти *satavno* не принадлежало мужу и его дому. Обычно приданое подразумевало имущество, выделяемое не только для женщины, а главным образом в пользу ее мужа и его семьи; никаких собственных прав на это имущество женщина не имела. Такая форма приданого является поздней по своему происхождению и более соответствующей законам индивидуальной семьи. В отличие от *deduli* (დედუღო) и *satavno* (სათავნო) эта форма приданого обозначалась термином *mzitevi* (მზითევი), который в грузинских письменных документах появляется позже *deduli* и впервые встречается в IX веке в тексте грузинского перевода библии².

Таким образом, существовавшая в грузинской семейной общине личная собственность женщины в виде особой формы приданого — *satavno* и *deduli* благодаря вышеуказанным особенностям при патриархально-коллективной форме общего наследования не могла развиваться в частную собственность. Являясь типичной формой личной собственности, грузинское *satavno*, составленное из части имущества семейной общины женщины (а в некоторых случаях и из вена, получаемого из дома жениха) и пополняемое личным трудом женщины, отличалось от той формы приданого, происхождение которого справедливо признается в специальной литературе поздним явлением, соответствующим природе индивидуальной семьи³. Следует при этом учитывать, что не всякая форма приданого характерна для индивидуальной семьи и само приданое в своем развитии проходит несколько этапов, которым соответствуют различные наименования — *satavno* и *deduli*, для первого случая, и *mzitevi* — для второго.

Включение в состав приданого части получаемого за девушку калыма, подобно вышеописанному сванскому обычаю, было распространено и у других народов Кавказа.

В специальной статье Л. В. Малинина «О свадебных платежах и о приданом у кавказских горцев» читаем:

¹ И в. Джавахишвили. История грузинского права, кн. II, вып. II, Т., 1929, стр. 374—375.

² Там же.

³ См. М. О. Косвен. Семейная община. (Опыт исторической характеристики). «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 15; Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. По материалам конца XIX — начала XX века. М. — Л., 1959, стр. 136 — 180.

«У чеченцев, например, приданое составляет весь калым, полученный отцом за свою дочь от жениха. У черкесов приданое заключается обыкновенно в половине калыма. Первую половину берут в свою пользу родители невесты, а вторая поступает в техг невесты, в полную ее собственность. Эту собственность невеста получает уже после брака»¹. Далее следует определение приданого по материалам других народов Кавказа. Автор пишет: «В Северной Осетии тагаурцы одну часть (половину) ирада в 100 рублей платят родителям, а другую, также в 100 руб., невесте, предварительно записав ее в брачное — договорное условие — в никях. Осетины мусульмане отдают в приданое только 1/4 — 50 рублей из 200 таковых из калыма.

У назрановцев и ингушей родители невесты себе берут только около 1/3 — 25 рублей из суммы выкупа, а остальную часть в количестве 80 рублей отдают дочери, записав эту сумму в брачные условия, если у жениха во время брака нет налично денег.

У горских евреев приданое зависит совершенно от доброй воли отца: захочет он — отдаст весь выкуп в приданое дочери и еще прибавит какую-нибудь сумму к нему, не захочет — и дочь уходит без всякого приданого в чужую семью»².

Описанные виды приданого содержат элементы как обычного права, так и смешавшегося с ним шариата. Этим объясняется введение в приданое таких имущественно-правовых категорий, какими являются техг и пікях. Поэтому здесь, так же как и во всех других случаях, в настоящей форме приданого должны быть выделены более древние элементы, относящиеся к генезису этого явления, от более поздних, созданных под влиянием ислама. Недифференцированным подходом к материалу объясняется неправильная точка зрения автора указанной статьи относительно происхождения самого приданого. «Институт приданого прежде всего появляется там, — пишет автор, — где чувствуется развитое наследственное право, где женщины одинаково с мужчинами участвуют в праве наследования. Отсюда неотразимо явствует, что обычай наделять приданым девиц, выходящих замуж, есть продукт развития позднейшего и последнего времени горских племен Кавказа»³.

Выше мы имели возможность показать, что имеющие приданое женщины были лишены в семье права наследования и что ранняя форма приданого создается еще в условиях общинно-семейной, а не частной собственности.

Как свидетельствуют литературные описания обычного семейного права других древних народов Кавказа, у них также существовали две формы приданого. Первая — в форме личной собственности женщины, соответствовала семейной общине, вторая же должна была появиться с индивидуальной формой семьи и составляла неограниченную собственность мужа. Так, в описании Х. Самуэли относительно приданого у армян, указывается, что приданое рассматривается как особая категория личной собственности, капитал невесты, который называется «арнагин», т. е. цена крови. Этот капитал образуется из денежных подношений и от про-

¹ Л. В. М а л и н и н. О свадебных платежах и о приданом у кавк. горцев, «Этнографическое обозрение», 1890, № 3, кн. 6, стр. 51—52.

² Там же, кн. 4, стр. 51—52.

³ Там же, стр. 54.

даже подарков, которые невеста получила при обручении и свадьбе. Каждая невеста — полновластная собственница своего капитала; она из этих денег выделяет на одежду и украшения для себя и для своих сыновей. На этот капитал не имеет никакого права даже ее муж, пока он состоит нераздельным членом общины. Только после раздела это имущество жены поступает в полную его собственность»¹.

В описании Б. В. Миллера говорится о способе составления женского приданого в семейной общине карачаевцев. В этом описании упоминается об имуществе матери, которое включается в приданое дочери, и подчеркивается принадлежность приданого самим женщинам; приданое может быть использовано семьей только лишь при крайней нужде и с личного согласия самих владелиц. «Некоторую частную собственность девушки, — пишет указанный автор, — имеют в виде шкатулок, кисетиков и т. п., которыми в изобилии снабжают их из своего имущества матери, заботливо готовя им приданое. Любопытен обычай, по которому сестры себе, в пополнение приданого, могут наворовать несколько мер ячменя. На такой поступок братья смотрят сквозь пальцы, только посмеиваются. Осенью, когда с кошей привозят шерсть, свекровь, отобрав материал для пряжи в количестве, необходимом для удовлетворения потребностей семьи, остаток, обыкновенно, дарит снохам, а матери отдают дочерям шерсть, которая также составляет их частную собственность. Каждая девушка до своего замужества старается накопить такими случайными путями как можно больше имущества; но в крайней нужде семья в лице своего главы имеет право отобрать у дочери и снох то, что они себе таким путем накопили, но только с их согласия и под условием вернуть такую же сумму при первой возможности»².

Таким образом, в описании понятие частной собственности употребляется в значении личной собственности. При этом подчеркиваются отдельные принципиальные стороны, связанные с сущностью самого приданого, как принадлежности женщины, а также наследственный характер этой собственности, переходящей от матери к дочерям.

Относительно права женщины на приданое и его наследственного характера — перехода от матери к детям — указывается и в ассиро-вавилонских законах, подтверждающих тем самым его древность.

Так, в законах Хаммураби, царя Вавилона, специальными параграфами выделены права женщины и ее детей на полученное из отцовского дома приданое.

Ниже приводится текст этих параграфов:

«§ 167. Если человек возьмет себе жену, и она родит ему детей, а затем эта женщина уйдет к судьбе и после смерти ее он возьмет себе другую женщину, и она также родит детей, то потом, когда отец уйдет к судьбе, дети не должны делиться по матерям; они должны взять приданое своих матерей и разделить достояние отцовского дома поровну»³. Здесь же в примечании редактора сказано: «т. е. дети должны взять себе приданое каждый своей матери (в этом смысле они делятся «по матерям»), но имущество отцовского дома делится ими поровну». И далее:

¹ А. Самуэли. Очерки по обычному семейному праву армян, «Кавказский вестник», 1902, № 1, Т., стр. 31—32.

² Б. В. Миллер. Из области обычного права карачаевцев, «Этнографическое обозрение», 1902, № 1, стр. 33—34.

³ И. М. Дьяконов. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства, «Вестник Древней истории», 1952, № 3, стр. 246—247.

«§ 171. Супруга получит свое приданое и вдовью долю, которую ей дал и отписал ей посредством документа ее муж, и будет жить в жилище своего мужа и пользоваться всем этим, пока жива, но не может отдавать за серебро; что останется после нее, принадлежит только ее детям»¹.

В § 173 сказано: «Если эта женщина там, куда войдет, родит детей своему второму мужу, а потом эта женщина умрет, то ее приданое дети от первого и второго мужа должны разделить между собою»².

В ассирийских законах среднего периода также указывается на наследственные права детей на материнское приданое. Так в § 29 говорится:

«Если женщина войдет в дом своего мужа, то ее приданое и все, что она принесет из дома отца своего, или что ей дал ее свекор при ее вхождении в дом, — свободно³ для ее сыновей; сыновья ее свекра не должны предъявлять прав»⁴.

Edouard Sicq, описывая и комментируя законы Хаммураби, останавливается на имущественных отношениях при заключении брака. Перечисляя отдельные вознаграждения, Эд. Кюк описывает также и сущность *šeriqtu*.

В законах Хаммураби, по Кюку, *šeriqtu* является такой формой приданого (переведенной на французский язык термином *dot*), которая составляет отцом девушки перед ее замужеством из части движимого имущества и является собственностью женщины, гарантирующей ее независимость в доме мужа. После смерти женщины *šeriqtu* переходило к детям умершей, а в случае неимения последних, возвращалось отцовскому дому. Эд. Кюк здесь же указывает на то обстоятельство, что составление *šeriqtu* перед браком девушки устанавливается и в самом народном обычае, причем женщина низшего сословия могла сама себе составить *šeriqtu*.

Эд. Кюк при этом замечает, что *šeriqtu* не может быть приравнено к *reculium*-у, как предполагал это Винклер (Winckler), ибо *reculium*, представляющее у римлян денежное сбережение, остается собственностью отца и не переходит к внукам умершей владелицы. По мнению Эд. Кюка, *šeriqtu* не может быть представлено также и в виде *trousseau*, то есть такой формы приданого, которая составлялась только лишь из предметов личного потребления, как это представлено у P. Scheil-a, в его первом издании, а затем повторяется Dareste-ом⁵.

Руководствуясь приведенными в работе Эд. Кюка законами Хаммураби и соответствующими комментариями, можно заключить следующее: упомянутое в законах Хаммураби *šeriqtu* является особой формой приданого, составляемого отцом девушки перед ее замужеством. *Seriqtu* является движимым имуществом, принадлежащим женщине и гарантирующим ее независимые права в доме мужа. После смерти женщины *šeriqtu* переходило по наследству к ее детям, а в случае ее бездетности возвращалось отцовскому дому. Как выясняется из примечания Эд. Кюка, *šeriqtu* существовало также в обычном праве и могло быть составлено самой женщиной.

¹ И. М. Дьяконов. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства, «Вестник Древней истории», 1952, № 3, стр. 247.

² Там же, стр. 248.

³ В примечании редактора сказано: «свободно» означает «принадлежит».

⁴ И. М. Дьяконов. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства, «Вестник Древней истории», 1952, № 3, стр. 317.

⁵ Edouard Sicq. Etudes sur le droit babylonien les lois-assyriennes et les lois hittites, Paris, 1929, стр. 42—43.

На основании вышеизложенного можно полагать, что упоминаемое в законах Хаммураби *šeriqtu* представляет близко стоящую к грузинскому *satavno* (სათავნო) форму приданого как по своему составу и образованию, так и по категории имущественно-правовых взаимоотношений. Указанное положение свидетельствует о древности той формы приданого, которая в грузинском обозначается термином — *satavno* (სათავნო).

Не имея точного описания указанной формы приданого у других народов, тем не менее на основании имеющихся в литературе указаний можно составить впечатление о ее общих типичных сторонах. Так, П. Ефименко следующим образом описывает образование настоящей формы приданого в задруге, считавшейся классической формой семейной общины: «Задруга не мешает девушке работать на себя, так как сознает, что нехорошо отпустить своего члена в чужую семью без приличного приданого, от этого страдала бы ее гордость. Не только не мешает задруга девушке, но даже помогает ей заработать что-либо в ее частную пользу. Так, в иных местах назначаются для девушек дни, когда они могут собирать плоды из общих задружных садов, и собранные плоды девушки относят на продажу в город; в других местах они носят на продажу дрова. Иногда девушки на свой счет разводят шелковичных червей или имеют свой собственный огородец; также могут ткать, прясть, вязать, шить на сторону. Заработки девушки, конечно, обращаются в приданое»¹. К сожалению, автор здесь ничего не говорит о судьбе приданого женщин в семье мужа. Правда, в другом месте этой работы сказано: «Родовая семья, давая приданое за девушкой, выходящей замуж, имеет свой интерес в том, чтоб оградить это приданое от покушений той семьи, в которую девушка вступаете»², из чего видно, что приданое в данном случае принадлежало женщине.

М. В. Довнар-Запольский сообщает некоторые интересные для нашей темы детали о белорусской семье: «Юридические права дети получают, по народному взгляду, только с момента вступления в брак, — пишет он. — До этого времени они не вмешиваются в общую семейную жизнь, с них меньше и требуется. Но тем не менее за ними признается право частной собственности, если они успеют ее приобрести отдельной работой; особенно много удобств для таких приобретений представляется девушке: она должна копить приданое; почти всегда в этом ей помогает сама мать. Такими источниками служат изделия женского труда. Женщины обращают в свою исключительную пользу излишек от продажи произведений, которые ими обрабатываются. Они обрабатывают и продают лен, коноплю, выделывают из них полотно и нитки, отделяя лишь в пользу семьи столько, сколько нужно для одежды, а из конопли столько, сколько мужчинам нужно на веревки, шнурки. Особенно распространено возделывание конопли. Им же идет часть огородных овощей, которые они продают, а также молочные продукты и шерсть, получаемые со скота, который привела мать в приданое от своих родителей. Наконец, сбор грибов, ягод и орехов доставляет также женской половине немалый доход. Всеми этими

¹ А. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I, Обычное право, М., 1884, стр. 77.

² Там же, стр. 93.

путями накапливается имущество, находящееся в исключительном владении женщин семьи, из которого выделяется дочерям приданое»¹.

Ф. Демелич, на основании исследований В. Богишича, приводит описание сербского приданого: «Приданое женщины рассматривается как ее частная собственность. Оно обыкновенно состоит из скота, платья, нарядов и т. д., очень редко из недвижимостей. В некоторых частях Сербии скот и недвижимость, входящие в состав приданого, находятся вне общины, в руках поселянина, который делится с женщиной жатвой и продуктами»². Как видно из приведенного описания, для сербского приданого характерна его принадлежность женщине, как по составу приданого, так и по его использованию.

Итак, женское приданое — *satavno* (სათავნო) — в грузинских семейных общинах являлось личной собственностью женщины, существовавшей при общинно-семейной собственности и соответствующих ей патриархально-имущественных отношениях.

Создание этого приданого в грузинских семейных общинах происходило на основе выделенной из отцовского дома женщины незначительной части имущества, пополняемого ее личным трудом как в отцовском доме, так и в семье мужа. В отдельных случаях образование приданого происходило также на основе выделенной части из полученной за девушку виры.

Наследственное право на приданое носило своеобразный характер, превращая, на основании существовавшего в семейной общине коллективно-патриархального права наследования, личное «материнское» имущество в «общинно-семейное отцовское» имущество. Именно эта форма наследования мешала в семейной общине преобразованию личной собственности в частную собственность.

Указанная форма приданого *satavno* (სათავნო) была характерна для грузинской семейной общины и отличалась от той поздней формы *mzitevi* (ძმობიჯვი), которая соответствовала уже развитой частной собственности и была образована на ступени разложения семейной общины.

При имеющемся сравнительном материале есть основание предполагать, что характерная для грузинской семейной общины форма приданого *satavno* (სათავნო) своими типичными сторонами соответствует общим чертам развития семейной общины, составляя один из элементов ее имущественного права.

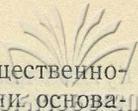
Настоящая форма приданого, древность которой устанавливается по Ассиро-Вавилонским законам, нашла свое отражение и в грузинском гражданском праве.

5. Особенность расселения, связанного с сегментацией семейной общины.

Одна из особенностей раздела семейного имущества, как это было видно из вышеприведенного анализа, заключается в том, что между разделившимися братьями сохранялись права коллективной собственности на определенные орудия производства (мельницы, маслодавилни, винокурни и т. п.), что способствовало сохранению некоторого хозяйственного единства родственников за пределами семьи и уста-

¹ М. В. Довнар-Запольский. Исследования и статьи, т. 4, (Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность), Киев, 1909, стр. 17—18.

² Ф. Демелич. Обычное право южных славян по исследованиям д-ра Богишича (перев. с франц. В. Гецевича), М., 1878, стр. 45.

новлению отношений внутри указанной группы родства. Имущественно-правовые взаимоотношения родственников в данном случае были основаны на принципе происхождения от общего предка и выдела их из одной и той же семейной общины, что отразилось в наименовании *gapaqrebi* (გაბაყრებო) или *gapaqori* (გაბაყორეო) разделившихся братьев. В данном случае, так же как и в случае воссоздания структуры семейной общины, определяющим элементом являлась не только степень родства, но именно принадлежность этих семей в прошлом к определенному дому, выходцами из которого они себя считали и в результате раздела которого образовали самостоятельный квартал с существующими внутри него новыми взаимоотношениями.

С порядком семейных разделов была связана, таким образом, особенность расселения по кварталам. Все *gapaqrebi* (გაბაყრებო) размещались, как правило, на усадьбе семейной общины, где для вновь образовавшихся семей создавались по мере необходимости новые поселения. Отдельные кварталы — *ubani* (უბანო), населенные *gapaqrebi*, являлись не только территориальными, но и личными союзами.

Патронимические наименования этих кварталов (*ubani* — უბანო — квартал и *qagi* — ჯაგი — ворота) были образованы от собственных имен отдельных глав семейных общин, как, например, Джебиса-ант убани, Гогиа-ант убани, Хахута-ант убани и т. д. ... (Картли).

Таким образом подразделение села на отдельные кварталы — *ubani* (უბანო) и *qagi* (ჯაგი), как выясняется из большинства грузинских этнографических материалов (Картли, Кахети, Имерети, Хеви, Рача и др.), приведенных в первой части работы, было связано с развитием и сегментацией семейных общин и сохраняло патронимические наименования в топонимике села. Следует отметить, что указанная особенность расселения, увязываемая нами с некоторыми социальными отношениями внутри семейной общины, не может, конечно, объяснить образование того или иного типа поселения, зависящего в конечном итоге от уровня общественно-экономического развития.

В некоторых случаях, как, например, у мохевцев, *qagi* (ჯაგი) образовывалось следующим образом: при сегментации семейной общины соединялись крыши домов вновь выделившихся семей или общий двор обносился каменной оградой, заканчивающейся иногда башней. Дома эти имели обычно вход через общие ворота — *qagi*, и члены этих семей, расположенных внутри квартала, общались между собой внутренними переходами.

Мохевский материал в этом отношении может частично пролить свет и на общие вопросы образования кварталов и сел, расположенных в горной части Грузии, где в свое время родовой квартал являлся также и родовым укреплением.

По сохранившимся в некоторых мохевских селах развалинам прежних поселений, а также на основании преданий, устанавливается, что население отдельных сел в прошлом состояло из одного или двух родовых объединений. Дома их, расположенные террасами, примыкали друг к другу стенами. Общий вход, ведущий из одного дома в другой, запирался наружной дверью *qagi* (ჯაგი), где в большинстве случаев находилась башня.

В качестве иллюстрации стойкой сохранности пережитков старого быта здесь могут быть названы села Сиони, Арша, Гарбани, Каркуча. «Раньше село Сиони, — рассказывают сказители, — целиком было расположено около крепости. У всех этих домов для выхода наружу были только одни ворота. Этими воротами запиралось все село. Дома были

пристроены друг к другу и внутренними переходами общались между собой». Аналогичный материал приводят сказители и о древних поселениях Арша: «Арша раньше была расположена внутри крепости, за двумя железными и деревянными воротами. Развалины этого поселения можно видеть и теперь. Дома были пристроены один к другому и внутренними переходами общались между собой».

«В Каркуча раньше жило 9 дымов, относящихся к Марсагишвили и Камараули; все эти дома объединялись подземным ходом — *szgromaĵ* (საბრომჯე) и запирались одними воротами» и т. д.

Особенность компактного поселения отдельными группами родственников, выделившихся посредством сегментации семейной общины, нашла свое отражение и в самом наименовании кварталов.

Так, например, в селении Сно название квартала *Sxra qarġiani* (ცხრა კარობი) означает «имеющее девять ворот»; *Did ezoelni* (დიდ ეზოელნი) — «жители большого двора»; *Gġzel banianni* (გრძელ ბანაბნი) — «имеющие длинную крышу» — *bani* ბანი и т. д.

Sxra qarġiani (ცხრა კარობი) действительно состояло из девяти семейных общин, из них четыре принадлежали к более раннему подразделению: Гудушаури к Самукени, и в свою очередь делились на Самукени, Гвицеени, Алексени, Матиези; пять же остальных — Гиоргиеени, Гигиени, Ванкени и Соломанени (последние состояли из двух семейств) — принадлежали также к Гудушаури, но уже к другому делению — Шиолени. Все девять семейств жили одной общей группой, соединяясь между собой внутренними переходами, сделанными в нижней части дома.

Также объединялись и *Did ezoelni* დიდ ეზოელნი (Гудушаури) — «жители большого двора», состоящие из следующих восьми семейных общин: Гагаани, Сиани, Себани, Гахани, Тетиани, Ваниани, Хаэни, Пидони, которые принадлежали к подразделению Вардзукэни, были соединены между собою смежными стенами и общались посредством внутренних проходов.

Итак, особенность расселения новых общинных хозяйств и родовых кварталов села в Хеви была связана с порядком семейных разделов.

Анализ фактического материала, генетически сближающего понятия семейной общины и квартала, а также и села, наравне, с объединяющим их наименованием — *qarġi* (კარბი), представляет большой интерес для определения места семейной общины в формировании и развитии самого села.

В работе «Государственный строй древней Грузии и древней Армении» И. А. Джавахишвили писал: «К подобным же остаткам терминологии родового быта нужно, кажется, отнести и названия деревень, сложных со словом «кари» კარბი, обозн. двери, ворота, так как это последнее представляет из себя вторую половину известного *composita* სახლკარბი, что значит дом — ворота и употребляется в смысле места, занимаемого семьей со всеми постройками. Такие названия, как Кобиантқари, Барнабиантқари, Павлеуртқари, Бениантқари, Джагумаантқари и т. д., обозначают собственно [дом] ворота [рода] Кобиашвили, Барнабы, Павлеура, Бениа, Джагума»¹.

Такого же происхождения ряд наименований кварталов с характерным окончанием *ani*. Так, например, из приведенных в первой части настоящей работы описаний, могут быть названы кварталы Масураани,

¹ И. Джавахов. Государственный строй Древней Грузии и Древней Армении, т. 1, Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, С. - П., Тб, 1905, кн. VIII, стр. 33.

Джебисаани, Ичкитиани, Алхазаани, Хомасуридзиани, Гогиаани, Хакутаани, наименования которых составлены путем собственных имен с суффиксальными образованиями *апи*.

Генеалогии семейных общин исследуемых кварталов села Восстанавливают картину происхождения последних, а также последующего их развития из одной семейной общины и расселения внутри общего двора. Окончание *апи* в вышеназванных наименованиях кварталов указывает на их принадлежность к определенной группе¹ и снимает в отдельных случаях необходимость употребления слова *убани* (უბანი) или *қаги* (კაგი).

Таким образом, грузинское *қаги*, обозначающее ворота или двор и выражающее в определенное время понятие принадлежащей семейной общине территории коллективного хозяйства, с сегментацией семейной общины и образованием на той же территории новых хозяйств становится наименованием самостоятельного квартала.

При новых поселениях из этого квартала — *қаги* впоследствии образовалось село; примерами этого могут быть картлийские села: Таниант-кари, Мезвариант-кари, Чонкаант-кари, Кариаулт-кари, Пермисаант-кари и т. д.

Акад. И. А. Джавахишвили в вышеназванной работе, перечисляя по данным переписи 1774 года наименования сел Арагвского ущелья — Джагумаанткари, Каишаурткари, Сванианткари, Бакианткари, Кобиант-кари и другие пишет, что «...одним из признаков бывшего родового расселения по деревням является, как было выше указано, присутствие в номенклатуре деревень суффикса «кари», а также патронимического префикса «са» в таких названиях, как Сашабуро, Сачилао, Сагурамо, Саломинао, Салипартиано, Самикелао и т. д.»².

На существование в грузинских топонимических названиях терминов *қаги* и *убани*, как на наименования, обозначившие определенный тип поселения, обратил внимание в своих исследованиях и А. С. Хаханашвили, который писал:

«Род, распавшись на отдельные семьи в силу изменившихся экономических условий жизни, сохранил следы прежнего своего совместного сожителства в терминологии — «кари», «убани», т. е. врата и участок. Так, в Горийском уезде находится деревня Эдилашвилиант-кари, где живет одна фамилия Эдилашвили. В Душетском уезде известна деревня Цинамдзгвриант-кари, разросшаяся в деревню из распавшегося рода Цинамдзгвришвили с переходом от кровных союзов к соседским (ср. Барнабиант-кари, Кобиант-кари, Гиоргис убани, Тимотес убани и др.).

«Таким образом, — заключает А. Хаханашвили, — отрывочные сказания «Кр-Цх.» о заселении Грузии отдельными родами, распавшимися на земельные общины с «мамасахлисами» во главе, находят подкрепления в переживаниях современного общественного устройства грузин-горцев»³.

¹ Относительно окончания *апи* в топонимических наименованиях см. С. Н. Джанашиа. Тубал-Табал, Тибарен, Ибер. «Известия ИЯИМК», 1937, стр. 219 и др. (на груз. яз.).

² И. А. Джавахов. Государственный строй Древней Грузии и Древней Армении, т. 1. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. С.-ПТб, 1905, кн. VIII, стр. 47.

³ А. С. Хаханов. Небольшая экскурсия в область археологии и этнографии, (родовой строй в Древней Грузии, у пшавов, сванов и др.). «Новое Обозрение», 1899, № 5404, 5407. См. также Н. Л. Абадзев. Семейная община у грузин. «Этнографическое обозрение», кн. III, М., 1889, стр. 18—19.

Однако в данном случае, как видно из описания, автором не учитывается ни время, отделявшее сообщение «Картлис Цховреба» от современного автору быта, ни сама специфика образования квартала посредством сегментации семейной общины.

Территориальное единство, общее патронимическое наименование, определяющее характер родственной группы *gapaqebi* (გაყაყებო) — разделившихся братьев, являлись характерными особенностями указанного родственного объединения на всех этапах его развития. Экономическая общность *gapaqebi*, основанная на неделимой части семейно-общинного имущества, была различна для отдельных частей Грузии в зависимости от значения настоящей родственной группы и отображала тем самым отдельные этапы ее развития.

Сам процесс образования кварталов первоначально был представлен в виде сегментации семейной общины на дочерние большие семьи. На последующих ступенях развития, в результате сегментации семейной общины, образовывались уже малые семьи, представляющие наравне с семейными общинами составные части квартала.

Особенность поселения жителей горной части Грузии, по сравнению с населением равнинной части, отражалась и на планировке кварталов, сохраняющих большую сплоченность внутри квартала между *gapaqebi* (გაყაყებო), дома которых в отдельных случаях объединялись общими перекрытиями и ограждениями боевого значения. В планировке поселений немалую роль играли и соображения обороны. Вышеуказанные факты дают основание предполагать, что само наименование грузинского *qati* (კატი) — ворота, сохранившееся в топонимике сел, выражает и особенность компактного поселения, образованного путем сегментации семейной общины, которое имело свой общий двор и общий вход с укреплением.

На определенной ступени общественного развития именно таким был общий исторический процесс образования поселений, создаваемых путем сегментации семейных общин и требовавших тогда общего укрепления всего квартала.

Аналогичное словообразование, выражающее процесс образования населенных пунктов подобно грузинскому *qati*, мы встречаем и у народов древнего мира.

В ассиро-вавилонских текстах второго и первого тысячелетий термин *alu* чаще всего обозначает город. Но термин *alu*, как проследивает проф. Н. М. Никольский, имеет целый ряд других более древних значений. Он восходит к тому же древнему общесемитскому корню, от которого происходит коптское *one* — «загон для скота», еврейское *ohel* — «шатер кочевого скотовода», сабейское *hl* — «семья», сирийское *ahal* в значениях «жилище», «семья», «род», «община». Соответственно с этим и вавилонско-ассирийское *alu*, — замечает проф. Никольский, — имеет значение «поселения вообще», включая сюда и села, и маленькие деревни, далее «область», «местность», «община»¹.

Образованная путем сегментации семейной общины родственная группа, объединяемая общей территорией, родовым именем и некоторыми

¹ Н. М. Никольский. Частное землевладение и землепользование в Древнем Двуречье, Минск, 1948, стр. 27.

видами коллективной собственности, в современной специальной литературе получила наименование патронимии¹.

На основании грузинских этнографических материалов настоящая форма родства также определяется их патронимическими отношениями и выражается термином *тата* (მამა) — отец или *татапи* (მამანი) — отцы. Однако термин *татапи* так же как и термин патронимия, указывает лишь на генетическую общность группы лиц и не выражает специфики родственного объединения, образованного путем сегментации семейной общины.

Термином, раскрывающим сущность состава квартала *ибани* (უბანი) или *қағи* (კაგი), является грузинское наименование *gapaqani* (განაყანი) или *gapaqrebi* (განაყრები) — разделенные братья, выражающее процесс образования данной родственной группы. Термин *gapaqani* (განაყანი) противопоставляется тем самым терминам *gauqreli zmebi* (გაუყრელი ძმები) — неразделенные братья и *ertsaxli zmebi* (ერთსახლი ძმები) — единокровные братья, выражающим понятие семейной общины. Членами семейной общины и патронимии могли быть люди одной и той же категории родства, поэтому ни общее происхождение, ни категория родства не могли определить характера названных родственных групп. В то же время приведенные грузинские наименования указывают на происхождение этих родственных групп путем сегментации семейных общин, что и составляет их специфику. Характер поселения зависел от общественных взаимоотношений, сохраняющих отдельные пережитки древнего уклада внутри *განაყრები* (*gapaqrebi*). Только благодаря родовым пережиткам могли быть образованы вышеуказанные кварталы, поддерживавшие необходимую общность выделившихся из одной семейной общины домов.

Основной принцип, на котором строилось родственное объединение квартала, населенного *gapaqani*, должен был определить и имущественно-правовые взаимоотношения членов настоящей группы.

Во время разбора имущественно-правовых взаимоотношений членов грузинской семейной общины выше указывалось, что при родственном составе членов семьи решающим моментом в определении их имущественных прав являлась принадлежность последних к неразделенному дому.

Иными словами, неразделенные братья *gauqreli zmebi* или *ertsaxli zmebi* (გაუყრელი ძმები или ერთსახლი ძმები) отличались от разделившихся братьев (*gapaqani*) своими имущественно-правовыми взаимоотношениями. В данном случае при одной и той же категории родства вопрос также решался их принадлежностью к неразделенному дому.

Исключительно ценные сведения, подтверждающие значение этого момента, имеющего у древних народов Передней Азии силу закона, сохранили ассирийские документы. Н. М. Никольский в своем исследовании пишет, что «по закону первого раздела II табл., выделившиеся из семейной общины братья не несут ответственности за преступления и правонарушения невыделившихся: если невыделившийся брат убьет живое существо (раба, скотину, или чьего-либо родственника), то выделившиеся братья выдают его с головой господину убитого живого существа и к этому лицу пере-

¹ См. следующие работы М. И. Косвена: 1) Семейная община, (Опыт исторической характеристики), «Советская этнография», 1948, № 3; 2) Патронимия у древних германцев, «Известия Академии наук СССР», Серия истории и философии, т. VI, 1949, № 4; 3) Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище. «Советская этнография», 1950, № 2; Патронимия и проблема рода, Вопросы этнографии Кавказа, Тб., 1952, стр. 257—265.

ходит также наследственная доля убийцы¹. (Подчеркнуто нами. — Р. Х.)
На основании данного закона права и обязанности кровников ограничивались рамками семейной общины. Выделившиеся братья, не принадлежащие к неразделенному дому, из этих правил исключались.

Таким образом, даже на поздней ступени своего развития грузинская семейная община являлась определенным ядром, с которым в известных случаях было связано образование и развитие состоящего из вышеуказанных кварталов села.

Кварталы — патронимии, образованные в результате сегментации семейной общины, являлись также одной из форм родственных объединений. Экономическая общность патронимии, основанной на неделимой части общинно-семейного имущества, была различна в отдельных частях Грузии и отображала отдельные этапы ее развития. Однако в целом образование патронимии, сохраняющей незначительную часть общего имущества, полностью зависело от роста и последующей сегментации семейных общин.

ВЫВОДЫ

Семейная община, как определенная историческая категория, начала складываться в рамках первобытно-общинной формации в процессе разложения родового строя. На ступени патриархально-родового строя была создана такая форма хозяйственно-общественного объединения, которая строилась на родственных отношениях агнатов. Только патриархально-родовые взаимоотношения могли создать основу такой формы общественной организации, которая покоилась на принципе неразделенности братьев. Предпосылки образования такой устойчивой формы семьи, которая при условии неразделенности братьев представляла постоянный союз мужа и жены, родителей и детей, могли быть созданы также только в эпоху патриархально-родового общества.

Трудно было бы предположить существование семейной общины как стойкого родственно-хозяйственного объединения, представляющего постоянный союз мужа и жены, родителей и детей при матриархате, ибо эта ступень в развитии родового общества характеризуется непостоянством брачного союза. Трудно также предположить возникновение семейной общины в условиях классового общества, в котором родовые связи уже не могли иметь определяющего значения. При данном общественно-экономическом строе ранее созданное хозяйственно-родственное объединение могло лишь подвергнуться дальнейшему развитию и видоизменению применительно к новым условиям.

Отождествление в грузинских терминах родства *saxliskaci* (სახლისკაცი), *meqilpa* (მეყულპა), *mondavi* (მონდავი), *moçile* (მოჭილე), *meqeva* (მეყევა) и т. п. обозначений общности производственной жизни группы людей с понятием родственных взаимоотношений в свою очередь подчеркивает, что членами неразделенного дома, занятыми в общей производственной жизни семьи, могли быть только родные и коллатеральные братья и их жены. Характерные особенности состава семейной общины, основанной на патриархально-родовых отношениях, выявляет в этом отношении грузинская система родства.

¹ Н. М. Никольский. Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье, Минск, 1948, стр. 102.

Определяющее значение в производственной жизни общества в целом семейная община должна была приобрести лишь на поздней ступени патриархально-родового общества в связи с суживанием круга членов родственных коллективов и постепенным переходом общинно-родовой собственности в общинно-семейную собственность. Тем же принципом преемственности должны быть, по-видимому, объяснены отразившиеся в грузинском языке изменения, заключающиеся в переходе наименования большого родового объединения к меньшему. Так, существующее в грузинском языке обозначение семейной общины — *saxli* (სახლი), соответствовало (как это было выше отмечено) в древнегрузинском понятию рода, а наименование *saxlis kaci* (სახლის კაცი), обозначавшее первоначально члена рода, перешло впоследствии на члена семейной общины, т. е. на родного или коллатерального брата.

Пройдя рабовладельческий и феодальный строй и претерпев соответствующие изменения, семейная община в пережиточной форме дожила до ранней стадии развития капиталистических отношений.

Возникнув на рубеже двух различных эпох человеческой истории, семейная община сначала же приобрела дуалистический характер. Именно эта дуалистическая природа обусловила, с одной стороны, стойкую сохранность традиции родового быта в семейной общине, а с другой — ее способность к активному функционированию на последующих этапах общественного развития путем использования традиций в новых интересах.

Вышеприведенный грузинский этнографический материал, дающий возможность установить отдельные виды семейной общины, вместе с тем позволяет наметить основные этапы ее развития, выявить изменения в ее функциях и определить конкретные условия, способствующие ее сохранности на различных ступенях развития общества.

Общественный строй равнинной Грузии, в дореформенный период характеризующийся развитым феодализмом, при котором сохранялись пережитки семейной общины, резко отличался от общественного уклада грузин-горцев, семейная община которых существовала в условиях значительно более широкой и стойкой сохранности пережитков патриархального быта. К числу пережитков общинных отношений из области общественного устройства относятся: общинно-коллективная форма владения частью земли, система управления посредством выборных представителей отдельных общин, военная организация в виде общинных дружин, использование обычного права в практике управления, кровная месть, приоритет старшинства и пережитки древних форм брачных отношений¹.

В системе общинного управления горной Грузии все более или менее важные вопросы решались посредством общих сходов, которыми руководил совет старейшин. Семейная община, внутреннее руководство которой осуществлялось путем семейного совета, являлась первичной ячейкой в общей системе управления.

Общинный характер сходов определяло равноправное участие в них представителей семейных общин. Права и обязанности отдельных

¹ Вопросы, касающиеся пережитков общинного строя у грузин-горцев, нами специально разработаны в следующих работах: Пережитки большой семьи у сванов. 1939, Тб., (на груз. яз. с русск. кратким резюме); К вопросу системы родства у хевсур. Известия „ИИИМК“ V—VI, 1940 г. Обычное право у хевсур. «Аналеби», Труды Ин-та истории им. Джавахишвили, т. I, 1947, стр. 163 (на груз. яз.); Хевсурское *zigi i gvagi*. «Мимомхилвели», Ин-т Истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, I, 1949, стр. 187 (на груз. яз.); Хевсурское «андрези» как источник обычного права. «Мимомхилвели», Ин-т истории им. Джавахишвили, т. II., 1951, стр. 287 (на груз. яз.); Сванское «хевоб» — племенной совет и система управления у сванов. Материалы по этнографии Грузии, т. VI, 1953 (на груз. яз.); К вопросу о территориально-

членов общества носили все еще коллективный характер. Семейная община несла коллективную ответственность перед сельской общиной за все совершенные ее членами преступления. Представители семейных общин в лице главы семьи присягали в верности всех членов семьи сельской общине.

В последний период общинного управления коллективная ответственность сохранялась лишь только в случаях кровной мести, поэтому в составлении и в получении виры, осуществлявшей право композиции, участвовали члены родственного коллектива, который все еще сохранял некоторые пережитки былого единства.

Во всех же остальных случаях ответственность за нарушение отдельными членами общественных порядков падала на коллективы семейных общин. Наименьшими ячейками общинного управления продолжали быть родственные группы, но уже значительно сокращенные, в виде семейных общин. В указанный период семейные общины, являясь составными частями территориальной общины и объединенные узами родства, коллективной формой собственности и потребления, осуществляли общинные порядки в условиях горной Грузии¹.

Единственной формой семьи, внутри которой, в противоположность моногамной семье, могла быть осуществлена коллективная форма труда и потребления неразделенными братьями, была семейная община. Неразделенность семьи являлась одним из основных условий, создающих ее экономическую обеспеченность.

В семейных общинах грузин-горцев, с преимущественно скотоводческим хозяйством, при существовавшем у них общинном владении частью земли, основные земельные угодья находились в собственности семейных общин. Как крупный, так и мелкий рогатый скот, являлся также собственностью последних. Овцеводство, представлявшее одну из ведущих отраслей хозяйства горной Грузии, связанное с «яйлажной» системой, требовало одновременного участия большого числа работников при условии коллективной формы труда.

Смешанная форма хозяйства, в условиях сочетания экстенсивного земледелия со скотоводством и наличие двух хозяйственных баз, необходимых для нормального развития скотоводства и земледелия в одной части горных районов, — способствовала сохранению семейной общины с характерной для нее семейно-общинной собственностью на средства производства и коллективной формой труда.

Таким образом, семейная община грузин-горцев в дореформенный период наиболее полно отвечала специфическим интересам их хозяйственного быта и вместе с тем в качестве первичной ячейки общества играла основную роль в регулировании общественных отношений, ибо общинное управление у грузин-горцев осуществлялось посредством семейных общин, представляющих хозяйственно-родственные объединения.

Правопорядки развитого феодализма в равнинной Грузии не могли терпеть общинного управления. В период позднего феодализма в равнин-

общинных объединениях у грузин-горцев. Краткие сообщения Ин-та Этнографии АН СССР, XXIX, 1958 г., стр. 62; Пережитки семейной общины у тушин. Материалы по этнографии Грузии, X, 1959, стр. 191; Пережитки общинного управления у мохевцев. Труды Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, т. IV, в. 2, 1959, стр. 163 (на груз. яз.).

¹ Р. Л. Харадзе. Система народного управления в Сванети. Материалы по этнографии Грузии, т. VI, 1953 (на груз. яз.).

ной Грузии феодал не признавал за крепостным никаких прав и считал как его самого, так и его достояние своей собственностью¹. Раздел крестьянской семьи не мог быть произведен без разрешения феодала, требующего к тому же материального вознаграждения.

В условиях феодальной Грузии связь между семейной общиной и общей системой управления приняла иной характер; семейная община потеряла свое место в структуре управления. Однако, потеряв эту общественную функцию, она в известной мере сохранила свое хозяйственное значение, так как существование многочисленной крестьянской семьи вполне соответствовало экстенсивному земледелию, которое требовало большого количества рабочих рук для обработки земли, разведения садов и виноградников, удобрения полей, урегулирования водного хозяйства и т. п. В сохранении семейной общины, как основной ячейки сельского хозяйства, были заинтересованы и феодалы.

Существовавшая внутри семейных общин организация труда и наличие всех необходимых орудий труда имели решающее значение для успешного ведения земледельческих работ.

Только семейная община могла иметь свое собственное *gutneuli* (გუთნეული), т. е. большой плуг, и требуемое для вспашки поля большое плугом количество волов, а равным образом обеспечить сам процесс пахания необходимым числом людей. Этот момент в достаточной мере отражен как в приведенном в работе этнографическом материале, так и в имеющихся в литературе указаниях.

Таким образом, земледелие, которое являлось ведущей отраслью хозяйства равнинной части Грузии, нуждалось в орудии производства, требующем большого количества скота и коллективной организации труда. Семейная община своей структурой, системой распределения труда, численностью работоспособных членов и возможностью увеличения поголовья рабочего скота вполне отвечала этим требованиям.

Сохранению семейных общин в классовом обществе способствовали также и искусственно созданные ограничения семейных разделов. Ввиду заинтересованности представителей господствующего класса в укреплении отдельных крестьянских семейных ячеек, сидящих на земле феодала, создавались препятствия экономического порядка, которые так же способствовали замедлению процесса разложения семейных общин.

С распадом семейной общины увеличивалось число хизанов (*xizan boʻbb*) и бобылей, что отрицательно влияло на развитие сельского хозяйства и состав населения. Сохранение земледельческого населения являлось делом государственной важности. Еще царь Ираклий, как указано в учебнике Истории Грузии, «принимал меры, чтобы сохранить земледельческое население, отлично сознавая, что главной причиной захирения страны являлся упадок крестьянства»².

¹ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, История Грузии, ч. I, с древнейших времен до начала XIX века. Ред. С. Джанашиа, 1946, Т., стр. 412, см. также: Н. Бердзенишвили, В. Дондуа, М. Думбадзе, Г. Меликишвили, Ш. Месхиа, П. Ратиани, История Грузии, ч. I, Т., 1958, стр. 367 (на груз. яз.)

² Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, История Грузии, ч. I, с древнейших времен до начала XIX века. Ред. С. Джанашиа, Тб., 1946, стр. 414.

С. Н. Джанашиа, анализируя концепцию Вахушти Багратиони о грузинском феодализме, обратил внимание на то большое значение, которое известный грузинский историк придавал неразделенности братьев у грузин, как одному из основных условий сохранения знатной княжеской фамилии. Вся сила феодала, по мнению историка, зависела от его земельных владений, в частности, от неразделенности феодального дома; Мухран Батони, Эристави, Цицишвили, Амилахвари, Каплишвили считались самыми знатными и состоятельными фамилиями именно потому, что они имели неразделенные дома. Некоторые же фамилии утратили былое достоинство и превратились из князей в дворян, как, например, Ратишвили, вследствие изменения их положения, иначе говоря, в результате происшедших между братьями разделов¹ (подчеркнуто нами. — Р. Х.).

Таким образом, неразделенности братьев, являвшейся характерной особенностью семейной общины, в силу существовавшего экономического положения при феодальном строе придавалось громадное значение не только в крестьянской, но и в феодальной семье.

Из приведенных в настоящей работе документов, указывающих на факты официального вмешательства в семейно-общинные разделы, так же как и на основании анализа этнографических материалов этого времени, выясняется, что семейная община на последней ступени своего развития приобрела новые, качественно отличные особенности, обеспечивающие ей жизнеспособность и при новых социально-экономических условиях. Вместе с тем большое число членов семьи, как один из факторов ее экономического благосостояния при сохранявшейся родственной структуре, основанной на неразделенности братьев и коллективной форме собственности, оставалось по-прежнему характерной особенностью семейной общины и на поздних ступенях ее развития.

С отменой крепостного права, в условиях пореформенных земельных отношений, семейная община, располагавшая средствами производства, приобретала новое значение; большие семьи здесь уже принципиально отличались экономическим преимуществом от малых семей. Основным элементом, посредством которого обеспечивалось экономическое превосходство большой семьи, в одной части равнинной Грузии являлся и в данном случае большой плуг с восьмипарной упряжкой.

С переходом семейной общины в классовое общество, ее первоначальный дуализм принимает все более резкий характер, отражая в себе основные противоречия, присущие классовому обществу на различных ступенях его развития.

Мы не имеем исходного этнографического материала, достаточного для более или менее полной характеристики семейной общины в условиях рабовладельческого общества, существовавшего в равнинной Грузии. Путем анализа лишь пережиточных данных, касающихся горцев Грузии, удастся восстановить отдельные элементы, характеризующие семейную общину в условиях доклассового общества. Что же касается позднейших этапов ее существования, в частности ее бытования в феодальной, а затем буржуазной Грузии, мы располагаем помимо этнографических материалов данными письменных источников.

Для характеристики тех противоречий, которые были присущи семейной общине в условиях феодального общества и которые углубляли

¹ С. Н. Джанашиа. Вахушти Багратиони о грузинском феодализме. «Аналеби», т. 1, 1947, стр. 3 (на груз. яз.).

ее дуалистический характер, можно привести факты возрастающего значения частной собственности — основы классового общества — в жизни семейной общины.

Особого внимания заслуживает неуклонный рост удельного веса благоприобретенного имущества и, наконец, его противопоставление семейно-общинной собственности, особенно наглядно проявлявшееся на стадии распада семейной общины.

Рост благоприобретенного имущества происходил в сельскохозяйственных семейных общинах главным образом за счет увеличения пахотной земли; в районах со значительно развитым виноделием — за счет увеличения площади виноградников, а в семейных общинах с преимущественно скотоводческим хозяйством — за счет увеличения поголовья мелкого рогатого скота и при наличии части пастбищ, находящихся в семейно-общинном владении. Все виды благоприобретенного имущества включались в семейно-общинную собственность, однако оно отличалось от последней по своему характеру. Эта особенность нашла свое отражение в дифференцированных понятиях, раздельно обозначающих и противопоставляющих друг другу общинно-семейную собственность *mat'a rareuli* (მამა პაპეული) и благоприобретенное имущество *orlit torovebuli* (ოფლით მოპოვებული). Практически свое выражение это различие между двумя видами семейно-общинного имущества находило и в актах разделов больших семей.

Согласно обычному праву, а также законодательству, при разделе наследственного имущества (*mat'a rareuli*) братья являлись равноправными дольщиками; в отношении же благоприобретенного имущества (*orlit torovebuli*) и обычное право и законодательство закрепляли права на определенную долю этого имущества за мужчинами семейной общины, личным трудом участвовавшими в образовании этого вида имущества. Права эти определялись степенью участия в труде семейной общины каждого из вышеуказанных лиц.

Указанное обстоятельство создавало имущественную дифференциацию между братьями при разделе общинно-семейного имущества, что должно было явиться значительным стимулом к разделу семейных общин. Это составляло одно из противоречий, характеризующих семейную общину феодального общества.

Проникновение частной собственности в семейную общину находит отражение и в других сторонах семейного быта.

Satavno (სათავნო), как это явствует из настоящей работы, в своей первоначальной форме восходит к ранним этапам развития семейной общины и представляет собою личную собственность женщины, переходящую к ее детям и таким образом частично вливающуюся в семейно-общинную собственность.

В условиях классового общества *satavno* постепенно превращается в *mzitevi* (მზითევი) — приданое, которое не вливается в семейно-общинную собственность и, согласно порядку наследования, характерного для классового общества, превращается уже в частную собственность.

Этот переходный момент также хорошо отражен соответствующей терминологией, которая раздельно обозначает и сопоставляет эту форму личной собственности, перешедшую впоследствии в частную собственность — *mzitevi*, с семейно-общинной собственностью *sasaxlo* (სასახლო).

По мере возникновения и развития в Грузии капиталистических отношений, грузинская семейная община вступила в последнюю фазу своего существования, в фазу ее разложения.

Окончательный удар семейной общине нанесла частная собственность, возникшая внутри семьи в основном благодаря отходничеству и торговле, развивавшихся в капиталистическом обществе, и ставшая в непримиримое противоречие с общинно-семейной формой производства и потребления.

Характеризуя процесс вовлечения Кавказа в общий ход развития капиталистического производства, В. И. Ленин писал: «Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик»¹.

Развитие капитализма в Грузии и вызванный им процесс нивелирования хозяйственного и общественного быта народов Кавказа, в том числе и грузин, создали предпосылки для окончательного распада семейной общины.

Развитие таких отраслей сельского хозяйства и промышленности, продукция которых все еще была обеспечена более или менее широким рынком сбыта (главным образом, виноделие и скотоводство, а также марганец), сопровождалось резким сокращением и ликвидацией местных самобытных форм ремесленной промышленности, в первую очередь в той области, в которой фабричная продукция легко пробивала себе путь (мануфактура, оружие, кожа, железо, медь, золото, серебро, утварь и т. п.).

В этом историческом процессе жизнь семейной общины полностью подчинялась хозяйственной деятельности, которая предполагала в интересах капиталистического производства необходимость привлечения наемной рабочей силы. Тем самым она теряла последние устои своего существования, а вместе с тем и местные особенности, возникшие и развивающиеся в совершенно других общественно-экономических условиях.

Рост экономического благосостояния семейной общины за счет эксплуатации наемной силы, углублявший дифференциацию крестьянства и ускорявший тем самым развитие капиталистических отношений в деревне, обусловил перерождение семейной общины в семью нового, капиталистического типа. Участие отдельных членов семейной общины в развивающемся капиталистическом производстве, для которого характерна частная собственность на средства производства, разрушало коллективные формы собственности и потребления, определяющие сущность семейной общины. Дуализм семейной общины принимает характер антогонистического противоречия, которое в конце концов подрывает ее и приводит к полному распаду.

Этим обстоятельством определяются общие условия, легшие в основу разложения грузинской семейной общины, однако конкретные формы процесса разложения семейной общины были различны. В каждом отдельном случае эти различия определялись ранее сложившимися особенностями общественно-экономического быта семейной общины, но главным образом — формой вовлечения ее в капиталистическое производство; отходничество и торговля, посредством которых семейная община приобщалась к капиталистическому миру, в различных случаях носили различный характер.

По этнографическим материалам, касающимся грузинских семейных общин, вскрываются различные ступени обмена. Так, например, торговля продуктами овцеводства в Тушети сначала не выходила за пределы примитивных форм обмена. Накопленный посредством реализации овцевод-

¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. III, 1941, стр. 521.

ческих продуктов капитал в денежной форме, называемый *саожахо* (საოჯახო — семейный), сначала не вовлекался в обращение, а в отдельных случаях даже закапывался в землю¹.

Это явление, квалифицированное К. Марксом «наивной формой накопления сокровищ, представляющей начальный период товарного обращения в деньги»², достаточно четко характеризует сравнительно ранний этап развития экономической жизни одного из районов горной Грузии.

С дальнейшим развитием овцеводства в Тушети обмен принимал более сложные формы. К этому ряду явлений относится рост экономического значения «Алванского поля», как одного из вспомогательных пунктов, где хранились продукты овцеводства, реализуемые здесь же или сбываемые на других рынках.

Таким образом, образование в Алвани параллельного поселения было вызвано существовавшими там специфическими условиями развития овцеводства — обстоятельство, которое способствовало в свою очередь сохранению пережитков семейной общины как хозяйственно-родственной организации, но уже применительно к новым требованиям общественно-экономической жизни.

И в этом случае мы имеем типичное явление, когда нарождающаяся общественно-экономическая формация пользуется на первых этапах своего развития старыми формами взаимоотношений, вкладывая в них новое содержание и заставляя их служить своим интересам.

Торговля, как одна из доходных статей хозяйства семейной общины горных рачинцев, также возникла на базе излишков скотоводческого хозяйства. В дальнейшем она развивалась у них уже на базе перепродажи покупного скота. Свободные денежные средства для этих операций отпускались вначале из общей кассы семейной общины, куда поступала также и вся выручка.

Многообразие деятельности жителей горной Рачи, связанной как с сельским хозяйством, так и с торговлей, складывалось все еще в условиях существования семейных общин, находившихся на пути к распаду. Говоря словами Ленина, «в этом случае представитель торгового капитала настолько еще не дифференцировался от общей массы «мужиков земледельцев», что сохранил даже свое надельное хозяйство и патриархальную большую семью»³.

Развивавшееся в недрах семейной общины товарно-капиталистическое производство, так же как и ремесла с отходничеством, которые вели к созданию в семейной общине новой формы распределения труда, отличной от прежней, и подразумевавшие выделение специально занятых в товарном производстве лиц, создали почву для ее отмирания. Основанная на капиталистической форме товарного производства частная собственность должна была разрушить ту форму семьи, которая возникла на почве коллективной собственности, коллективной формы труда и коллективного потребления.

Семейная община позднего периода характеризуется уже такой формой распределения труда, когда часть лиц постоянно занимается товарообменом. Типичным примером в этом отношении может служить кахетинская семейная община, где на основе виноградарства и виноделия было создано капиталистическое производство.

¹ См. I часть настоящей работы, стр. 125.

² К. Маркс. Капитал, т. 1, 1949, стр. 137.

³ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, 1941, стр. 317.

Вывоз вина, осуществлявшийся вначале посредством приезжих скупщиков, — *siḡaḡi* (სიგაგი), создал в Кахети своеобразную специальность *uvini amotyebi* (ღვინის ამბოტებო — буквально: достающих из кувшинов вино), которые в то же время являлись посредниками между продавцами и покупателями вина; являясь одновременно и производителями, они приобретали новую профессию, связанную с развитием торгового капитала и выделившую их из числа других членов семейной общины.

Для некоторых частей Картли одним из видов отходничества являлся извозный промысел. Особо характерное для больших сел Картли развитие ремесла (плотники, каменотесы, башмачники и т. д.) также способствовало впоследствии выделению ремесленников отдельных профессий.

В. И. Ленин, анализируя процесс появления скупщиков и отмечая их значение, пишет следующее: «Невыгодность изолированного сбыта ведет к выделению торговли в особую функцию, исполняемую одним лицом, собирающим изделия от многих работниц. Патриархальная близость этих работниц друг к другу (родня, соседи, односельчане и пр.) вызывает сначала попытку товарищеской организации сбыта, попытку поручать сбыт одной из мастериц. Но денежное хозяйство немедленно пробивает брешь в старинных патриархальных отношениях, немедленно приводит к тем явлениям, которые мы констатировали выше по массовым данным о разложении крестьянства. Производство продуктов для сбыта приучает ценить время на деньги. Становится необходимым вознаградить посредницу за потерянное время и труд; посредница привыкает к своему занятию и начинает обращать его в профессию»¹.

Образование новых профессий внутри семейной общины, существование которых уже не зависело от коллективной собственности и коллективной формы производства семейной общины, впадало в противоречие с основными характерными чертами настоящей формы семьи. Профессия эта являлась порождением торгового капитала, который не мог мириться с формой собственности, характерной для семейной общины.

Одним из основных факторов развития капиталистического производства является, как известно, наемный труд, когда рабочая сила выступает в качестве товара.

Одна из ранних форм образования наемного труда в овцеводческом хозяйстве может быть прослежена на примере тушинской семейной общины. Специфические условия овцеводства создали у тушин особую форму наемного труда с элементами артельно-товарищеских отношений, основанных на более ранней форме эксплуатации.

Более развитая форма наемного труда, возникшая в кахетинской семейной общине на базе развития виноделия, уже полностью соответствовала капиталистической ступени товарного производства. Такая же форма наемного труда наблюдалась и в имеретинских семейных общинах и не только в земледелии, но и в шорном деле, производстве ароб, плетеных корзин и т. п.

Развитие отходничества, как отмечалось, также способствовало разложению семейной общины; оно было характерно для всех грузинских семейных общин XIX века, но развивалось в разных частях Грузии по-разному. Так, например, вовлечение мохевцев в городскую промышленность происходило посредством их усовершенствования в отдельных ви-

¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, 1941, стр. 314—315.

дах ремесла, а также развития извозного промысла, возможного ввиду близости их сел к шоссеной дороге.

С появлением новых видов индивидуальных заработков разделись семейных общин среди мохевцев учащались. Однако процесс этот у них, так же как и в других горных районах Грузии, в связи с сохранностью там пережитков патриархального быта, протекал значительно медленнее, чем в семейных общинах равнинной части Грузии с преимущественно земледельческим хозяйством.

Разнообразные формы отходничества, связанные с кустарным производством, торговыми предприятиями, а также с уходом в различные города на стороне заработка, были характерны и для трудовой деятельности членов рачинской семейной общины последнего периода.

Издревле существовавшее у рачинцев металлургическое производство с расширением капиталистических отношений и ввоза сельскохозяйственных орудий фабричного изделия потеряло свое бывшее значение, между тем как другая отрасль производства — плотничество, характеризующее высоким искусством резьбы по дереву, развивалось все с большим успехом, способствовало выделению в самостоятельную профессию членов большой семьи и втягивало их в капиталистические формы производства.

С 80-х годов XIX века для имеретин одним из видов отходничества, связанного с капиталистическим производством, являлась работа на чиатурских марганцевых промыслах. При существовавшем в Имерети малоземелье и низкой продуктивности сельское хозяйство не могло полностью удовлетворять нужд населения даже в смысле пропитания членов семьи.

Крестьянская реформа в Грузии, в результате которой основная масса непосредственных производителей фактически была обречена на безземелье, со своей стороны также принуждала к отходничеству, так как для выкупа крестьянских наделов только по одной Имерети требовалось не менее пяти миллионов рублей. В этих условиях работа в марганцевых рудниках для имеретинского крестьянства сделалась основным источником денежного дохода; на работу в марганцевой промышленности вовлекалась значительная часть населения, расположенного на территории как самих рудников (Чиатурский и Сачхерский районы), так и почти всей Имерети¹.

В близлежащих к рудникам селах вместе с тем развивалось кустарное производство, связанное в основном также с интересами марганцевой промышленности. Так, например, села Мандаети и Корбули сделались центрами аробного производства, в селении Ргани заготавливались необходимые в марганцевой промышленности тачки, почти во всех селах увеличилось производство плетеных корзин, необходимых для перевозки руды и употребляемых ранее только в сельском хозяйстве. Везде было также увеличено количество кузниц для подковки тяглового скота и т. д.

Люди, непосредственно вовлеченные в марганцевую промышленность, занимались главным образом добыванием и вывозом руды, работая вначале посезонно и совмещая это занятие с полеводческими работами и виноградарством.

Развитие промыслов и увеличение доходов отдельных членов семьи создавало несоответствие между заработками ремесленников и сельскохозяйственных работников. Несмотря на это, поступающие в семейную кассу личные заработки в первое время все еще употреблялись для общих нужд

¹ А. И. Робакидзе. Новый быт чиатурских горнорабочих. Тб., 1952, стр. 5. (на груз. яз.); его же: Некоторые черты семейного быта чиатурских горняков. Советская этнография, 1953, № 4, стр. 22.

семьи и являлись частью коллективной собственности. В то же время значение индивидуального труда ввиду получаемых дифференцированных прибылей все больше и больше росло, приходя уже в явное противоречие с коллективной формой потребления. Производственная жизнь членов семьи, не зависящих от средств производства, принадлежащих семейной общине, постепенно отделяла их от всех остальных. Создавалась одна из основ распада семейной общины, в котором решающее значение имели противоречия, созданные между индивидуальной формой труда и общинно-семейной формой собственности.

На примере имеретинского материала хорошо прослеживается влияние вторжения капитала в семейную общину, появление которого было вызвано вовлечением членов семейной общины в капиталистическое производство.

В тех районах Грузии, где в деревне уже начали развиваться капиталистические производственные отношения, семейные общины, сосредоточивавшие в своих руках средства производства, выступали как представители зажиточной части населения и постепенно захватывали в свои руки управление всей жизнью села. Этим обстоятельством определялось место и значение семейной общины в обществе на последнем этапе ее существования. Однако внутренние противоречия, возникающие на экономической почве, в дальнейшем неизменно приводят к распаду семейных общин.

Таковы этнографические данные о грузинской семейной общине, отражающей те изменения, которые должна была испытать общественная организация, возникшая в условиях разложения родового быта и пережиточно сохранявшая свое спорадическое существование в условиях классового общества.

Однако первостепенное значение грузинского этнографического материала заключается именно в том, что он содержит непосредственные данные, объясняющие столь длительное бытование пережиточной формы семейной общины и позволяющие восстановить типичную картину ее окончательного распада.

Сравнительное исследование грузинской семейной общины устанавливает некоторые аналогичные явления в общинно-семейном праве народов Древнего Востока. Источники эти определяют в основном древность происхождения тех имущественно-правовых взаимоотношений, которые характерны также для членов грузинской семейной общины.

Сравнительный этнографический материал по народам Кавказа, а также данные, относящиеся к семейной общине других народов, наравне с особенностями грузинской семейной общины выявляют и типичные стороны, характерные для данной формы общественного объединения.

LA FAMILLE INDIVISE (RELATION SOMMAIRE)

La famille indivise ou la communauté familiale¹, étant une des formes des unions sociales, qui ont pris naissance dans les conditions du régime communal primitif, a continué d'exister sporadiquement, en forme de survivance, jusqu'au XX siècle. Toutefois, avec son développement, elle modifiait son contenu conformément au milieu historique concret, grâce à quoi elle avait un caractère dualiste et reflétait toutes les contradictions qui étaient propres à la société donnée.

La propriété de la communauté familiale, caractéristique pour cette forme de famille, et, qui présentait un degré de transition entre la propriété clanale et la privée, déterminait la valeur de la communauté familiale comme une étape importante de l'histoire des organisations sociales.

Les faits réels de l'éthnographie géorgienne ont conservé des survivances représentant les différentes étapes du développement de la communauté familiale. Les données ethnographiques, avec les renseignements des sources historiques géorgiennes et le matériel comparatif, donnent la possibilité d'étudier cette forme de famille sous un plan historique.

Le but des recherches en question est de dégager les traits caractéristiques de la communauté familiale géorgienne, de définir la place qu'elle occupe dans le procédé du développement des formes des relations sociales, d'établir les causes qui ont contribué à ce qu'elle fût, si longtemps conservée et les conditions de sa désagrégation définitive.

Ce travail se compose de deux parties essentielles et d'une introduction.

I

L'introduction définit les objectifs principaux des recherches et donne la caractéristique des sources. Les conditions méthodologiques de l'étude de la communauté familiale, comme une des formes de famille sont basées sur les travaux des classiques du marxisme-léninisme. C'est là qu'est particulièrement soulignée la valeur attribuée dans les travaux des classiques du marxisme, aux formes de la propriété, avec la définition des formes de la famille.

¹ Sous ce terme l'auteur entend la valeur du terme géorgien „საოჯახო თემი“, celui du russe „Семейная община“, de l'allemand „Hausgenossenschaft“ etc...

La valeur définitionnelle des formes de la propriété avec la caractéristique des formes de la famille produit la thèse de l'existence de deux formes essentielles de la famille — d'une communauté familiale patriarcale avec la propriété commune et d'une famille individuelle avec la propriété privée qui lui était propre. On se demande avec cela, est-il nécessaire de préciser par la suite la classification des formes de la famille, et, en premier lieu au point de vue de la conformité des formes de la familles aux formes des relations de mariage. La communauté familiale, ainsi que la famille monogamique, sous-entendait une certaine unité de ses membres, unité économique et sociale, ayant pour fondement l'union constante du mari et de la femme avec leur descendance.

La communauté familiale différait de la famille monogamique, avant tout par la forme de propriété et aussi par la composition de la famille. Les traits caractéristiques de la communauté familiale sont la propriété commune, la production et la consommation collective et la forme démocratique de l'administration, avec un nombreux corps de parenté, conditionné par l'indivisibilité des frères.

Les communautés familiales, restées comme survivances, qui ne cessaient pas d'exister sporadiquement même dans les conditions d'une société divisée en classes et acquéraient de nouveaux traits, caractéristiques pour l'étape donnée du développement économique et social sont devenus un objet de recherches spéciales, et avant tout, au point de vue des normes des droit coutumier¹.

La littérature russe du XIX siècle prêtait une grande attention à l'étude et aux recherches concernant la communauté familiale, restée à l'époque examinée.

Une partie des savants considérait la communauté familiale comme une communauté essentiellement économique, sans apercevoir son caractère de parenté. Tout au contraire, l'autre partie des savants défendait la base clanale de la communauté familiale. Toutefois, les représentants de la „théorie clanale“ présentant, en principe, une juste critique de la théorie du principe de travail, n'ont pas su donner une définition précise de la communauté familiale, car ils n'attachaient aucune importance à sa valeur économique. Selon les modifications des rapports de production, changeait le rôle économique et social de la communauté familiale, qui présente, toutefois, une association économique et de parenté, à tous les degrés de son développement.

Dans le travail présenté sont utilisées trois catégories de sources:

- I. Les recherches et les descriptions ethnographiques, commencent, surtout par la 2me moitié du XIX siècle, où paraissent systématiquement des indications sur l'existence d'une grande famille, dans diverses régions de la Géorgie. Ces descriptions sont présentées sous forme d'articles, dans les périodiques géorgiens et russes d'éditions séparées et aussi sous formes d'archives, gardées dans les annales de l'Institut des Manuscrits de l'Académie des Sciences de la République Géorgienne.
- II. Les documents historiques des XIV—XIX siècles, contenant de précieux renseignements sur la composition des communautés familiales géorgiennes et le procédé de leur désagrégation.
- III. Les matériaux ethnographiques recueillis par l'auteur durant les nombreuses expéditions, organisées d'abord par l'Institut des langues, d'histoire de culture matérielle de la filiale géorgienne de l'Académie des Sci-

¹ En sens des us et coutumes.

ences de l'URSS et ensuite par l'Institut de l'histoire de l'Académie des Sciences de la République Géorgienne. A part les données correspondantes de l'éthnographie des peuples du Caucase, les descriptions des communautés familiales devenues l'exemple classique de l'organisation de la parenté et de l'économie, ainsi que quelques sources écrites de l'ancien Orient ont été employées comme matériel comparatif, les plus anciens documents reflétant les côtés typiques de la communauté familiale qui existait en ce temps.

Le fait que la communauté familiale existait en Géorgie au XIX siècle a été noté à maintes reprises dans les descriptions ethnographiques de ce temps, comme par les savants locaux, de même par les voyageurs et les savants qui avaient visité la Géorgie.

La communauté familiale géorgienne fut introduite dans l'ensemble des matériaux qui ont servi de base à l'établissement d'un nouveau degré de l'histoire du développement des formes des relations sociales, à quoi les recherches de M. M. Kovalevski ont contribué particulièrement. Cependant, ayant établi le fait de l'existence de la communauté familiale géorgienne M. M. Kovalevski n'a par porté attention aux traits originaux de la communauté familiale de ce peuple, car M. M. Kovalevski, comme la plupart de ses contemporains, aborda l'examen du régime social des peuples du Caucase, qui avaient conservé des survivances de l'ancienne société, seulement au point de vue de l'étude du procédé historique général, du développement des formes sociales.

Les années 90 du XIX siècle se caractérisent en Géorgie, de même qu'en Russie, par un vif intérêt pour l'étude de différentes formes de, l'ainsi dite propriété terrienne communale. Les éditions périodiques (les journaux „Droéba“, „Ivéria“, „Caucase“ etc..) publient des articles de fonds, consacrés à ces questions et des articles séparés touchant en même temps les questions de la communauté familiale (Z. Goulissachvili, Z. Bilanichvili et d'autres). Dès la deuxième moitié du XIX siècle paraissent systématiquement des articles où on indique l'importance des communautés familiales pour le bien-être économique de la paysannerie géorgienne. L'intérêt pratique des habitants à conserver les communautés familiales en fait de contribuable des impôts d'Etat était souligné par les auteurs des articles consacrés à la caractéristique et à la valeur de la communauté familiale géorgienne de la fin du XIX siècle (I. Tsiskarachvili, N. Abasadzé, A. Khakhanachvili et d'autres). En idéalisant le régime intérieur de la communauté familiale, les auteurs tâchaient de prouver sa grande valeur économique et la nécessité de sa conservation en faveur de l'aménagement de la vie paysanne. Ce point de vue était le reflet des opinions des membres du Parti russe „Narodnaia volia“ qui a été largement apprécié par l'opinion sociale des années 70—80 du XIX siècle.

Les données officielles des années 80 du XIX siècle, touchant les restrictions artificielles des lotissements par grandes familles en Géorgie ne sont aussi pas privées d'intérêt.

La littérature du XIX siècle, concernant la communauté familiale géorgienne reflétait en principe deux courants opposés. Une partie des auteurs adhérait aux opinions des „narodniks“, en idéalisant la communauté familiale comme une organisation économique et sociale qui aurait mis en pratique les idées de la propriété commune, des formes collectives du travail et de la consommation avec une administration démocratique générale; d'autres auteurs, considérant la communauté familiale des positions du libéralisme bourgeois prouvaient les avantages de la famille individuelle, en expliquant et justifiant les partages, de plus en plus fréquents des familles indivises par l'aspiration à la „liberté individuelle“.

Malgré que la question de l'essence de la communauté familiale soit solutionnée dans la littérature mentionnée plus haut, en se basant sur des positions méthodologiques manifestement éronnées, les travaux de cette période, concernant la communauté familiale géorgienne contiennent de précieux renseignements ethnographiques. Ces documents sont le fondement qui claircit certaines qualités peu étudiées de la communauté familiale, et permet, en particulier, de dégager les changements de la valeur de la communauté familiale qui ont été définis par la marche générale du procédé historique. Les faits qui marquent la valeur de la communauté familiale durant le développement de la différenciation sociale et celle des biens de la paysannerie ont une valeur particulière. Les descriptions de la communauté familiale géorgienne qui se trouvent dans la littérature contemporaine sont différentes. Les descriptions des communautés familiales chez les touchines, les pchaves, les svanes et les habitants de la Ratcha ne sont que de courts aperçus: elles ne font que constater le fait de l'existence récente des communautés familiales. La communauté familiale mtoulienne est décrite en plus de détails et d'une manière plus expressive. Des recherches spéciales faites par l'auteur ont été consacrées à l'étude des communautés familiales svane, kartalienne, mokhève et touchine.

Les nombreuses recherches des ethnographes de la Géorgie qui travaillent aux problèmes de l'histoire de la culture — aux questions du développement des moyens de production, de l'habitation, des formes de la propriété et de la possession, des formes de l'économie et de différents systèmes de l'organisation du travail sont un fondement solide, contribuant à faire voir les fonctions économiques et sociales de la communauté familiale géorgienne aux différents degrés de son développement.

De précieux renseignements, concernant la communauté familiale se trouvent dans les documents historiques géorgiens: les lois de Bagrat Kouropalat (fin du X—commencement du XI s.), le code du roi Georges V (première moitié du XIV s.) fait pour les montagnards de la Géorgie orientale, au fond pour la population géorgienne habitant les pays d'amont des rivières Aragvi et Ksani, les lois de Beka et de son petit-fils Agbougui (XIII—XIV s) souverains d'une des régions de la Géorgie — Samtskhé-Saatabago. Ces lois contiennent des données sur le partage des familles géorgiennes des X—XIV siècles, car en les faisant on prenait en considérence les relations de moeurs et de droit coutumier. Les lois du roi Vakhtang VI qui se rapporte à une époque plus avancée (I moitié du VIII s.) contiennent, de même, des détails précieux sur l'usage des partages de famille chez les géorgiens. Ces lois attirent particulièrement l'attention par leurs renseignements sur la composition des parents des grandes familles.

Les documents historiques des XVIII—XIX siècles, appelés „actes d'association“ (შეკრილობის წიგნები შეკრილობის წიგნები) reflètent le procédé original et prolongé de la désagrégation de la communauté familiale géorgienne méritent une attention particulière. La supériorité économique des communautés familiales sur les familles individuelles fut la cause principale de la stabilité des communautés familiales durant la dernière période de leur existence et fut aussi, en particulier, le point de départ pour la formation des associations artificielles de famille.

Les actes d'association de famille — (შეკრილობის წიგნები შეკრილობის წიგნები) fixent certains cas où l'union entre les membres d'une communauté familiale, a été refaite après que ces membres aient déjà partagé leurs biens. Cela était conditionné par les nouvelles fonctions de la communauté familiale qui apparurent vers cette époque. Avec cela, ces actes sont de précieux documents représentant le dernier stade de la désagrégation des

communautés familiales géorgiennes. Ces mêmes documents contiennent des renseignements sur la possession en commun des biens des communautés familiales, sur leur administration et sur le caractère patriarcal des relations à l'intérieur de ces familles. Ces renseignements sont plus anciens que les données ethnographiques sur les communautés familiales, qui se trouvent dans la littérature et les archives.

Le recueil du matériel ethnographique, mis en fondement des présentes recherches, a été commencé par l'auteur en 1934 par la description de la communauté familiale adjare. Avant cette période, en 1932, a été partiellement étudié le matériel concernant la communauté familiale touchine — de la Touchétie montagnarde. L'étude spéciale de cette communauté familiale a été faite beaucoup plus tard — en 1951 à Zémo et Kvémo Alvani. En 1935—1937 l'auteur a étudié les vestiges de la communauté familiale chez les habitants de la haute et basse Svanétie et les svanes en Abkhasie. L'étude systématique de la communauté familiale kartlienne a été faite par l'auteur en 1946—1949 — durant l'expédition ethnographique kartlienne. L'étude de la communauté familiale imérétienne, commencée en 1949 a été finie en 1952 et pendant la même année le matériel de la Ratcha a été recueilli. La communauté familiale à Khévi a été étudiée en 1948—1950. L'étude de la communauté familiale pchava a été faite en 1951.

L'étude sur place a été faite dans les régions connues par leur agriculture, ancienne, originale et populaire (agriculture, viticulture, industrie vinicole) et dans les régions de cette partie de la Géorgie, qui gardait les traditions séculaires dans le domaine de l'élevage du bétail. Dans les deux cas la présence des données concrètes sur l'existence sporadique de grandes familles indivises, jusqu'à la fin du XIX siècle, a été prise en considération.

II

La description détaillée et la systématisation de la documentation effective sur la communauté familiale géorgienne se font dans la première partie du travail.

La documentation ethnographique, qui a servi de fondement au présent travail daté de la 2-me moitié du XIX et du commencement du XX siècle. En principe elle englobe la période du développement économique et social de la Géorgie qui est caractérisé par l'abolition du servage et le développement des rapports capitalistes, tenant compte des particularités de ce procédé dans les basses contrées et les régions montagneuses de la Géorgie.

Se basant sur la documentation ethnographique conservée comme survivance, ont été établis trois différents types des communautés familiales géorgiennes, ayant de différents caractère économiques: les communautés familiales ayant une économie plus spécialement agricole (en Kartli, en Kakhétie, en Imérétie et au Ratcha); les communautés familiales s'occupants de préférence de l'élevage du bétail (chez les géorgiens montagnards — les touchines, les mokhèves, les pchaves et aussi dans une partie de la Kakhétie — chez les kisikes); les communautés familiales ayant une économie mixte (chez les svanes et les montagnards du Ratcha).

La classification citée des communautés familiales, d'après leurs formes essentielles de l'économie n'embrasse certainement pas toutes les diversités qui caractérisent toutes les microrégions de la Géorgie, prises séparément, et dans chaque cas réunissant d'une manière différente les diverses branches de l'activité économique. Cependant, cela n'exerçait pas d'influ-

ence sur les traits caractéristiques principaux des types essentiels des communautés familiales, définies par les branche-clefs de l'économie.

Moyennant l'analyse de différents types de la communauté familiale géorgienne on arrive à montrer que c'est justement la forme de propriété, et non les différents types de l'économie qui définissaient la forme de la famille et que la même forme de famille pouvait exister avec de différentes formes d'économie.

C'est ce qui prouve, une fois de plus, que le point de vue vulgare-matérialiste, disant que les formes de la famille dépendent directement des formes de l'économie (Ernst Grossé) est dénué de fondements.

La différence entre tel ou tel aspect de communautés familiales, fondées sur de différentes formes de l'économie, se voyait surtout dans le système de l'organisation du travail. Cependant ces différences ne comportaient pas de caractère de principe, car elle ne modifiaient pas la forme de la propriété, ni celle de la famille.

La documentation effective citée dans ces recherches est disposée selon les aspects mentionnés des communautés familiales.

Les conclusions, faites dans cette partie du travail, comme résultat des données ethnographiques sur les communautés familiales géorgiennes aboutissent à ce qui suit:

La communauté familiale géorgienne, observée au point de vue ethnographique d'après son caractère économique est présentée sous trois aspects essentiels: les communautés familiales ayant une économie plus spécialement agricole; les communautés familiales s'occupant de préférence de l'élevage du bétail et les communautés familiales ayant une économie mixte. Dans le domaine social ces aspects sont caractérisés par de différents systèmes de l'organisation du travail et des particularités spécifiques de l'administration. Toutes les fonctions essentielles dans l'économie de la communauté familiale, fondée sur l'agriculture (ayant en vue le labourage) étaient réparties surtout entre les hommes. La division du travail entre telle ou telle branche de l'économie se faisait entre les hommes de la génération aînée et cadette et chaque travailleur avait une désignation spéciale. Les femmes ne prenaient pas une part active aux travaux d'agriculture. Cela dut avoir une influence (ce qui se produit en effet) sur la forme de l'administration de la communauté familiale. L'homme était le dirigeant de toute la vie sociale et du processus de production d'une telle famille. La doyenne était la dirigeante du travail des femmes, limité en ce cas par les travaux de ménage, la préparation et la répartition de la nourriture entre les membres de la famille, le soin des vêtements et des provisions communes de la famille etc. En ces circonstances les droits de la femme à l'administration de la communauté familiale étaient en grande partie, restreints.

La communauté familiale géorgienne, fondée sur l'élevage du bétail — surtout des moutons, auquel le labourage et la laiterie (moyennant le gros bétail) étaient de soutien, se caractérise par répartition spécifique des fonctions entre les membres de la famille: une partie de la famille mène une vie sédentaire et l'autre s'occupe de l'élevage du bétail au pâturage. Grâce à une telle répartition de fonctions le rôle de la femme dans le ménage augmentait, surtout celui de la maîtresse principale de la maison. Pour cet aspect de la communauté familiale géorgienne la répartition des fonctions dans le processus de production entre l'homme et la femme — d'après les branches de l'économie est très caractéristique. La femme la plus âgée — diasaxlisi (დასახლისი), étant la dirigeante des travaux des femmes, gérait une certaine branche de l'économie, notamment la laiterie (moyennant le gros bé-

tail) tandis que l'homme gérait la branche principale de l'économie — l'élevage des moutons. Dans certains cas (comme par exemple chez les touchines) le labourage se basait aussi sur le travail des femmes et était géré par elles. Ainsi la „diasaxlisi“, d'une communauté familiale de ce type était non seulement la gardienne des provisions de la maison, mais aussi la gérante des travaux des femmes dans le ménage du domicile et avait, à part cela, une ou deux (chez les touchines) branches indépendantes de l'économie sous sa direction.

La communauté familiale géorgienne ayant une économie mixte se caractérisait par l'absence d'une différenciation de branches entre les hommes et les femmes. La participation des membres de la famille aux branches principales de l'économie était réglée par un ordre succesif annuel, établi entre les couples d'époux (chez les montagnards du Ratcha). La forme de l'agriculture qui y existait, unie à l'élevage du bétail, a crée la nécessité de fonder deux basses économiques complexes — d'agriculture et d'élevage du bétail. Les fonctions de la femme aînée, en ce cas là comprenaient la direction des travaux des femmes — en agriculture ainsi qu'en laiterie. Toutefois, là aussi, de même que dans tous les autres aspects des communautés familiales géorgiennes, la priorité de l'homme dans l'administration générale de la communauté familiale était marquée par la valeur prédominante de son rôle dans la vie économique et sociale.

III

Les documents ethnographiques examinés dans la première partie du travail illustrent avec une évidence suffisante les particularités de la communauté familiale dans l'aspect qu'elle avait en Géorgie dans la deuxième partie du XIX siècle et au commencement du XX siècle. Ces particularités se font voir avant tout dans le genre de la vie sociale, dans ses parties aussi importantes que le sont le corps de l'organisation sociale, sa base économique, l'organisation du travail et le système de l'administration, les rapports de propriété et de droit et les particularités de l'établissement. La deuxième des parties recherches est consacrée à une analyse historique et comparée de ces aspects de la communauté familiale et à la question des étapes de son développement.

I. La Composition de la communauté familiale géorgienne.

Les divergences dans les opinions qui existaient dans la littérature de la deuxième moitié du XIX siècle, à propos de la définition du caractère de la communauté familiale durant la dernière période, étaient fondées, d'un côté, sur la signification décisive du droit de parenté et d'héritage dans la famille et de l'autre côté sur la valeur du travail. Sous toutes les circonstances et la diversité au point de vue du nombre, qui existait, la communauté familiale à tous les degrés de son développement se composait de proches parents.

La communauté familiale consistait en un groupe de parents, caractérisé par la vie commune des frères-indivises par l'union constante des époux et aussi par l'union des parents et des enfants.

L'examen des anciens momments historiques géorgiennes a permis d'établir que déjà au V siècle les frères vivaient séparément et la forme de la famille individuelle leur était bien connue. Néanmoins, il existait en même temps et des nombres familles (I. A. Djavakhchwili).

Les désignations de la communauté familiale moyennant la terminologie composée, conservée dans l'usage ethnographique — comme: ertobis

saxli (textuellement — maison de l'union), saerto saxli (maison commune), didi ožaxi (grande famille), džalabi ožaxi et erebiani ožaxi (nombreuse famille) doivent être d'une origine postérieure. Au commencement il pouvait exister une seule définition — saxli (maison) qui, comme cela a été établi dans la littérature spéciale, exprimait primordialement non seulement la famille indivise, mais aussi le clan. (I. A. Djavakhchvili, S. N. Djanachia). Dans l'usage ethnographique de même que dans les documents historiques géorgiens on peut rencontrer la terminologie „gaugreli žmebi“ გაუგრელი ძმები (frères indivises) „ertsaxli žmebi“ ერთსახლი ძმები (frères de la même maison) qui sert à indiquer la communauté de la communauté familiale.

Ainsi, la terminologie désignant la communauté familiale était l'expression de l'indivisibilité des frères comme d'un groupe de gens vivant en commun. Avec cela les noms propres des communautés familiales séparées montraient toujours leur caractère patrimonial.

Comme structure, la grande famille géorgienne était une union des descendants de quelques frères indivises, autrement dit, formait un groupe de parents qui comprenait les parents les plus proches descendant directement ainsi que des branches collatérale avec tous leurs couples d'époux. Pour la plupart des cas ce groupe arrivait jusqu'à la troisième ou quatrième génération après quoi commençait déjà la segmentation de la famille en familles indivises filiales ou en familles individuelles. Ce procédé de la formation de nouvelles familles a reçu chez les kartliens le nom spécial de „naçilébi ožaxebi“ (qui vient du mot „çiçili“ — poulet). Le système de parenté géorgienne contient des termes spéciaux, créés dans les conditions de l'existence de la communauté familiale et démontrant les particularités caractéristiques de la composition de la communauté familiale. Ces noms embrassent une certaine catégorie de parenté, en particulier le groupe des frères (germains et collatéraux) et le groupe de leurs épouses. Une partie de ces termes de même que les désignations de la communauté familiale marquent les rapports de parenté d'un groupe de personnes moyennant la communauté de la maison ou du foyer domestique, l'autre partie montre leur participation au collectif producteur commun.

A la première partie des termes se rapportent: „saxleulni“ სახლეულნი et „koršar“ კორშარ (svane) — littéralement „ceux de la maison“; le „mequlpa“ მეყულპა svane (qverp — ყვერფ — en svane veut dire — le foyer domestique) désignant les membres de la famille moyennant la communauté du foyer domestique; „saxlis kaci“ სახლის კაცი — textuellement — homme de la maison ou membre de la maison et „ertsaxli žmebi“ — ერთსახლი ძმები — littéralement — frères d'une maison, — termes désignant les parents et les frères collatéraux, habitant une seule maison.

Les termes exprimant les rapports des épouses des frères entre elles font la deuxième partie. Ce sont: „mondavi“ მონდავი — touchine, „moçile“ მოწილე — pchave, „šili“ შილი letchkhoumo-adjaro-imériétien, „nusa-ya“-tchane et „meqerva“ მეყერვა — svane.

La terme „mondavi“ || „modgami“ მონდავი || მოდგამი chez les touchines, les pchaves et les khevsoures désignait ceux qui collaboraient dans les travaux d'agriculture.

Ce que les épouses des frères ont été mises à part, dans un groupe spéciale parents, et qu'un terme particulier de leur parenté, indiquant aussi leur communauté dans la production, ait été créée, devait arriver par suite d'une union, basée sur la parenté et l'économie, des frères indivises et de leurs épouses — à l'intérieur d'une maison commune.

L'indivisibilité d'une famille durant plusieurs générations, comme particularité caractéristique des moeurs d'une famille, se rencontrait encore jusqu'à la fin du XIX siècle chez la plupart des peuples du Caucase. Les descriptions des peuples habitant le Caucase contiennent, comme règle générale, des renseignements sur les familles nombreuses et la composition de leurs parents. (M. M. Kovalevski, N. N. Kharousine, F. I. Léontovitch, M. Séleznev, B. V. Miller, S. V. Kokiev, A. S. Khakhanachvili — des auteurs d'avant la révolution, S. Gadjiéva et d'autres — des auteurs modernes).

La supériorité économique de la communauté familiale dont un des facteurs était le grand nombre de ses membres, déterminait l'essence de la communauté familiale dans les conditions des rapports capitalistes qui se développaient. Les communautés familiales qui représentaient dans la deuxième partie du XIX siècle la minorité de la population aisée, tenaient en main toute la vie économique et sociale de village. Les représentants des communautés familiales, dont la force consistait en leur supériorité de nombre et de biens — tranchaient toutes les questions et étaient les seuls maîtres du destin de la communauté villageoise. Les traits caractéristiques de la dernière étape du développement de la communauté familiale géorgienne, établis d'après les documents géorgiens peuvent être reconnus comme typiques et pour les autres communautés familiales.

Les renseignements ethnographiques sur la composition des communautés familiales géorgiennes (fondées sur de différentes formes de l'économie — agriculture, élevage du bétail ou mixte) complétés par les données de la littérature sur la composition des communautés familiales des peuples voisins montrent que la famille indivise géorgienne était nombreuse. Avec ça, l'observation du principe de parenté est une des conditions caractéristiques faisant que la communauté familiale géorgienne se composait d'un grand nombre de membres. Ce principe était une survivance des moeurs patriarcales mais il avait reçu une valeur concrétisée de l'indivisibilité des frères.

Ainsi donc durant une période déterminée de temps, la composition de la communauté familiale était conditionnée par la parenté; le principe déterminant la composition de la communauté familiale, était les rapports de parenté des membres de la famille, créés par l'indivisibilité des frères.

2. La propriété de la communauté familiale.

La propriété de la communauté familiale se composait surtout de ses terres, sous tous ses différents aspects, du bétail à cornes (des bovins et du menu bétail) des habitations et des bâtiments d'exploitation.

Les habitations et les bâtiments d'exploitation faisaient la partie essentielle de la propriété de la communauté familiale à tous les degrés de son développement. L'habitation était de tout temps l'unité matérielle dont la désignation se confondait avec la notion de la communauté familiale elle-même. Le mot géorgien „sakhli“ exprimait en même temps la notion de la maison comme unité matérielle et celle d'un groupe social uni par l'origine et l'habitation communes. Le partage complet de l'habitation équivalait à la désagrégation de la communauté familiale.

Les habitations des communautés familiales géorgiennes, conservées dans la vie courante appartiennent à de différents groupes typologiques. Les particularités de la vie économique et sociale de la communauté familiale ont leur expression dans beaucoup de types. anciens des habitations géorgiennes parmi lesquelles „darbazi“ darbasi, historiquement devait être le plus proche, notamment à la communauté familiale.

Avant tout, pour une communauté familiale une pièce commune qui se distinguait par sa grandeur et un âtre placé à son milieu, autour duquel pouvait se rassembler toute la nombreuse famille, était caractéristique.

L'étape suivante du développement est présentée dans ces habitations par des placards séparés, et plus tard même par des chambres à part, pour les familles individuelles. Des placards en usage étaient destinées à déposer les objets qui ne faisaient pas partie de la propriété commune de la famille indivise, étant la propriété privée des familles individuelles.

Les communautés familiales, dont la forme principale de l'économie était l'élevage du bétail et qui habitaient surtout les régions montagneuses de la Géorgie avaient des maisons, capables de contenir tout l'ensemble des habitations et des bâtiments d'exploitation. Ces maisons, selon les conditions topographiques des régions montagneuses, se disposaient en terrasses et la répartition intérieure des pièces exprimait le caractère principal de l'économie de la communauté familiale. Tous les membres de la famille avec leur bétail et leur bien (les mokhèves, les touchines, les pchaves, les svanes, les montagnards du Ratcha etc.) étaient repartis dans la maison commune. Dans ces maisons communes on ne remarquait aucune division en familles individuelles ce qui indique que l'étape du développement de la communauté familiale était le moins avancé, en le comparant à celui des basses contrées de la Géorgie.

Dans la propriété de la communauté familiale la terre tenait une place à part. La façon de posséder la terre, qui était un des principaux moyens de la production, définissait l'essence de la communauté familiale aux différentes étapes de son développement. Les documents ethnographiques géorgiens mettent en évidence les différentes formes de la possession et de l'exploitation de la terre. La forme paysanne de la communauté familiale, conservée comme survivance dans la société féodale, ne possédant pas de terre — comme base de production — a gardé seulement une forme d'exploitation de la terre — en commun, en famille. Par cela même elle a été restreinte dans ses fonctions sociales et économiques qui la caractérisaient auparavant.

Les communautés familiales avec une économie d'agriculture, typiques pour les basses contrées de la Géorgie, étaient comme les parties d'une économie féodale. La terre était là une propriété féodale, ce qui déterminait en général la dépendance sociale et économique des communautés familiales paysannes des économies féodales. Pendant la période d'après la réforme, quand les plus riches communautés familiales paysannes pouvaient racheter des terrains et recevoir des lots, les communautés familiales qui avaient, à comparer aux petites familles, plus de ressources matérielles, devenaient des propriétaires fonciers.

Les communautés familiales de certaines régions montagneuses de la Géorgie, qui avaient le plus fermement gardé les formes de possession de la terre en commun, présentaient sous ce rapport une étape de développement moins avancée. D'après les documents ethnographiques des régions montagneuses de la Géorgie, on constate deux différentes manières de posséder et d'exploiter la terre. A la première se rapportent les terres et les champs labourés, appartenant à la communauté familiale. A la deuxième les terres labourables, dont la répartition entre les familles se refaisait périodiquement — en tirant au sort. Chaque communauté familiale recevait son lot de la terre commune du village pour un délai fixé de quelques années et devait le travailler et l'exploiter sans y avoir d'autres droits. Ce système de répartition sous-entendait une exploitation de la terre en commun par une communauté familiale, en lui laissant le droit de possession de cette terre.

En se basant sur de nombreuses preuves, fournies par des faits, on peut supposer, que les répartitions périodiques chez les géorgiens-montagnards devaient être une suite de la désagrégation de la propriété clanale. Ce système de répartitions périodiques peut être vu comme une forme modifiée de la possession clanale, qui a précédé celle de la communauté familiale. Avec la désagrégation du clan en grandes familles patriarcales, une partie des terres labourables était périodiquement repartagée entre les membres de la communauté et l'autre partie devenait la propriété de la communauté familiale.

Le bétail, comme propriété de la communauté familiale, était aussi un des moyens essentiels de production. Dans les conditions de l'agriculture patriarcale, la possession du bétail montrait la richesse de la communauté familiale. Dans les communautés familiales agricoles, la possibilité de travailler la terre était conditionnée par la quantité de gros bétail, employé comme traction.

Les proportions des travaux champêtres de la communauté familiale, surtout dans les régions de la Géorgie où la terre devait être labourée par une grande charrue, traînée par huit paires de boeufs, et où la terre appartenait à la classe dominante, dépendait du cheptel.

Le bétail, possédé en commun, faisait la partie principale de la propriété des communautés familiales, qui s'occupaient, de préférence, d'élevage des moutons. Les produits de cet élevage étaient consommés collectivement par ces communautés familiales.

Ainsi, la forme de possession de la propriété de la famille était un des principes essentiels de la famille même. Les formes de la possession et de la propriété des communautés familiales, qui les différaient des familles individuelles étaient caractéristiques pour tous les aspects des grandes familles. Dans tous les cas d'existence d'une communauté familiale, fondée sur de différentes branches de l'économie-agriculture ou élevage du bétail — on sous entendait toujours la présence d'une propriété de communauté familiale.

Pour chaque aspect de la communauté familiale, ce n'est pas la forme de la propriété ou de la possession qui était typique mais la diversité du caractère des biens des communautés familiales, dépendant de la forme de leur économie.

Ce qui définissait le degré de la conservation de la communauté familiale c'était les moyens de production, appartenant à la communauté familiale en commun, ce qui était un des traits caractéristiques de la communauté familiale. Les communautés familiales qui existaient dans les basses contrées de la Géorgie, fondées sur une économie agricole, sur des terres appartenant aux féodaux, représentaient une étape du développement de la communauté familiale plus avancée que les communautés familiales des régions montagneuses de la Géorgie, occupées d'élevage du bétail et ayant conservé la possession en commun du bétail et d'une partie de la terre.

3., L'organisation du travail dans la communauté familiale et son administration.

Les représentants de la théorie du principe de travail (A. Efimenko, I. G. Orchanski, P. Matvéév, M. V. Dovnar-Zapolski et d'autres), se basant sur la forme collective de l'économie de la communauté familiale, ont essayé de la rapprocher d'une réunion économique et sociale fondée sur le travail collectif. Cette théorie a été vivement critiquée par d'autres savants qui s'occupaient des établissements sociaux (S. V. Pakhman, M. M. Kovalev-

ski, I. M. Koulichère, B. F. Moukhine et d'autres) qui opposaient à ce point de vue la théorie du principe clanal.

Malgré la grande importance qu'on attribuait au travail dans la communauté familiale, on ne trouve pas de description détaillée de l'organisation du travail dans la littérature. Les auteurs se bornaient à formuler en général la répartition des travaux entre les hommes et les femmes, en soulignant surtout le rôle dirigeant du „domatchine“ (doyen d'âge) et de la „domotchitsa“ (doyenne d'âge). L'organisation des travaux d'après les traits spécifiques des communautés familiales, d'après les branches de leurs économies n'attirait point l'attention des savants.

L'organisation des formes collectives du travail dans la communauté familiale géorgienne s'effectuait par générations. Le système authentique de l'organisation du travail, établi pour tous les aspects des communautés familiales géorgiennes, est un vestige des relations patriarcales anciennes et présente un principe spécifique de la communauté familiale qui la différencie d'une union fondée sur une forme coopérée de travail. Mais, la répartition du travail dans les communautés familiales agricoles, d'un côté et celle qui s'occupaient d'élevage du bétail de l'autre, était différente; c'est en cela que se faisait voir une des particularités, non seulement de l'organisation intérieure de différents aspects d'une communauté familiale, mais les différents degrés du développement des communautés familiales dans les contrées basses ou montagneuses de la Géorgie. Dans les communautés familiales agricoles, les travaux des champs étaient fait principalement par les hommes. Pour ces aspects des communautés familiales la forme collective de l'organisation du travail était caractéristique surtout pour les travaux d'agriculture, où la plupart des membres de la famille étaient occupés.

Le système de l'organisation du travail dans les communautés familiales géorgiennes, qui s'occupaient de l'élevage du bétail présente un tableau tout différent de celui qui existait dans les communautés familiales agricoles. La répartition du travail dans une économie, s'occupait d'élevage du bétail, consistait à répartir les fonctions agricoles entre les hommes et les femmes, ce qui était exclu dans les communautés familiales agricoles, où le travail des femmes était réduit aux occupations de ménage.

L'élevage des moutons qui était la forme principale de l'économie des communautés familiales géorgiennes s'occupant d'élevage de bétail, se trouvait entièrement entre les mains des hommes. L'élevage des moutons obligeait les hommes à faire paître leur bétail sur les alpages, ce qui les séparait de leurs familles. C'est justement ce qui prédéterminait la nécessité d'employer activement les femmes aux travaux d'agriculture et, en premier lieu, à ceux qui comprenaient une vie sédentaire.

Ainsi, le système de la répartition du travail dans les communautés familiales géorgiennes, définit les particularités caractéristiques, dépendant des particularités des formes de leur économie. Toutefois le système général de la répartition du travail, dans tous les aspects des communautés familiales géorgiennes était fondé sur le principe patriarcal.

L'organisation du travail à l'intérieur de la communauté familiale était rattachée à l'âge de ses membres et sous-entendait une forme collective de travail, surtout dans la branche principale de l'économie. Ce n'est que plus tard, avec le développement des formes capitalistes de la production, que cette répartition a subi des changements et de nouveaux éléments ont été introduits dans l'organisation de la famille indivise. Ainsi, par exemple, dans les communautés familiales s'occupant d'élevage du bétail, des

spécialistes expérimentés ont été désignés pour faire l'emploi d'intermédiaires entre les vendeurs et les négociants professionnels, ayant créé une nouvelle fonction dans la répartition générale des travaux entre les membres des communautés familiales, fonction qui correspondait au nouveau degré du développement des relations sociales.

Ce que la profession apporta un nouvel élément dans l'organisation du travail de la communauté familiale se développa surtout dans les communautés familiales agricoles. Ainsi, par exemple, dans les communautés familiales basées sur la viticulture, une partie des vigneronns acquérait, avec le temps, de nouvelles fonctions qui en faisaient ensuite des gens, ayant une profession indépendante — de marchand de vin, ce qui favorisait le développement des rapports capitalistes dans la vie villageoise et accélérât la désagrégation de la famille indivise.

Dans le domaine de l'administration de la communauté familiale, les particularités typiques, rattachées à la forme de l'économie, se manifestent surtout en ce qui concerne la direction des femmes.

Toute la vie de la moitié féminine de la communauté familiale était soumise à la direction de la doyenne, tandis que le rôle de celle-ci dans l'administration générale de la famille était différent pour tel ou tel aspect des communautés familiales. La position que la femme occupait dans la famille dépendait du degré de sa participation à l'agriculture. C'est pourquoi, dans les communautés familiales des contrées montagneuses de la Géorgie qui s'occupaient de l'élevage du bétail ou avaient des économies mixtes, la femme jouissait de droits plus importants dans la vie courante. Dans les communautés familiales des basses contrées de la Géorgie, qui avaient comme base une forme développée d'agriculture, les droits de la doyenne, qui dirigeait le travail des femmes, limité par les soins du ménage (principalement la préparation et la distribution de la nourriture, des vêtements et la conservation des provisions communes de la famille) étaient considérablement restreints en ce qui concernait l'administration de la communauté familiale.

Dans les communautés familiales s'occupant de l'élevage du bétail, les femmes faisaient les travaux dans une ou deux branches de l'agriculture et la répartition des travaux entre les femmes, avec la mise à part de certaines fonctions était nettement déterminée. La „diaçakhlisi“ étant là la dirigeante des travaux des femmes, par cela même gérait une des branches de l'agriculture. C'est pourquoi sa valeur de dirigeante d'une certaine branche de l'agriculture devenait importante dans toute la vie économique de la famille.

Vu que pour une communauté familiale ayant une économie mixte l'absence d'une différenciation d'après les branches entre les hommes et les femmes était caractéristique, les fonctions de la doyenne comprenaient la direction des travaux des femmes dans l'agriculture, ainsi que dans la laiterie.

La désignation de parmi la génération aînée de la communauté familiale de deux dirigeants — un homme et une femme — dès le commencement devait être lié à la répartition des occupations des hommes et des femmes entre les différentes branches de l'économie. C'est pourquoi le système de l'administration de la communauté familiale géorgienne où l'homme et la femme géraient de différentes branches de l'économie doit être plus ancien et plus typique que celui où tous les aspects de l'agriculture sont soumis exclusivement à l'homme, tandis que le domaine de la femme est limité par les travaux de ménage. En ce qui concerne l'administration de la communauté familiale en général, elle revenait dans tous les cas au doyen qui était le chef de la famille.

Le dirigeant de la communauté familiale désigné de la génération aînée s'occupait ordinairement de la branche principale de l'agriculture. Le chef de la famille était non seulement un habile organisateur et administrateur de la communauté familiale, mais aussi le meilleur travailleur dans toutes les branches de l'économie commune. Dans les communautés familiales agricoles dont le bien être économique dépendait de la culture des champs et où l'importance d'un maître — laboureur était grande — le chef de la famille était lui même le laboureur en chef „gutnis deda“. Dans les communautés familiales, où la branche principale de l'économie était la viticulture, le chef de la famille était un des meilleurs maîtres-vignerons. Le dirigeant des communautés familiales dont l'économie était fondée sur l'élevage des moutons, était l'éleveur le plus expert.

La position du chef de la communauté familiale géorgienne différait de la position des autres membres de la famille non seulement dans la famille même, mais dans la communauté villageoise aussi et parfois même en dehors de ses limites. Au temps des plus anciennes formes de l'administration sociale, le chef de famille, étant son représentant officiel aux réunions de village, faisait partie de l'administration du village où il jouissait d'une estime générale. Sous le régime féodal, le chef de la famille était exempté de la corvée qui était répartie entre les autres membres de la famille. Dans les communautés familiales agricoles, le chef de la famille, comme laboureur en chef — „goutnis deda“ — était exempté du service militaire — „morige“ — règlementaire en Géorgie à la deuxième moitié du XVIII siècle. Dans ce cas, ainsi que dans les communautés familiales s'occupant d'élevage du bétail — le chef de famille devait être remplacé par un autre membre de la famille.

Des conditions spécifiques pour la naissance des droits illimités du chef de la communauté familiale ont été créées dans les communautés familiales géorgiennes, durant la période du développement des rapports capitalistes au village, quand des professions spéciales se formaient et certains membres de la famille, devenait quelque chose comme des représentants du capital commercial tâchaient de prendre en mains l'administration de la famille. Cependant cette circonstance, menant à la violation de la forme démocratique de l'administration, amena, avant tout la désagrégation définitive de la communauté familiale et ensuite la création du système despotique de l'administration.

La violation du principe de propriété commune témoigne que des modifications de qualité ont eu lieu à l'intérieur de la communauté familiale. Une telle forme de famille où son chef est le possesseur de ses biens et la propriété commune devient une propriété privée, avec les droits illimités de ce chef ne peut être reconnue comme une forme développée de la communauté familiale; tout au contraire, elle témoigne sa désagrégation complète.

La littérature ethnographique concernant les autres peuples du Caucase présente un tableau quelque peu différent. C'est pourquoi, pour expliquer le caractère du pouvoir et de l'autorité du chef de famille dans tous les cas séparés, il faut tenir compte des conditions historiques et concrets, dans lesquelles s'évoluait la désagrégation de la communauté familiale de tel ou tel peuple.

4. Les rapports de propriété et de droit entre les membres de la communauté familiale.

La consanguinité des membres de la communauté familiale, leur appartenance réelle à la famille et la part directe qu'ils prenaient à la vie de travail étaient les facteurs qui ont déterminé les rapports de propriété et de

droit entre les membres de la famille. Attribuer une valeur décisive à un seul de ces facteurs, comme le faisaient les auteurs du XIX siècle, devait inévitablement aboutir à une interprétation de l'essence de la communauté familiale qui aurait été étroite et injuste. C'est ce qui était caractéristique pour les partisans de cette théorie.

Ni le principe de travail, ni la consanguinité, pris isolément ne démontraient les traits propres aux rapports de propriété et de droit à l'intérieur de la communauté familiale. L'appartenance effective des parents à la maison commune déterminait les droits de propriété des membres de la famille indivise géorgienne. Avec ça le principe patriarcal des rapports de parenté restait inviolable. Il se manifestait dans le droit d'héritage de la propriété des descendants — hommes ainsi que dans la mise des femmes hors des rapports communs de propriété et de droit. Un étranger, un membre de la famille qui n'y était pas rattaché par des liens de parenté, pouvait avoir sa part de la propriété commune seulement s'il était devenu membre de la communauté familiale par adoption ou par un autre moyen artificiel de parenté — „šeqriloḃa“.

Les parties intégrantes de la propriété commune étaient les parts des frères (sazmo-saçilo). Mais ce „sazmo-saçilo“ ne présentait que la part idéole de la propriété collective de famille. Les frères, possédant tous les biens, effectuaient leurs droits à une part, séparés seulement au partage de la grande famille. Donc, ce n'est qu'en étudiant le système du partage de la propriété, qu'on peut faire voir les rapports de propriété et de droit des membres de la communauté familiale.

Au partage des biens communs de la communauté familiale on différait le bien héréditaire (mama-papeuli), qui était partagé seulement entre les frères et le bien acquis, (oplit mopovebuli) dont le partage se faisait entre tous les membres de la communauté familiale, capables de travailler.

La distinction des terres acquises — oplit mopovebuli — des héréditaires — mama-papeuli — est une particularité caractéristique du développement suivant de la communauté familiale, particularité différente de la forme typique de la propriété patriarcale de communauté familiale; ce système devait avoir pris naissance dans les conditions de la société de classes et de la propriété privée. Le partage de la communauté familiale sous-entendait la séparation de nouvelles familles — indépendantes, grandes et petites, dans chacune desquelles se formait une propriété indépendante. Les liaisons de propriété entre ces familles, tout à fait indépendantes, s'effectuaient seulement par l'usage en commun des moyens de productions qui n'avaient pas été partagés au temps du partage de la famille.

Tous ces rapports, certains moyens de production de haut prix (le moulin, la distillerie, l'huilerie), dont l'exploitation de tous les jours n'exigeait pas de dépenses constantes, et les frais qui y étaient investés ne se justifiaient qu'à la suite d'une utilisation de longue durée, — attirent une attention particulière.

A mesure que la communauté familiale se parcellait, ces moyens de production devenaient des objets appartenant à un cercle de parents de plus en plus grand et par cela même étaient non seulement des témoignages de l'ancienne unité de ses membres, mais aussi un facteur ayant conservé quelques vestiges de cette unité.

Les rapports de propriété et de droit des membres de la communauté familiale géorgienne, fondés sur la propriété commune de la communauté familiale n'éliminaient pas les éléments de la propriété personnelle.

La propriété personnelle dans la communauté familiale était princi-

palement l'appartenance des femmes, qui usaient dans la vie quotidien des biens de la communauté familiale étaient exclues de ceux qui pouvaient recevoir leur part (moçile).

L'essentiel de l'héritage, dit „satavno“, était fait de bétail, puis d'argent et plus rarement de lots de terre. Excepté la partie du „satavno“ qui lui était donnée de la maison paternelle, les cadeaux qu'elle avait reçus dès son enfance et à la noce, la jeune fille pouvait accroître son „satavno“ par son travail personnel. Les femmes lettrées augmentaient leur „satavno“ par l'argent qu'elles recevaient pour l'enseignement — dit „saostato“ (Kartli). La propriété personnelle de la femme faisait l'héritage, en premier lieu de sa fille; faisait le nouveau „satavno“ de la jeune fille, deuxièmement celui de son fils, pour qui elle ne faisait pas de propriété personnelle, mais entrait dans le „sasaxlo“ — propriété commune de la communauté familiale.

Le procédé de la transition de la propriété maternelle — „satavno“ en propriété et commune de la communauté familiale, mis en évidence par les documents ethnographiques géorgiens est confirmé de même par les documents historiques géorgiens, qui témoignent la transition de la propriété héréditaire maternelle „deduli“ en propriété patriarcale „mamuli“. Pour les générations suivantes — „deduli“ devenait déjà une partie intégrante de la propriété paternelle „mamuli“. Un usage pareil existait en Géorgie encore aux VIII—IX siècles et aux temps qui s'ensuivirent (I. A. Djavakhchvili). Pour faire la distinction de „deduli“ et de „satavno“, une forme plus avancée de la dot — „mzitevi“ est établie dans les documents historiques géorgiens; cette forme correspond en entier au développement de la propriété privée et de la famille individuelle.

Comme le témoignent les descriptions littéraires du droit coutumier de famille des autres peuples anciens du Caucase, ceux-ci avaient de même deux formes de dot: la première — en forme de propriété personnelle de la femme — correspondant à la communauté familiale, tandis que la deuxième dut paraître avec la forme individuelle de la famille, conditionnant déjà un avenir assuré à la famille nouvellement créée.

Le droit de la famille à la dot et son caractère héréditaire, avec la transition de la mère aux enfants est représenté dans les lois assiro-babyloniennes, ce qui confirme l'ancienneté de ces usages.

„Şeriqtu“, présenté dans les lois de Khammourabi est une forme proche au „satavno“ géorgien et d'après son contenu et par la catégorie des rapports de propriété et de droit. Cela témoigne l'ancienneté de la forme de dot, qui, en géorgien est par le terme „satavno“.

Cette forme de dot dont l'ancienneté est établie d'après les lois assiro-babyloniennes a trouvé son expression postérieure dans le droit civil géorgien.

5. Les particularités de la réparation qui s'ensuivirent du parcellement de la communauté familiale.

Les particularités de la séparation par quartier étaient rattachées aux partages des familles. Tous les „ganaqrebi“ (les frères séparés) s'installaient habituellement sur les terres de la communauté familiale, où pour les familles nouvellement créées on construisait de nouvelles habitations et où un nouveau quartier de village se formait. Les quartiers séparés, dits „ubani“ ou „kari“ habités par les „ganaqrebi“ étaient non seulement des unions territoriales, mais aussi personnelles.

L'analyse du matériel effectif qui rapproche génétiquement les no-

tions de la communauté familiale et du quartier, ainsi que du village et de la désignation — „kari“ (porte) les unifiant tous, présente un grand intérêt pour déterminer la place de la communauté familiale dans la formation et le développement du village lui-même.

L'unité territoriale, le nom patronymique commun déterminant le caractère du groupe de parenté des „ganaqrebi“ (frères séparés) étaient les traits caractéristiques de la dite union de parenté à toutes les étapes de son développement. La communauté économique des „ganaqrebi“ basée sur la partie indivisible de la propriété de la communauté familiale était différente pour chaque partie de la Géorgie, selon l'importance du véritable groupe de parenté et exprimait les différentes étapes de son développement.

Le processus même de la formation des quartiers devait auparavant être présenté sous forme de parcellement de la communauté familiale en grandes familles filiales.

Ce n'est qu'aux degrés postérieurs du développement, comme suite de la désagrégation de la communauté familiale qu'ont été formées les petites familles, qui représentaient sur le même rang que les communautés familiales les parties intégrantes du quartier.

La densité des demeures des habitants de la partie montagneuse de la Géorgie plus grande que celle des basses contrées avait son expression sur les particularités de la planification des quartiers. Les demeures des „ganaqrebi“ très serrées étaient souvent couvertes d'un seul toit et avaient des fortifications communes. La planification des quartiers tenait souvent compte de la défense.

Les faits exposés permettent de supposer que la désignation elle-même du „kari“ (porte) géorgien, conservée dans la toponymie des villages, exprime la particularité de l'installation des habitations, créée par le parcellement de la communauté familiale, où les demeures avaient une cour et une entrée communes, munies de fortifications.

On rencontre une formation des mots analogue, exprimant le procédé de la formation des localités pareilles au „kari“ géorgien, chez les peuples de l'Orient.

Le groupe de parenté, formé par la segmentation de la communauté familiale, réuni sur un territoire commun, portant le même nom du clan et ayant plusieurs aspects de propriété collective a reçu le nom de patronymie.

Comme un des termes caractéristiques, montrant l'essence de la composition du quartier — „ubani“ ou „kari“ formé par le parcellement de la communauté familiale, peut être reconnue la désignation „ganaqarni“ ou „ganaqrebi“ — „frères séparés“ montrant le procédé de la formation de ce groupe de parenté. Le terme „ganaqarni“ s'oppose par cela même aux termes „gauqreli zmebi“ (frères indivise) et „ertsaxli zmebi“ (frères de la même maison) qui expriment l'idée de la communauté familiale.

D'après les renseignements ethnographiques géorgiens et les documents historiques (XVIII s.) — a été établi, pour désigner la patronymie, le terme „puze“ — exprimant „la base de la maison“ — en ce cas la base de cette maison commune, dont les membres de la patronymie étaient originaires.

Des gens de la même catégorie de parenté pouvaient être membres d'une communauté familiale et d'une patronymie, donc ni l'origine générale ni la catégorie de parenté ne pouvaient déterminer le caractère des groupes de parenté nommés plus haut. En même temps les désignations géorgiennes citées plus haut indiquent que l'origine de ces groupes de parenté fut le par-

cellement des communautés familiales, ce qui est leur trait spécifique. Le placement des habitations dépendait des rapports sociaux ayant gardé certains vestiges du train de vie ancien à l'intérieur des „ganakrëbi“.

Même au degré le plus avancé de son existence, la communauté familiale géorgienne était ce noyau principal auquel était rattachés la formation et le développement des quartiers du village, composés de parents. Ces quartiers-là, formés par suite de la segmentation de la communauté familiale étaient, d'après leurs effectif personnel, une des formes d'union de parenté. La communauté économique de la patronymie, fondée sur la partie indivise de la propriété de la communauté familiale était différente dans les basses contrées et les régions montagneuses de la Géorgie et exprimait les différentes étapes de son développement. Cependant, la formation de la patronymie en général, qui conservait la communauté d'une partie insignifiante de la propriété, dépendait entièrement de la croissance et du parcellement postérieur des communautés familiales.

Conclusions principales.

La documentation ethnographique géorgienne, qui donne la possibilité d'établir les différents aspects de la communauté familiale, se rapportant à son profil économique permet en même temps de marquer les étapes principales de son développement, de faire voir les modifications de ses fonctions et de déterminer les conditions concrètes qui ont favorisé sa conservation à de différents degrés du développement de la société. La communauté familiale, comme catégorie historique déterminée s'est formée dans le cadre de la formation primitive et communale. Au degré de la société patriarcalo-clanale a été créée une telle forme de communauté économique et sociale qui se basait sur les rapports de parenté des descendants du père. Il n'y a que les rapports patriarcaux et de parenté qui pouvaient créer une forme si stable de la famille qui, étant donné l'indivisibilité des frères, présentait une union constante du mari et de la femme, des parents et des enfants. Il serait difficile de supposer l'existence de la communauté familiale, comme d'une stable communauté économique et de parenté, présentant une union constante du mari et de la femme, des parents et des enfants — sous le matriarcat, car ce degré de développement de la société clanale est caractérisé par l'inconstance de l'union conjugale. Il est de même difficile de supposer la naissance de la communauté familiale dans les conditions de la société de classes, où les liens de parenté ne pouvaient déjà plus avoir d'importance décisive. Sous ce régime économique et social la communauté économique et de parenté créée antérieurement ne pouvait que subir des modifications et suivre son développement conformément aux nouvelles conditions.

Ce n'est qu'à un degré plus postérieur du développement du régime patriarcalo-clanal que la communauté familiale devait acquérir une importance déterminative dans la vie productrice de la société; cela arrivait grâce à la restriction du cercle des membres des collectifs producteurs et à la transition graduelle de la propriété de communauté clanale en propriété de communauté familiale. C'est par le même principe de succession que doit être expliquée la modification du terme „çakhli“ exprimée dans la langue géorgienne, et qui consiste en la transition de la désignation de la communauté clanale en grande famille patriarcale.

Ayant passé les régimes esclavagiste et féodal et ayant subi des modifications correspondantes, la communauté familiale existait en forme de vestige, au premier stade du développement des rapports capitalistes. Une des conditions générales qui ont déterminé une existence si prolongée de la

communauté familiale, est sa capacité d'exercer certaines fonctions économiques et sociales conformément au nouveau milieu historique et concret.

L'absence d'une documentation ethnographique, qui aurait suffi à donner une caractéristique plus ou moins pleine de la communauté familiale dans les conditions de la société esclavagiste, a obligé l'auteur de se borner à l'analyse rien que des données, existant comme survivances à l'aide desquelles ont été restitués les éléments séparés, caractérisant la communauté familiale aux premiers degrés de son développement. En ce qui concerne les étapes suivantes de son existence — en Géorgie féodale et ensuite bourgeoise, il existe des documents plus solides, ethnographiques et historiques.

Le régime social des basses contrées de la Géorgie, caractérisé par le féodalisme développé, où se conservaient les survivances de la famille indivise, différait du régime social des géorgiens-montagnards, dont la communauté familiale existait dans des conditions d'une intégrité beaucoup plus large et plus stable, des vestiges du genre de vie patriarcale.

Dans le système de l'administration démocratique de la Géorgie montagnaise les questions économiques et sociales étaient tranchées par des réunions générales, dirigées par le conseil des doyens. La communauté familiale dont la direction intérieure se faisait moyennant le conseil de famille était une cellule primaire dans le système de l'administration générale. L'administration démocratique des réunions générales s'exécutait moyennant la participation des représentants des communautés familiales. Les droits et les obligations des membres séparés de la société portaient encore un caractère collectif. La communauté familiale portait une responsabilité collective devant la communauté villageoise pour tous les crimes commis par ses membres.

Les représentants des familles indivises en la personne des chefs de familles faisaient serment de fidélité de tous leurs membres devant la communauté villageoise.

Dans les conditions de la Géorgie féodale, les rapports entre la communauté familiale et le système général de l'administration ont reçu un caractère différent; la communauté familiale a perdu sa place dans la structure de l'administration. Cependant, ayant perdu cette fonction sociale elle a gardé, en certaine mesure, sa valeur économique; car la nombreuse famille paysanne correspondait entièrement à la forme d'agriculture qui existait et qui exigeait un grand nombre de mains d'oeuvre pour travailler la terre, cultiver les vergers et les vignes, engraisser les champs, régler l'arrosage etc. Les féodaux eux-mêmes avaient intérêt à conserver les communautés familiales comme base essentielle de l'agriculture.

L'organisation du travail qui existait dans les communautés familiales et la présence de tous les instruments aratoires nécessaires avaient une importance décisive pour mener à bien l'économie. L'agriculture de certaines régions de la Géorgie était basée sur des moyens de production qui exigeaient une grande quantité de bétail et une organisation collective du travail. Par sa structure, par son système de répartition du travail et par ses possibilités d'augmentation du bétail de somme, la communauté familiale satisfaisait ces exigences.

Les restrictions des partages de familles créées artificiellement dans la société de classe, favorisaient de même la conservation de la communauté familiale. Etant donné l'intérêt des représentants de la classe dominante à l'agrandissement des cellules de familles paysannes attachées aux terres des féodaux, des obstacles d'ordre économique étaient créés ce qui jouait son

rôle dans le ralentissement du procédé de la désagrégation des communautés familiales.

La communauté familiale, au dernier degré de son développement, acquit de nouvelles particularités qualitativement différentes qui lui assuraient une viabilité même dans les nouvelles conditions sociales et économiques. En même temps, le grand nombre des membres de famille comme un des facteurs de son bien-être économique, avec la structure de parenté conservée, basée sur l'indivisibilité des frères et la forme collective de la propriété, étaient toujours des particularités caractéristiques de la communauté familiale, même aux degrés postérieurs de son développement.

Avec la désagrégation du régime féodal, durant la période des rapports agraires, après la réforme, la communauté familiale qui disposait des moyens de production, acquérait une nouvelle importance; les grandes familles se distinguaient d'une manière plus tranchante par leur supériorité économique sur les petites familles. Et en ce cas aussi la grande charrue avec un attelage de huit paires de boeufs était l'élément fondamental qui assurait la supériorité de la grande famille dans une partie des basses contrées de la Géorgie.

En commençant par le temps où la communauté familiale a cessé d'être une cellule de formation primitive et commune et se développait, dans les conditions de la société de classe, elle acquit un caractère dualiste en reflétant toutes les contradictions essentielles qui caractérisent la société de classe aux différents degrés de son développement.

Pour la caractéristique des conditions qui étaient propres à la communauté familiale dans les conditions de la société féodale et qui déterminaient son caractère dualiste, dans ce travail sont cités des faits montrant l'importance grandissante de la propriété privée — base de la société de classe — dans la vie de la communauté familiale.

Une attention particulière est méritée par l'accroissement successif de l'importance, dans la famille, du bien acquis et son opposition à la propriété de famille indivise, qui se manifeste surtout au stade de la désagrégation de la famille indivise.

Selon le droit coutumier et la législation, au partage de la propriété de communauté familiale (*mama-papeuli*) les frères avaient droit à des parts égales; quant au bien acquis (*oplit mopovebuli*) et le droit coutumier et la législation ils assuraient le droit à une certaine part de cette propriété aux hommes de la communauté familiale qui avaient participé, par leur travail personnel, à la création de cet aspect de propriété. Ces droits étaient déterminés par la mesure de participation de chacune des personnes mentionnées au travail de la communauté familiale.

Cette circonstance créait une différenciation de propriété, entre les frères au partage de la propriété communauté familiale, ce qui devait être un stimulant important pour le partage des communautés familiales. Cela constituait une des contradictions qui caractérisaient la communauté familiale de la société féodale.

A mesure que la Géorgie était entraînée dans le processus général du développement capitaliste, la communauté familiale géorgienne est entrée dans une nouvelle phase de son existence, exprimant la dernière étape de sa désagrégation.

Le coup de grâce a été porté à la communauté familiale par la propriété privée qui a été créée principalement par les gains d'appoint et le commerce qui se développaient dans la société capitaliste. La propriété privée

s'est posée en contradiction irréconciliable à la forme de la production et de la consommation de communauté familiale.

La supériorité économique de la communauté familiale sur les petites familles, qui approfondissait la différenciation de la paysannerie et accélérerait par cela même le développement des rapports capitalistes au village, favorisait en même temps la conservation de la communauté familiale même sous ces nouveaux rapports de production. Cependant, la participation des membres séparés de la communauté familiale à la production capitaliste qui se développait, favorisait la création de la propriété privée, opposée à la forme collective de propriété et de consommation, définissant l'essence de la communauté familiale.

Sous ce point de vue le caractère dualiste de la communauté familiale reçoit une expression tranchante et exprime les contradictions qui, à la fin des fins, sapent ses fondements et amènent à sa désagrégation totale.

Cette circonstance définit les conditions générales qui ont servi de base à la désagrégation de la communauté familiale géorgienne; toutefois les formes concrètes du processus de la désagrégation ont été différentes.

Dans chaque cas séparé ces différences étaient déterminées par les particularités, antérieurement formées, du genre de vie social et économique de la communauté familiale, mais surtout par la forme de son engagement dans la production capitaliste; le caractère de production, des gains d'appoint et du commerce moyennant lesquels la communauté familiale se joignait au monde capitaliste avaient, dans de différents cas, des traits caractéristiques différents, dont l'analyse partielle est donnée dans ce travail.

Ainsi, la communauté familiale s'étant formée à un degré avancé de la société clanale comme forme de structure sociale qui lui correspondait le plus, a fait un chemin de développement, long et compliqué. N'ayant pas cessé d'exister avec le milieu social et économique auquel elle devait sa naissance, elle a longtemps existé dans les conditions de la société de classe. Cette circonstance détermine le caractère dualiste de la communauté familiale qui reflète toutes les contradictions de la société de classe dans l'ambiance de laquelle elle continuait à exister. Cependant grâce aux facultés de cette forme de survivance d'exercer, en certaine mesure, des fonctions déterminées, créées par les nouvelles conditions sociales et économiques, les contradictions mentionnées étaient encore tolérables. Ce n'est qu'avec la naissance des rapports capitalistes et l'intrusion des formes capitalistes de production dans la communauté familiale, que la propriété privée, engendrée par ces formes s'est posée en contradiction irréconciliable à la production et à la consommation collective de la communauté familiale, ce qui amena cette dernière à sa disparition totale.

Т А Б Л И Ц Ы

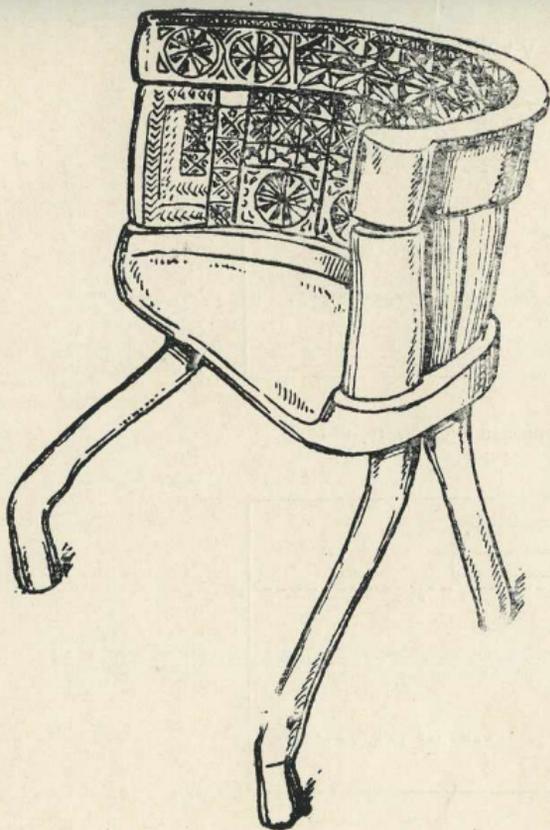

Таблица № 1

Рис. а—Стул главы семьи (Картлийцы. Коллекция Музея Грузии, фонд № 38-40), к стр. 52, 1 ч.

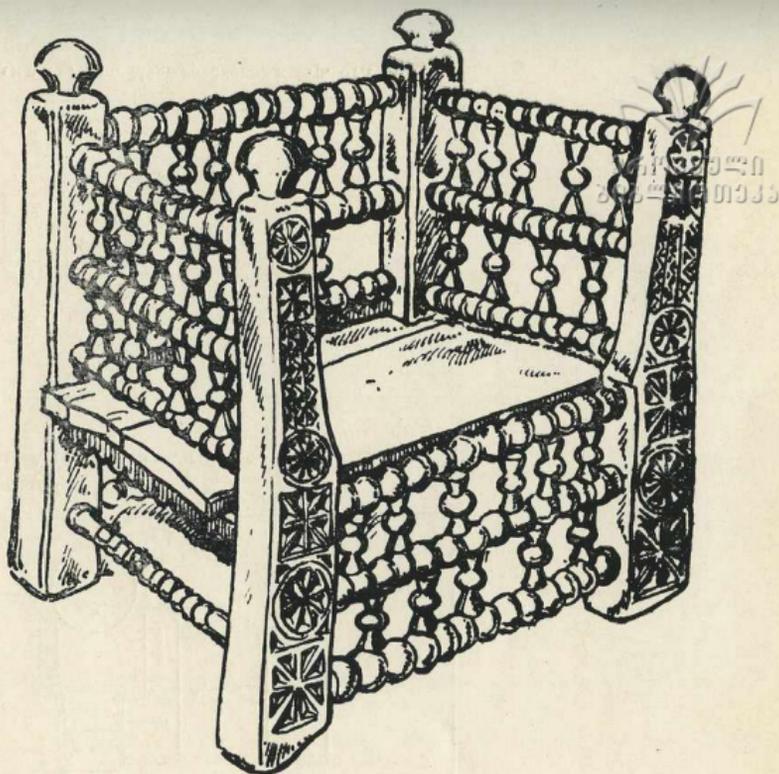

Рис. б—Стул главы семьи (Сваны. Коллекция Музея Грузии, фонд № $\frac{50-10}{46}$), к стр. 181, 1 ч.

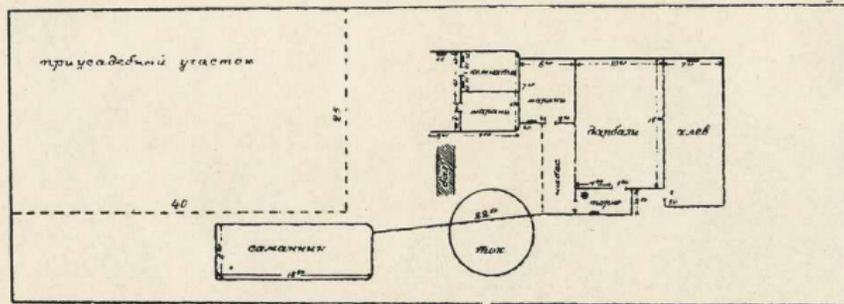

Таблица № 2

Рис. а—План дома семейной общины Ахалгебриани, сел. Меджврисхеви, к стр. 52, 57, 1 ч.

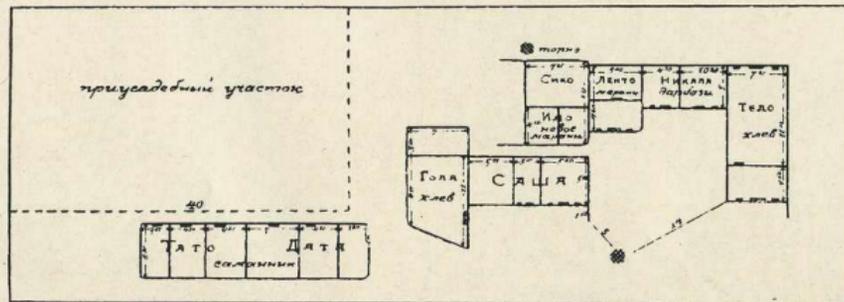

Рис. б—План квартала Ахалгебриани, сел. Меджврисхеви, к стр. 57,1 ч.

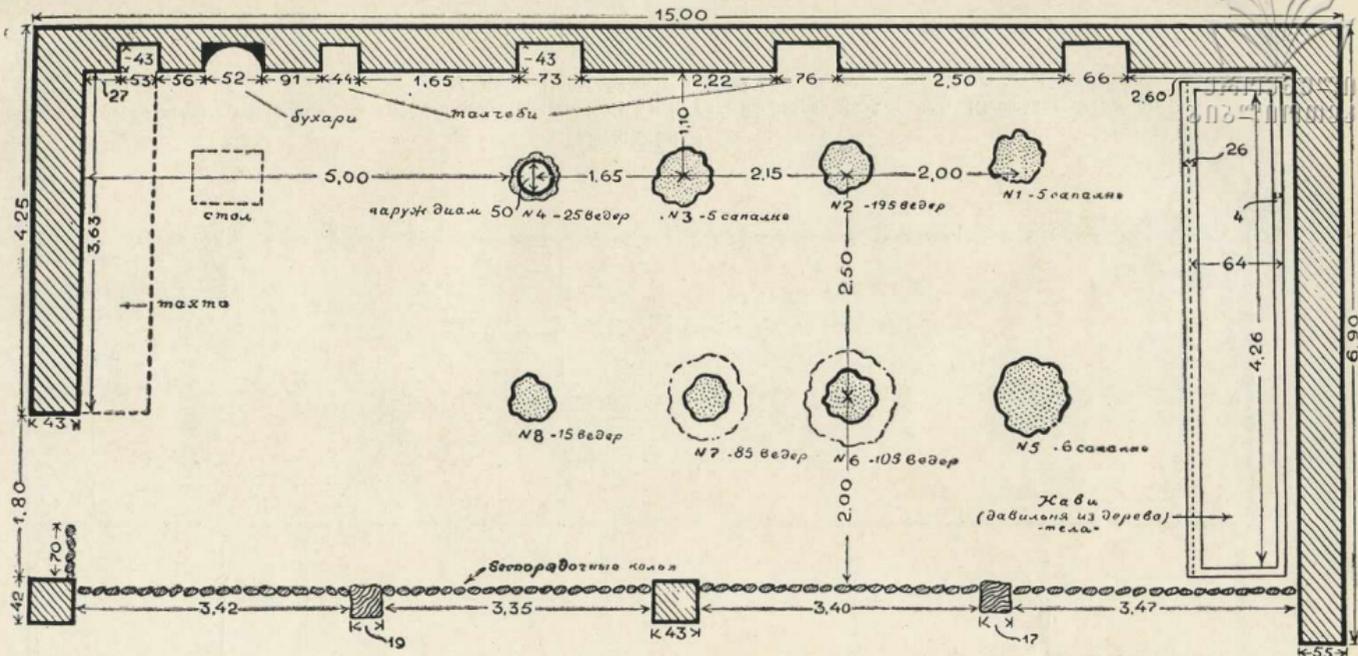

Таблица № 3

Хозяйственные постройки семейной общины Диди Илаани, рис. а — схематический план марани, сел. Карданахи
 местность Царапеби, к стр. 59, 1 ч.

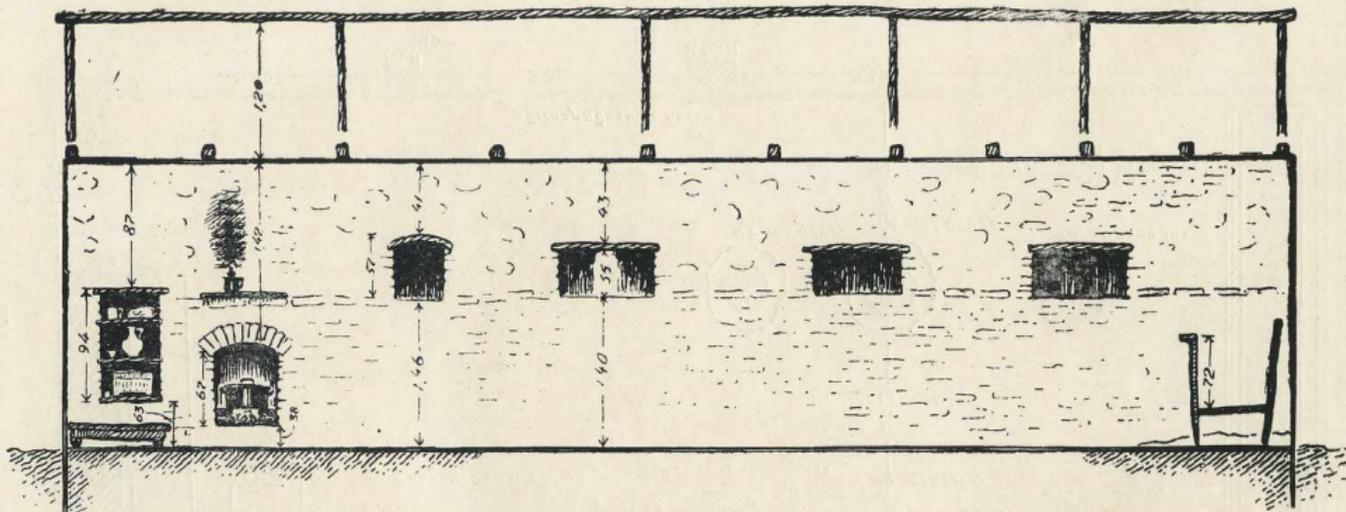

Таблица № 8

Хозяйственные постройки семейной общины Диди Илани, рис. 6—разрез марани, сел. Карданахи, местность Царапеби, к стр. 59, 1 ч.

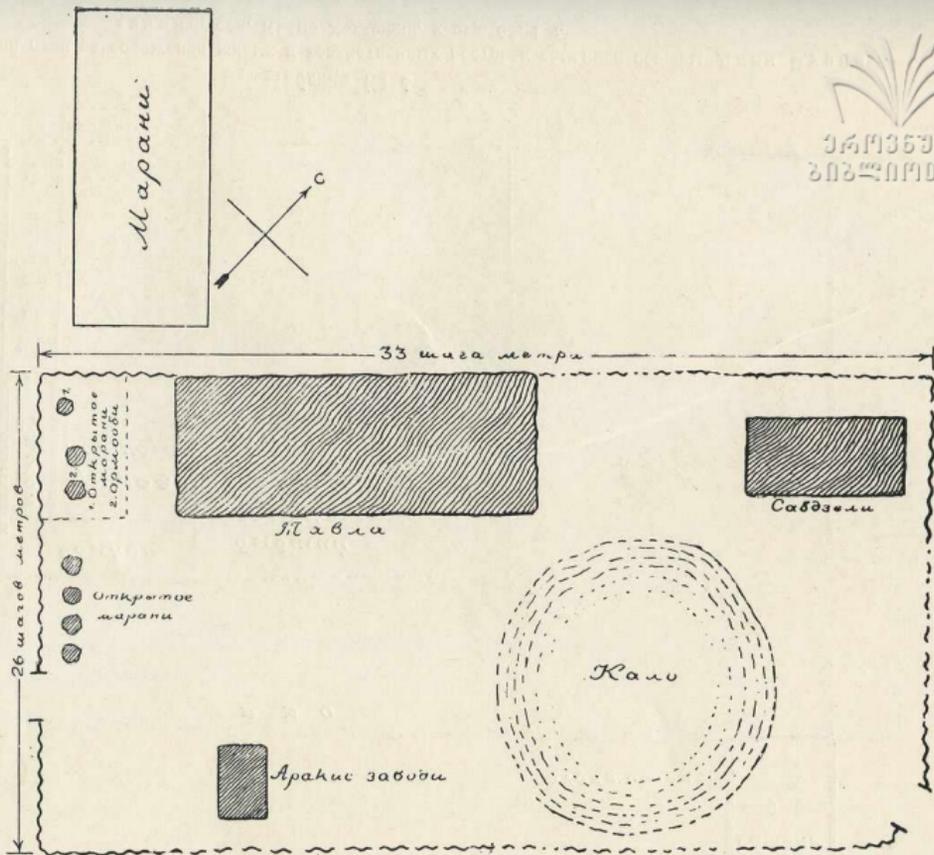
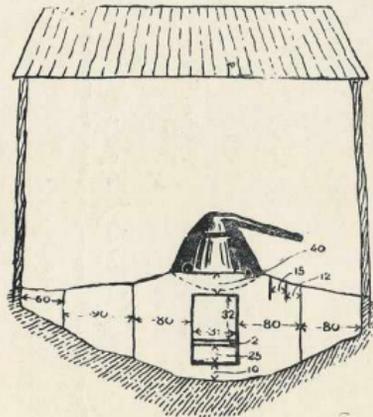

Таблица № 3

Хозяйственные постройки семейной общины Диди Илаани, рис. в—ток с саманником, хлебом, винокурней и ямами для хранения зерна, сел. Карданахи, местность Царапеби, к стр. 59, 1 ч.

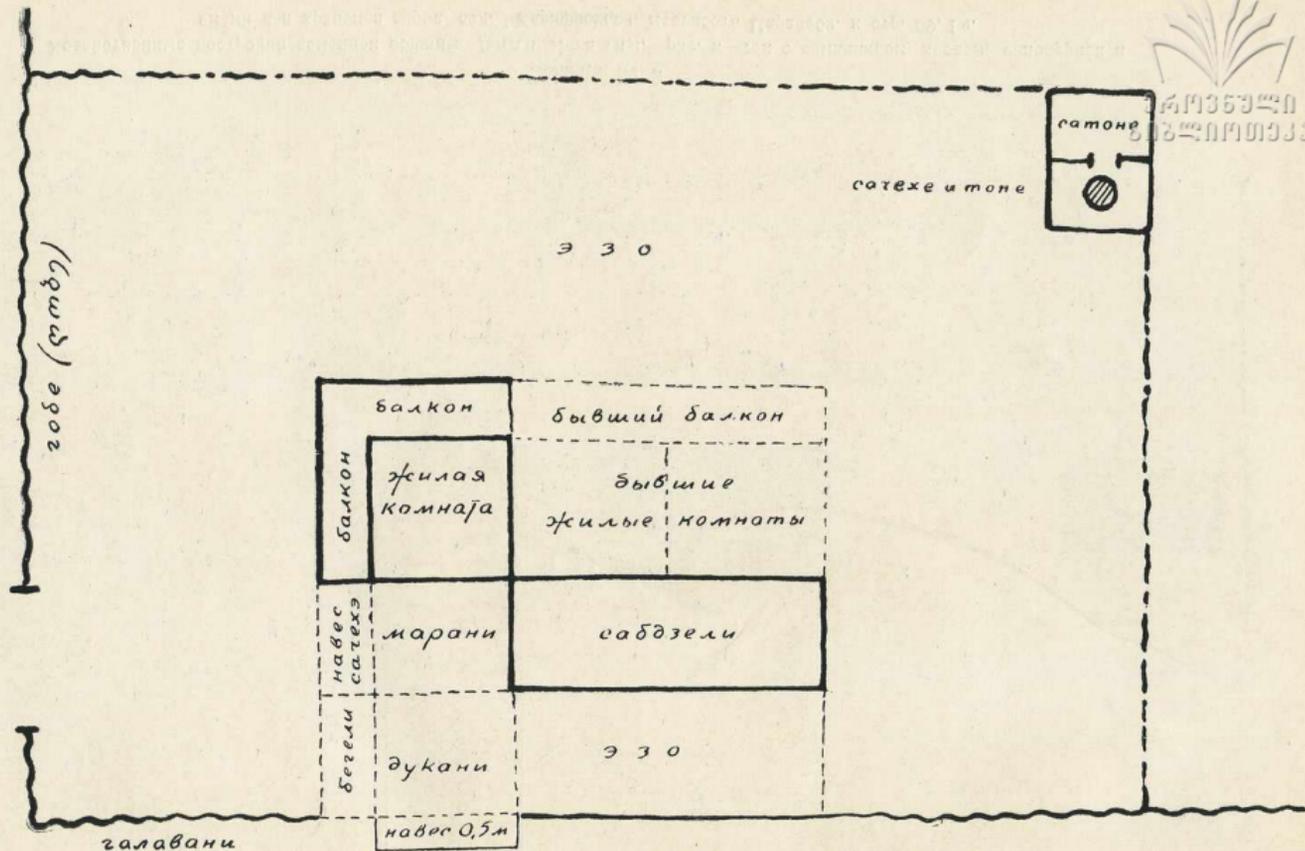

Таблица № 4

Рис. 6.—Схематический план расположения жилых и хозяйственных построек семейной общины Диди Бурнадзиани, сел. Квемо Ходашени, к стр. 63, 1 ч.

Таблица № 4

Рис. а.—Общий вид дома семейной общины Диди Бурнадзани, сел. Квемо Ходашени, к стр. 63, 1 ч.

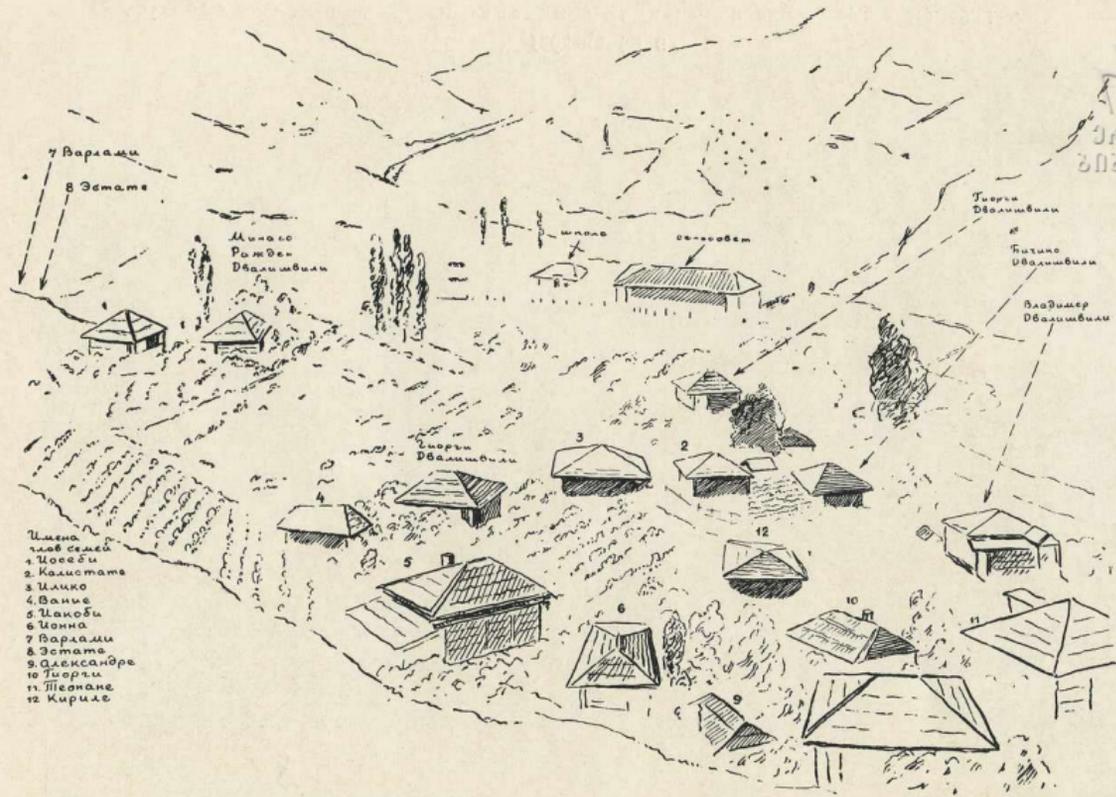

Таблица № 5

Общий вид квартала Хригине, сел. Сулори, к стр. 68, I ч.

აქვენი
წიგნი

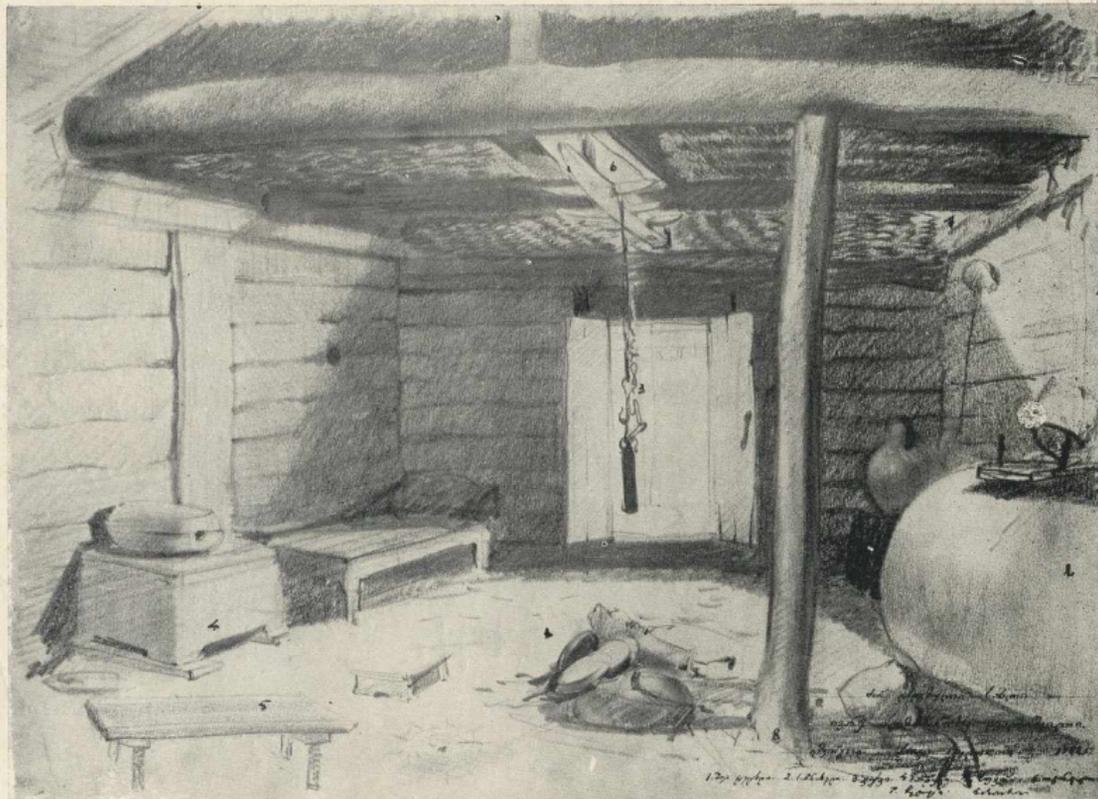

Таблица № 6

Интерьер дома семейной общины Иасеани—Двалишвили, сел. Сулори, к стр. 69, 1 ч.

Таблица № 7

Интерьер нижнего этажа дома семейной общины Иасани—Двалишвили, сел. Сулори, к стр. 69, 1 ч.

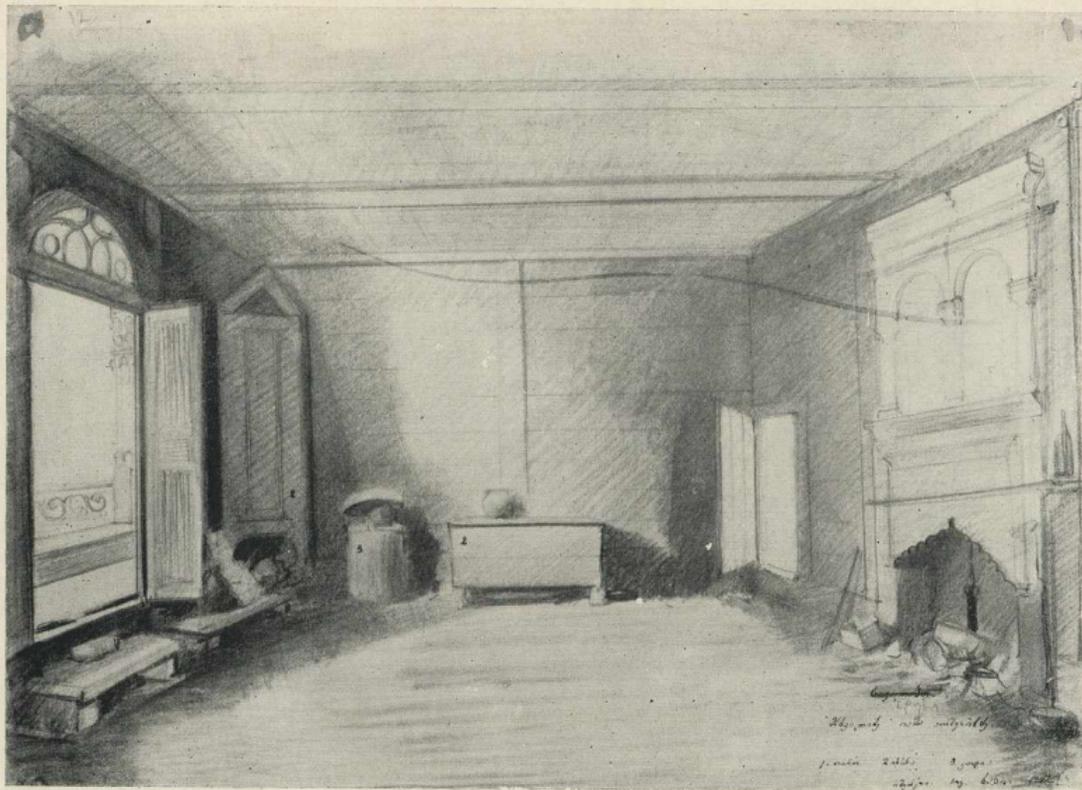

Таблица № 8

Интерьер дома семейной общины Шакарвани, сел. Хани, к стр. 74, 1 ч.

Верхняя Рача
 селение Сева
 образование квартала
 из семейной общины
 Диди Бакурдзеев

Имена глав семей:
 1. Даманти 5. Искра
 2. Георгий 6. Ваграта
 3. Мадания 7. Симона
 4. Иасона 8. Теренти

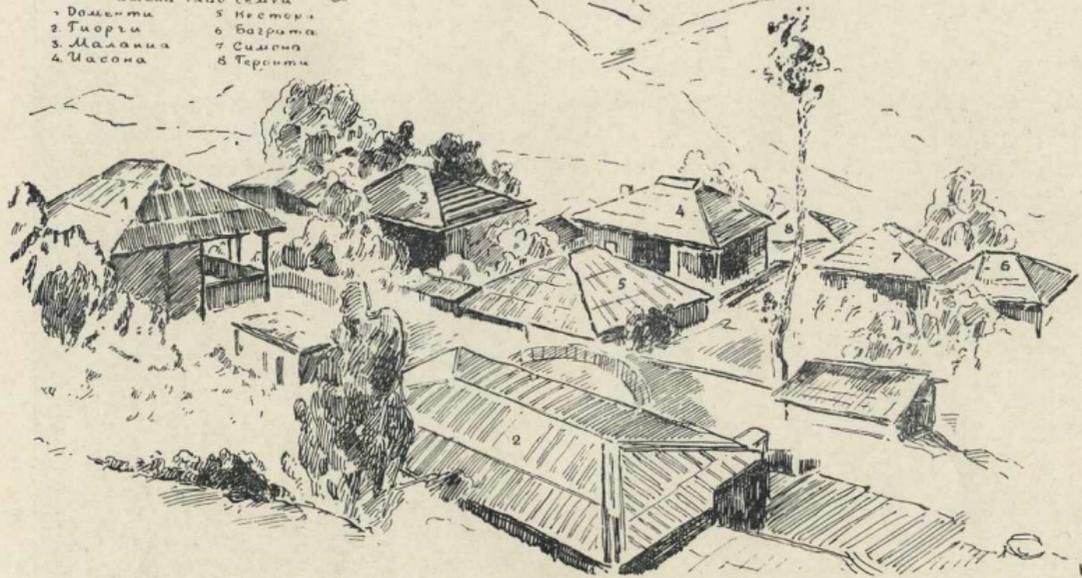

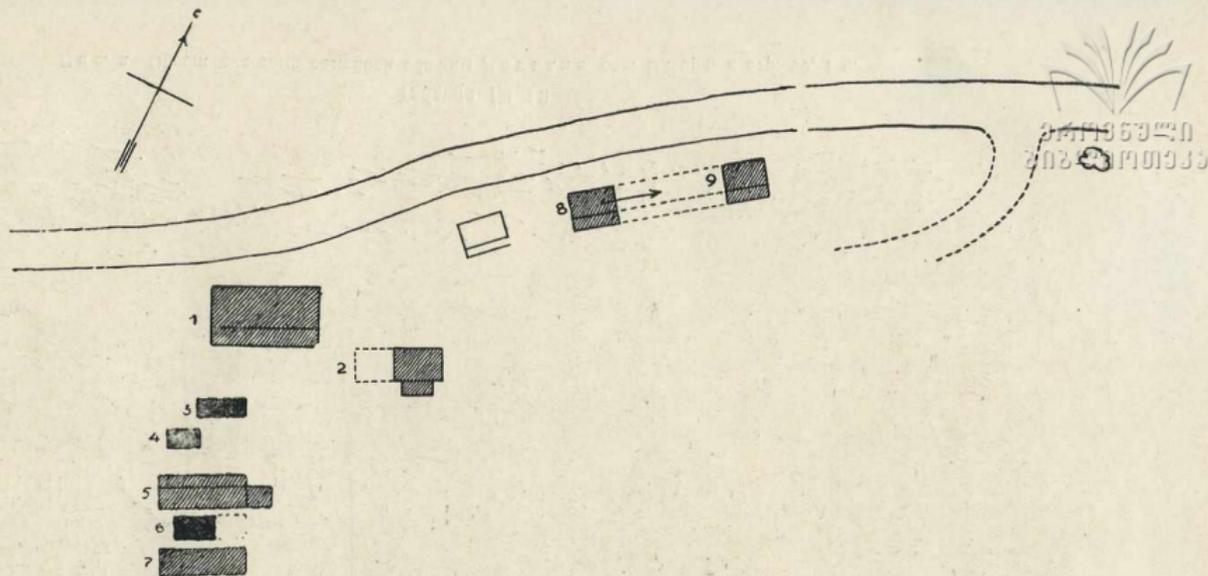
Таблица № 9

Общий вид квартала Бакурдзеев, сел. Сева, к стр. 78, I ч.

Таблица № 10

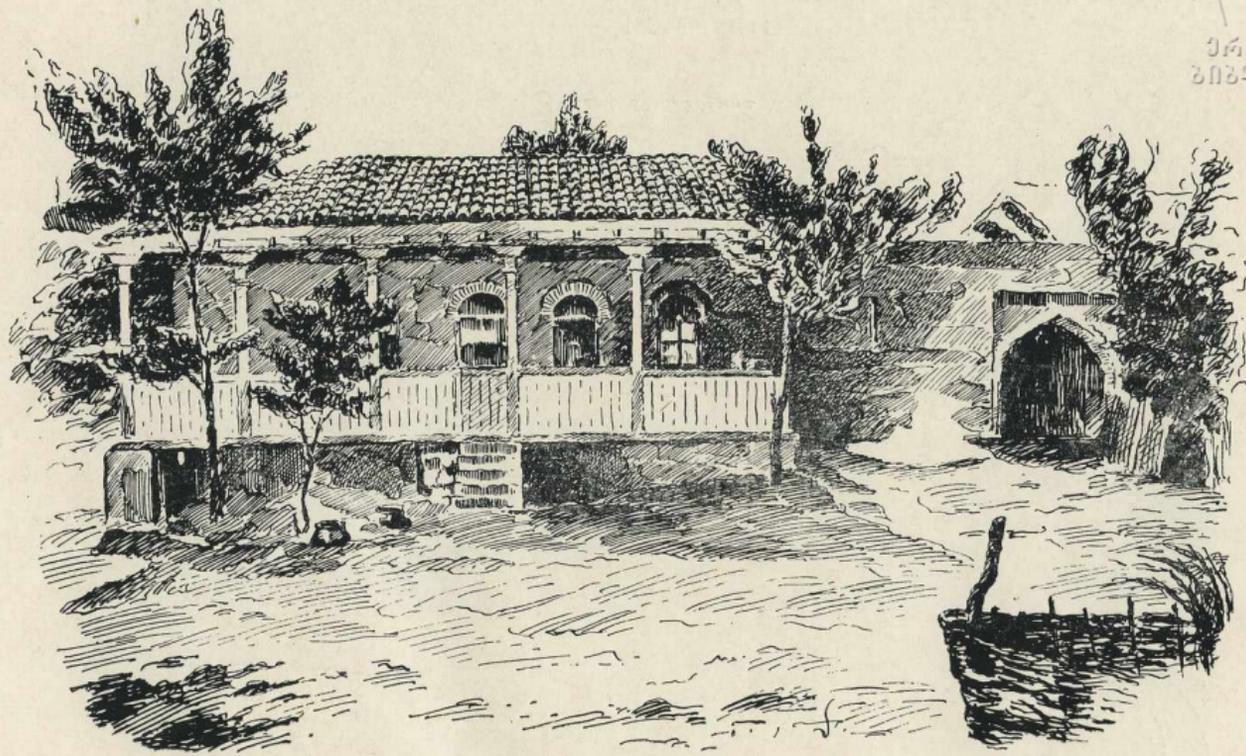
Интерьер дома семейной общины Диди Чарбадзеби, сел. Хванчкара, к стр. 84, 1 ч.

- 1 Шестиэтажный (новый) жилой дом, построен в 1944 году
 2 Оставшаяся половина пятиэтажного жилого дома для бабушек
 3 Школа с бетон
 4 Школа с бетон
 5 Жилой дом для новостки
 6 Мораги (стрясение из диком)
 7 Жилой дом для новостки
 8 Жилой дом
 9 Жилой дом } парадкебегихли (молдовух) - было одно здание

Таблица № 11

Генеральный план (схема) жилых построек семейной общины Гогилани, сел. Земо Мачхаани, к стр. 92, 1 ч.

112

Таблица № 12

Рис. а—Общий вид дома семейной общины Докаани, сел. Ваири, к стр. 99, 1 ч.

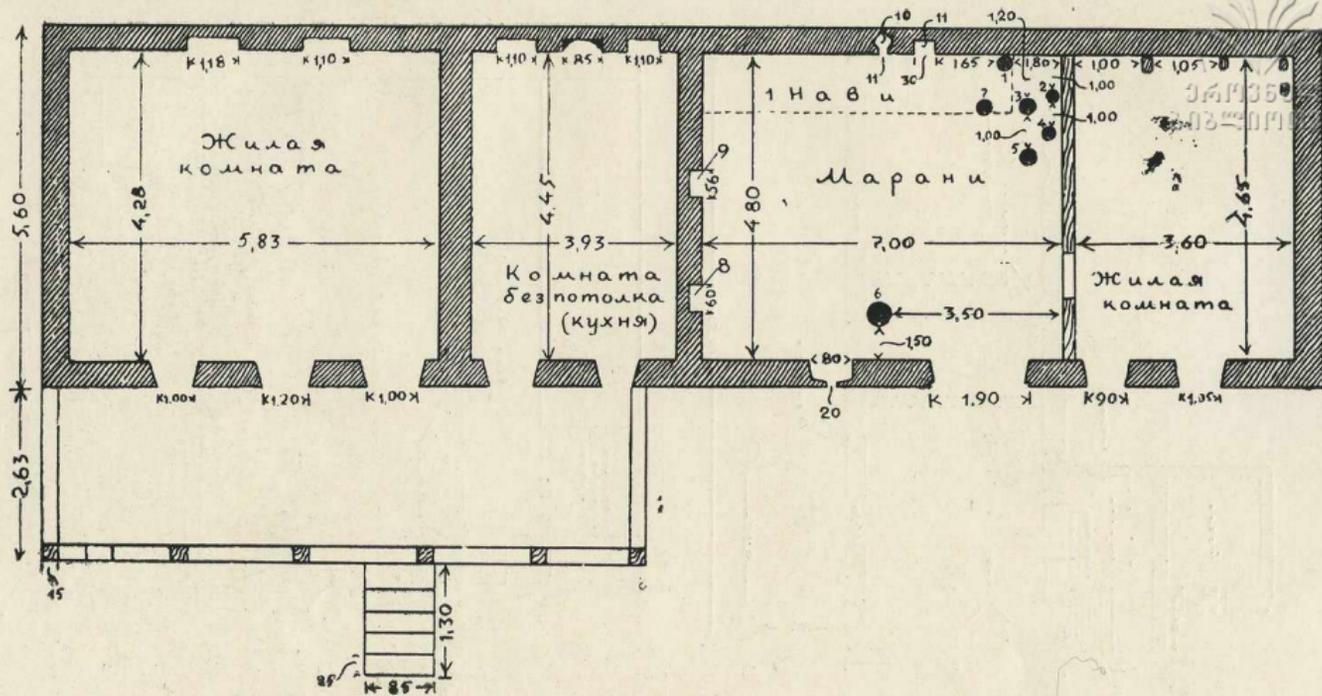

Таблица № 12

Рис. 6—Схематический план дома семейной общины Докаани, сел. Вакири, к стр. 99, 1 ч.

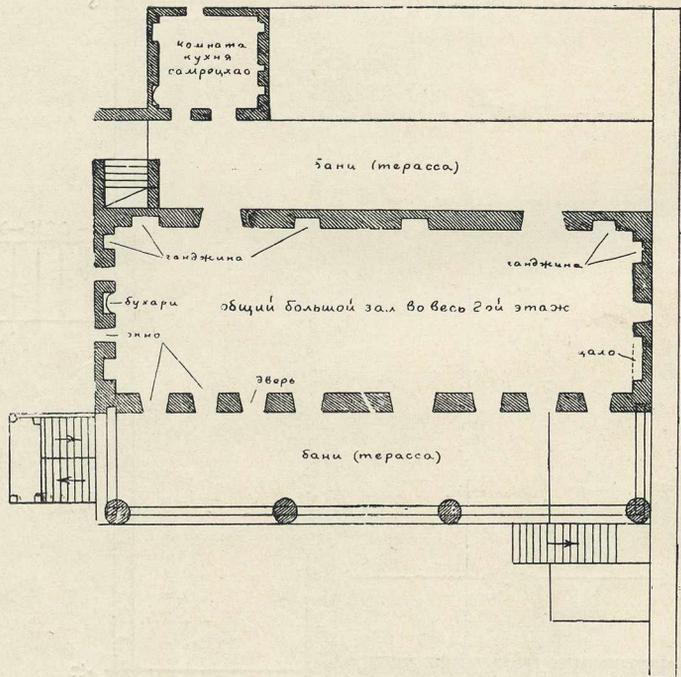
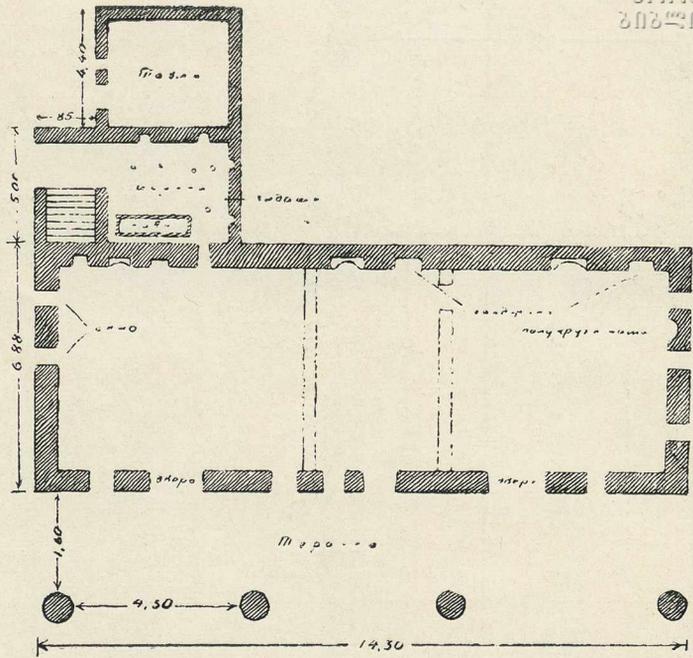

Таблица № 13

Схематический план I и II этажа дома семейной общины Диди Шаншаани, сел. Квемо Мачхаани, к стр. 102, I ч.

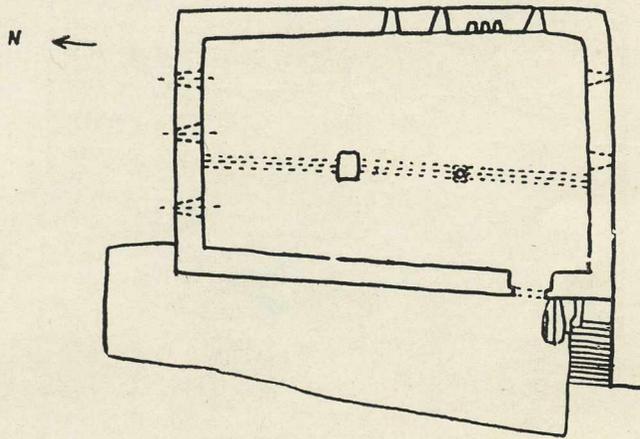
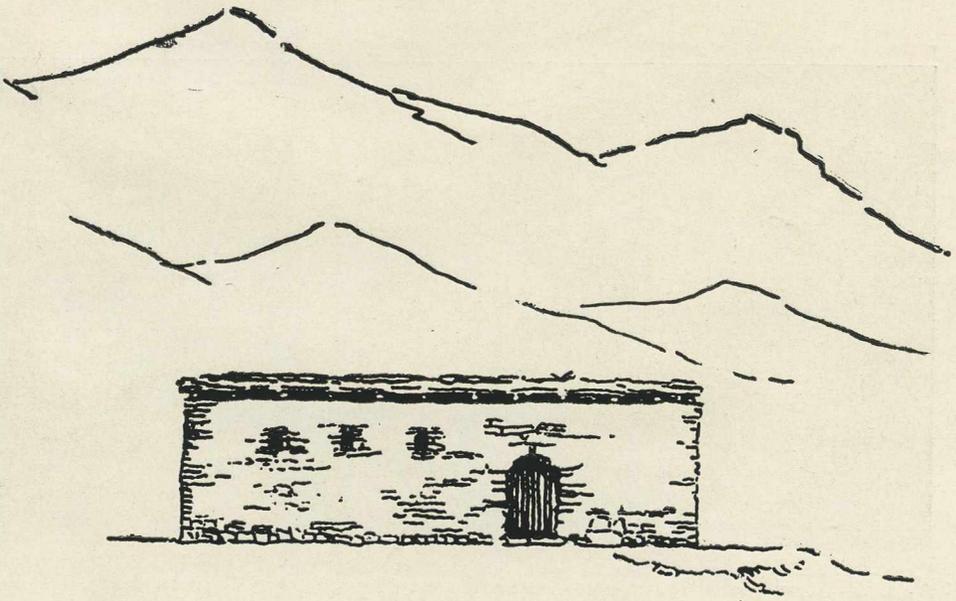

Таблица № 14

Р и с. а—План дома Давида Гигаури, сел. Казбеги,
к стр. 131, 1 ч.

Р и с. б—Общий вид дома Кириле Кушашвили, сел. Казбеги, к стр. 131, 1 ч.

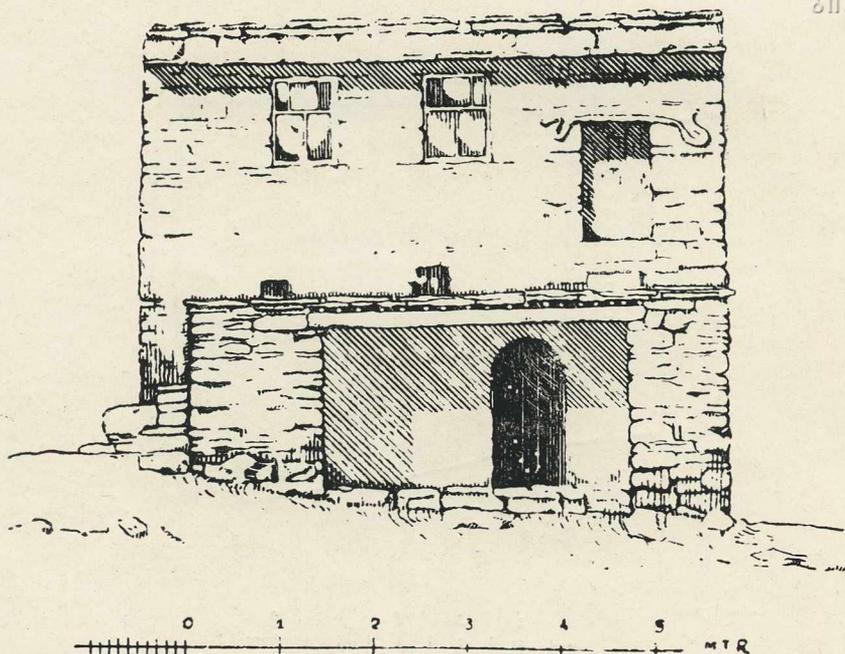

Таблица № 15

Рис. а—Общий вид дома Суджашвили с изображением змей на фасаде, сел. Гергети, к стр. 131, I ч.

Рис. б—Деталь дома Суджашвили со змеями на фронте, сел. Гергети, к стр. 131, I ч.

Таблица № 16

Рис. а—Общий вид дома черхо сел. Пхелше, к стр. 141, 1 ч.

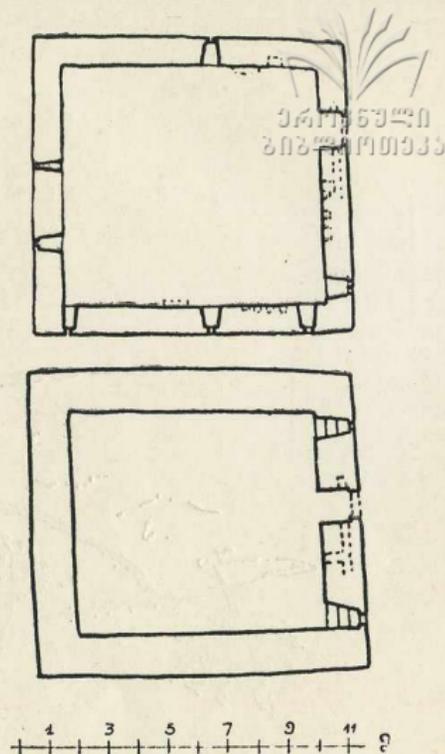

Рис. б—План дома черхо сел.
Пхелше, к стр. 141, 1 ч.

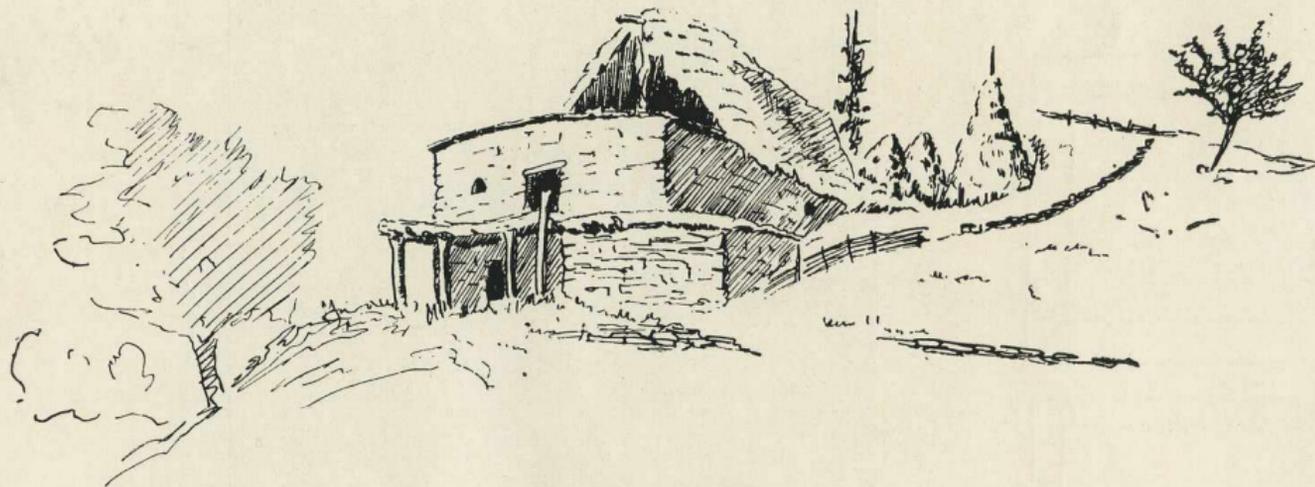

Таблица № 17

Рис. а—Общий вид дома семейной общины Чарбодаани, сел. Шуапхо, к стр. 146, I ч.

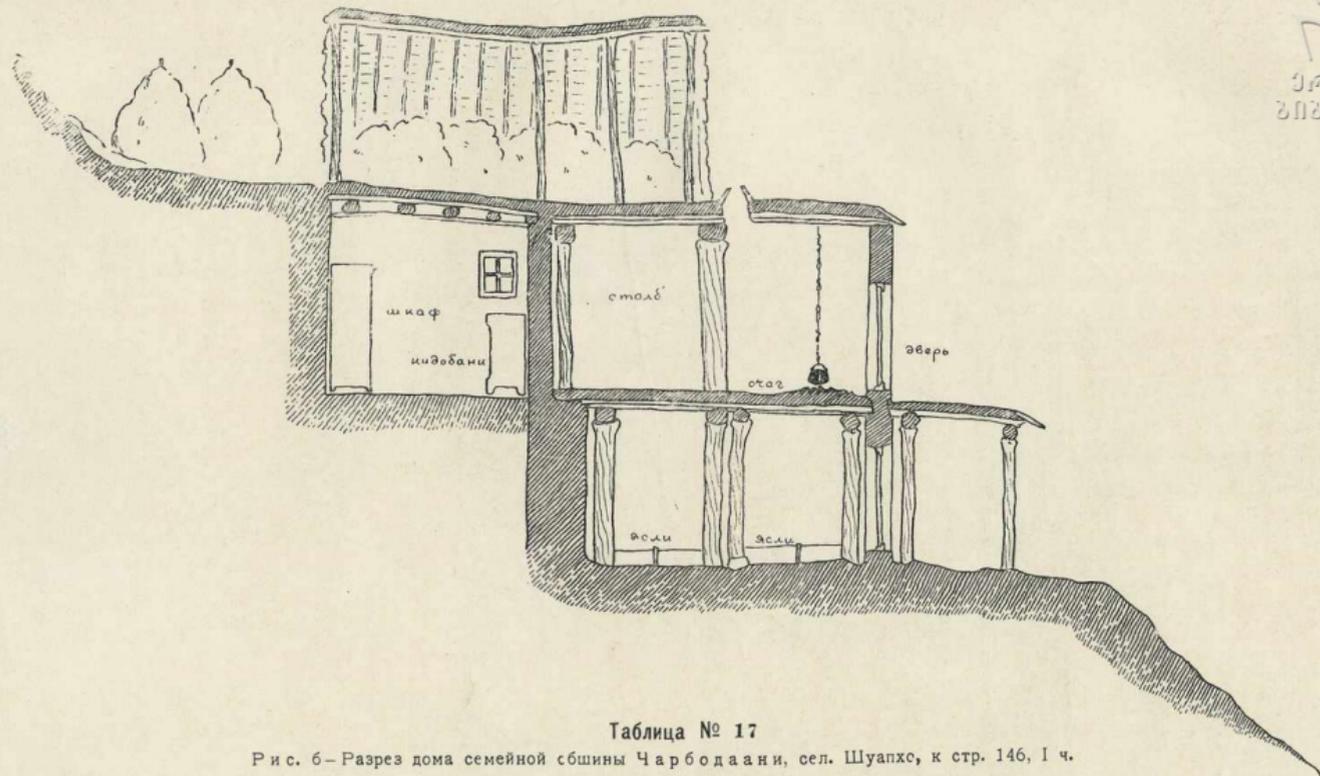

Таблица № 17

Рис. 6 - Разрез дома семейной сбшины Чарбодани, сел. Шуапхо, к стр. 146, 1 ч.

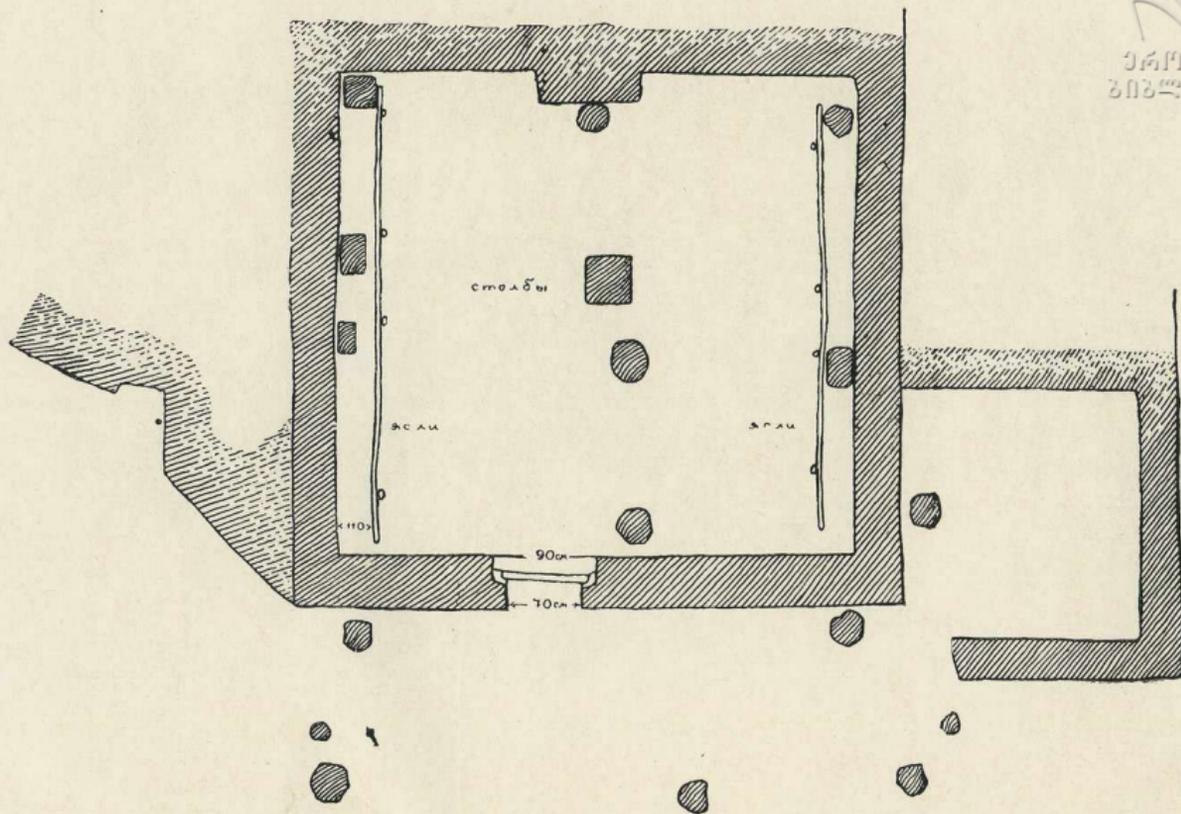

Таблица № 17

Рис. в—План I этажа дома семейной общины Чарбодани, сел. Шуапхо, к стр. 146. I ч.

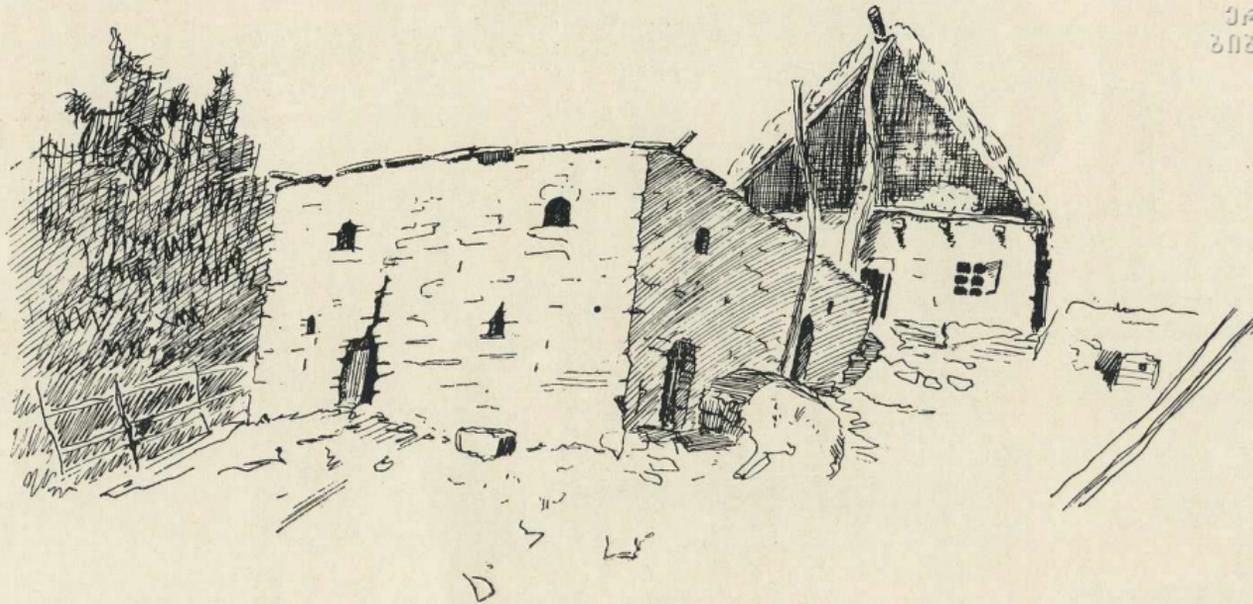
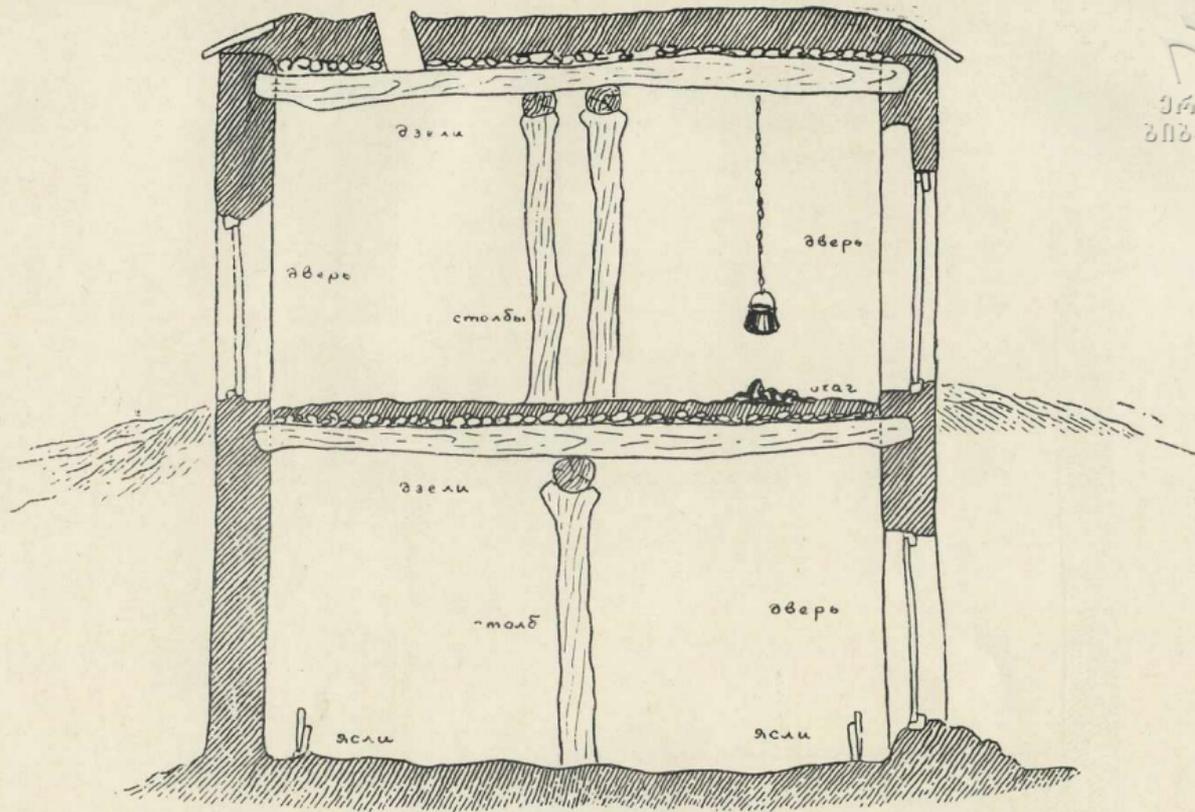

Таблица № 18

Р и с. а—Общий вид дома Николаю Целаури, сел. Шуапхо (Чидали), к стр. 146, 1 ч.

123

Таблица № 18

Р. и с. 6—Разрез дома Николоза Целаури, сел. Шуапхо (Чидали), к стр. 146, 1 ч.

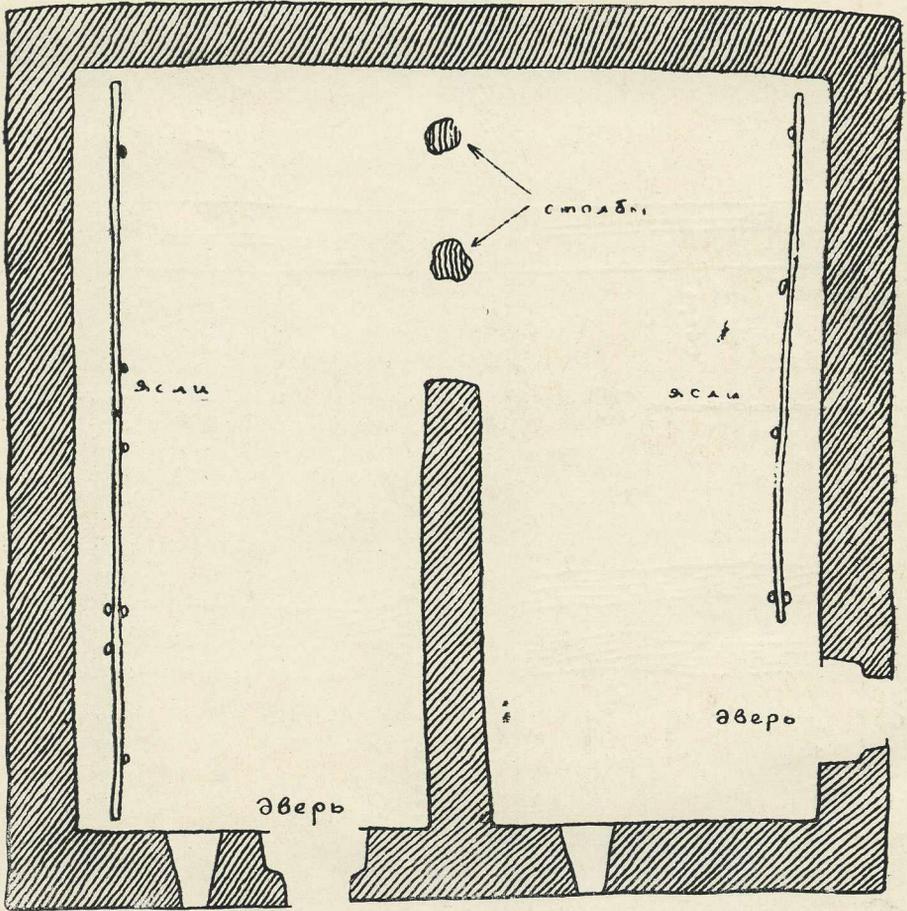

Таблица № 18

Рис. в.—План I этажа дома Николоза Целаури, сел. Шуапхо (Чидали), к стр. 146, I ч.

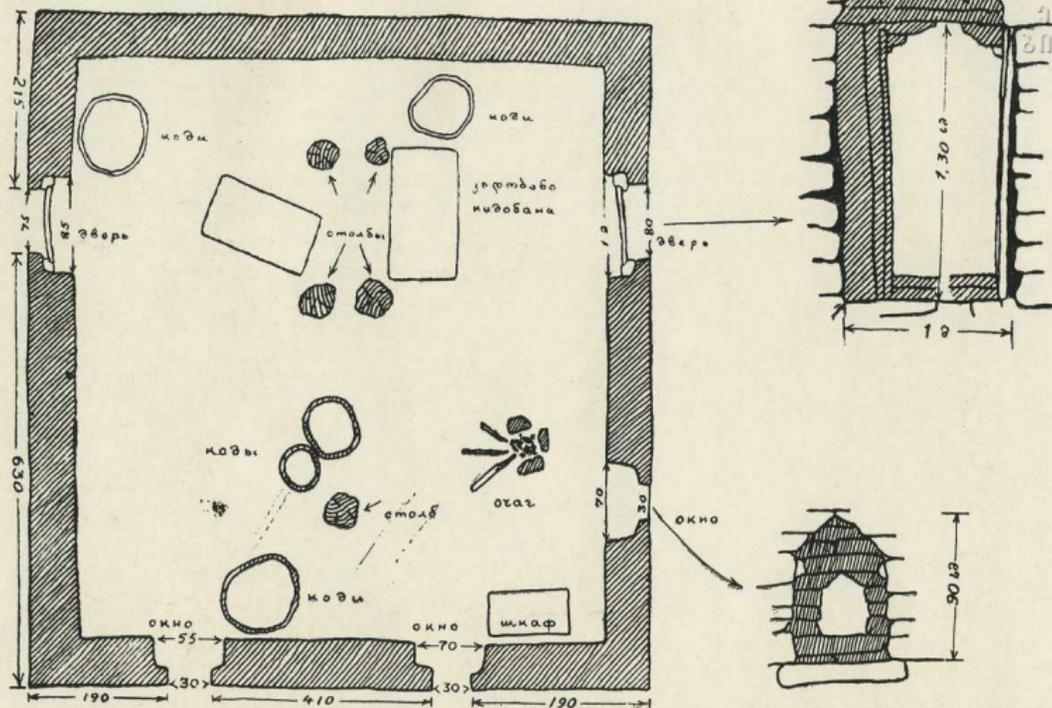

Таблица № 18

Рис. г—План II этажа дома Николаза Целаури, сел. Шуапхо (Чидали), к стр. 146, I ч

ს.ს. ჯეი. ჯეი. და დობიანი
კრწანული რაიონის სოფელი
ქუჩა

საქართველო
სოციალიზმი

Таблица № 19

Общий вид дома семейной общины Джавахани, сел Геби, к стр. 166, I ч.

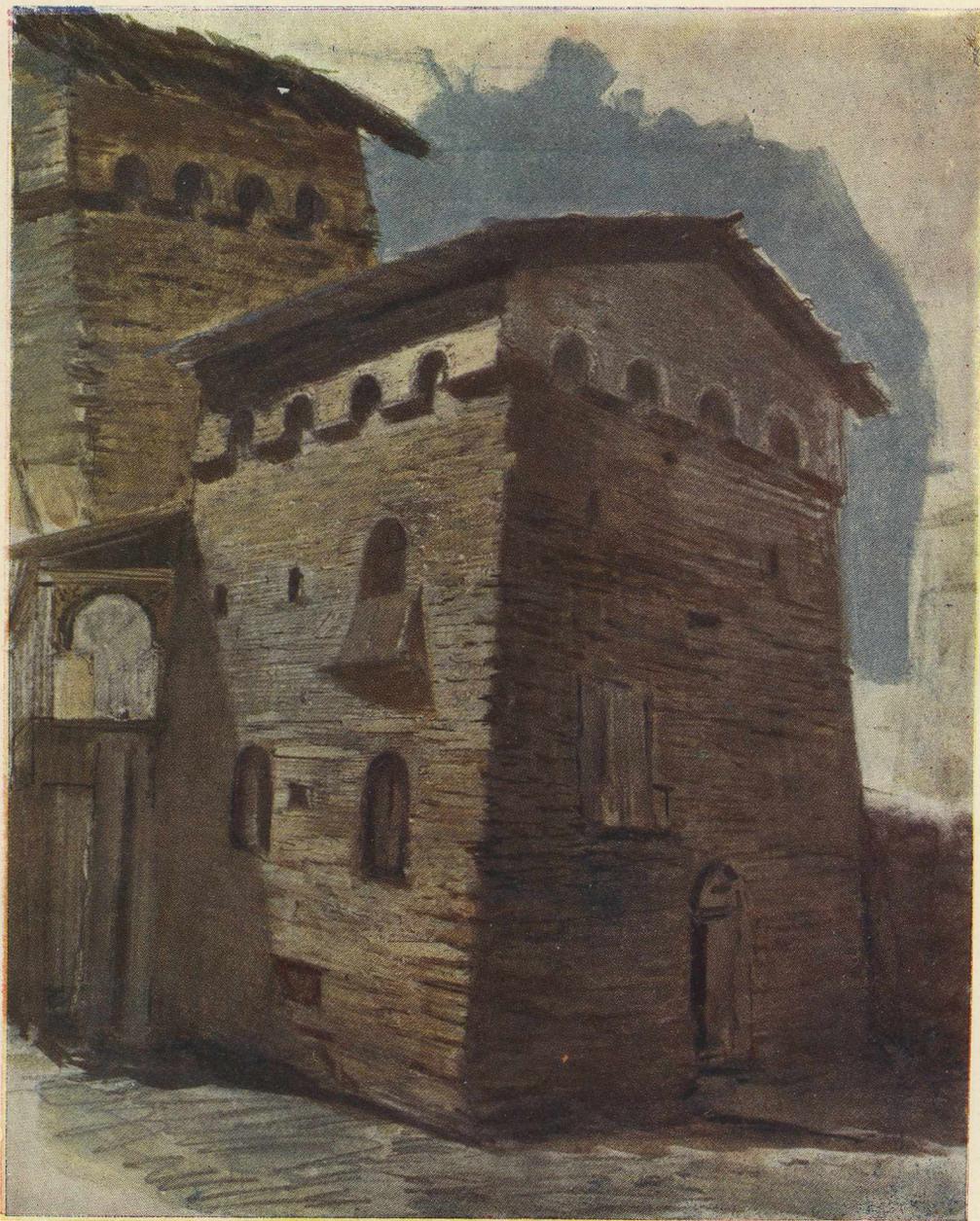

Таблица № 20

Общий вид дома семейной общины Белоани, сел. Геби, к стр. 166, I ч.

Таблица № 21

Общий вид дома семейной общины Махароблиани, сел. Чиора, к стр. 166, 1 ч.

საქართველოს
რეპუბლიკის
საქართველოს
საქართველოს

СПИСОК ТАБЛИЦ

Табл. № 1, рис. а—Стул главы семьи (Картлийцы. Коллекция Музея Грузии, ф. № 38—40), к стр. 52, 1 ч.

Табл. № 1, рис. б—Стул главы семьи (Сваны. Коллекция Музея Грузии, ф. № $\frac{50-10}{46}$), к стр. 181, 1 ч.

Табл. № 2, рис. а—План дома семейной общины Ахалгебриани, сел. Меджврисхеви, к стр. 52, 57, 1 ч.

Табл. № 2, рис. б—План квартала Ахалгебриани, сел. Меджврисхеви, к стр. 57, 1 ч.

Табл. № 3—Хозяйственные постройки семейной общины Диди Илаани, рис. а—Схематический план марани, сел. Карданахи, местность Царапеби, к стр. 59, 1 ч.

Табл. № 3—Хозяйственные постройки семейной общины Диди Илаани, рис. б—Разрез марани, сел. Карданахи, местность Царапеби, к стр. 59, 1 ч.

Табл. № 3—Хозяйственные постройки семейной общины Диди Илаани, рис. в—Ток с саманником, хлевом, винокурней и ямами для хранения зерна, сел. Карданахи, местность Царапеби, к стр. 59, 1 ч.

Табл. № 4, рис. а—Общий вид дома семейной общины Диди Бурнадзиани, сел. Квемо Ходашени, к стр. 63, 1 ч.

Табл. № 4, рис. б—Схематический план расположения жилых и хозяйственных построек семейной общины Диди Бурнадзиани, сел. Квемо Ходашени, к стр. 63, 1 ч.

Табл. № 5—Общий вид квартала Хригине, сел. Сулори, к стр. 68, 1 ч.

Табл. № 6—Интерьер дома *zig dadgmuli saxli* семейной общины Иасеани (Двалишвили), сел. Сулори, к стр. 69, 1 ч.

Табл. № 7—Интерьер нижнего этажа дома *oda saxli* семейной общины Иасеани (Двалишвили), сел. Сулори, к стр. 69, 1 ч.

Табл. № 8—Интерьер дома *oda saxli* семейной общины Шакараани (Мсхвилидзе), сел. Хани, к стр. 74, 1 ч.

Табл. № 9—Общий вид квартала Бакурадзееби, сел. Сева к стр. 78, 1 ч.

Табл. № 10—Интерьер дома *zua saxli* семейной общины Диди Чарбадзееби, сел. Хванчкара, к стр. 84, 1 ч.

Табл. № 11—Генеральный план (схема) жилых построек семейной общины Гогилаани, сел. Земо Мачхаани, к стр. 92, 1 ч.

Табл. № 12, рис. а—Общий вид дома семейной общины Докаани (Кемашвили), сел. Вакири, к стр. 99, 1 ч.

Табл. № 12, рис. б—Схематический план дома семейной общины Докаани (Кемашвили), сел. Вакири, к стр. 99, 1 ч.

Табл. № 13—Схематический план I и II этажа дома семейной общины Диди Шаншаани (Шаншашвили), сел. Квемо Мачхаани, к стр. 102, I ч.

Табл. № 14, рис. а—План дома Давида Гигаури, сел. Казбеги, к стр. 131, I ч.

Табл. № 14, рис. б—Общий вид дома Кириле Кушашвили, сел. Казбеги, к стр. 131, I ч.

Табл. № 15, рис. а—Общий вид дома Суджашвили с изображением змей на фасаде, сел. Гергети, к стр. 131, I ч.

Табл. № 15, рис. б—Деталь со змеями на фронтоне дома Суджашвили, сел. Гергети, к стр. 131, I ч.

Табл. № 16, рис. а—Общий вид дома ჯგხო, сел. Пхелше, к стр. 141, I ч.

Табл. № 16, рис. б—План дома ჯგხო, сел. Пхелше, к стр. 141, I ч.

Табл. № 17, рис. а—Общий вид дома семейной общины Чарбодани, сел. Шуапхо, к стр. 146, I ч.

Табл. № 17, рис. б—Разрез дома семейной общины Чарбодани, сел. Шуапхо, к стр. 146, I ч.

Табл. № 17, рис. в—План I этажа дома семейной общины Чарбодани, сел. Шуапхо, к стр. 146, I ч.

Табл. № 17, рис. г—План II этажа дома семейной общины Чарбодани, сел. Шуапхо, к стр. 146, I ч.

Табл. № 18, рис. а—Общий вид дома Николоза Целаури, сел. Шуапхо (Чидали), к стр. 146, I ч.

Табл. № 18, рис. б—Разрез дома Николоза Целаури, сел. Шуапхо (Чидали), к стр. 146, I ч.

Табл. № 18, рис. в—План I этажа дома Николоза Целаури, сел. Шуапхо (Чидали), к стр. 146, I ч.

Табл. № 18, рис. г—План II этажа дома Николоза Целаури, сел. Шуапхо (Чидали), к стр. 146, I ч.

Табл. № 19,—Общий вид дома семейной общины Джавахиани, сел. Геби, к стр. 166, I ч.

Табл. № 20—Общий вид дома семейной общины Белоани, сел. Геби, к стр. 166, I ч.

Табл. № 21—Общий вид дома семейной общины Махароблиани, сел. Чиора, к стр. 166, I ч.

Табл. № 22—Хозяйственные постройки семейной общины Харебаани, сел. Ири, к стр. 177, I ч.

Таблицы выполнены: Табл. № 1, рис. а, б—Н. П. Браилашвили, табл. № 2, рис. а, б—И. Л. Размадзе, табл. №№ 3, 4, рис. а, б, табл. №№ 11, 12, 13—Н. Н. Чернышковым, табл. №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 19, 20 21 и 22—О. А. Сулава, табл. № 14, рис. а, б, № 15, рис. а, б—В. О. Долидзе, табл. № 17, рис. а, б, в, г—И. А. Очаури; обложка книги сделана Б. А. Гавриленко.

У К А З А Т Е Л Ъ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

А

Абанкуре — I. 97.
 Абаран — II. 14.
 Абаща — I. 170.
 Абхазия — I. 13, 31, 37.
 Аганани — II. 45.
 Агеурга — I. 112.
 Аджарский хребет — II. 35.
 Азамбура — Белагани — I. 148.
 Азамбури — I. 148.
 Акакис гора — I. 94.
 Алаверди — I. 176.
 Алагирь — I. 165.
 Алазанская долина — I. 95, 96, 120.
 Алазань — I. 59, 61, 90.
 Аланиани — I. 65.
 Алисгори — I. 112.
 Амбролаури — I. 83.
 Амбролаурский район — I. 81, 83, 159.
 Амисдастури — I. 61.
 Анага — I. 105.
 Анцла-тела — I. 73.
 Апшо — I. 150.
 Арагви — I. 32.
 Арагвис квшшани — I. 139.
 Арагвское ущелье — I. 43, 152; II. 62.
 Арбо — I. 49.
 Арбулай — I. 134.
 Армения — II. 7, 13, 61, 62.
 Артаани — I. 153.
 Арша — I. 138, 139; II. 60, 61.
 Ассирия — II. 16, 38, 56, 57.
 Аузицхали — I. 64.
 Ахада — I. 134.
 Ахал-ахо — I. 173.
 Ахал-Сенакский район — I. 71.
 Ахалсопели — I. 27.

Ахалцихе — I. 72, 74, 75, 134, 135, 142; II. 27.
 Ахалцихо-Ахалкалакский уезд — I. 31.
 Ахло венахи — I. 44.
 Ахуеби — I. 82.
 Ачкалти — I. 139.

Б

Бабужеули — I. 68.
 Багдади — I. 70, 72.
 Бакенешы — I. 115.
 Бакиант кари — II. 62.
 Баксан — I. 167.
 Баксанский перевал — I. 164.
 Бакурбоселтана — I. 115.
 Балбакудури — I. 61.
 Барнабиант кари — II. 61, 62.
 Барноули — I. 75.
 Батоникана — I. 83.
 Бахакана — I. 134, 135.
 Бахо — I. 133.
 Бегела — I. 112.
 Бегеладзис кана — I. 85.
 Бегис дзири — I. 129.
 Бежанбагы — I. 148.
 Безараант убани — I. 63.
 Бениант кари — II. 61.
 Бертубани — I. 89.
 Бибилаант кари — I. 57.
 Бибилаант убани — I. 57.
 Бибосеули — I. 137.
 Бикурта — I. 112.
 Бичика венахи — I. 85.
 Блашис кана — I. 85.
 Богиреби — I. 178.
 Бодби калоеби — I. 104.
 Болгария — I. 8.
 Борджалаури — I. 60.
 Босел цинай — I. 115.

Бочорма — I. 106, 112.
Бугнари — I. 70, 71.
Букурта — I. 112.
Бунели — I. 142.
Бурнадзиант убани — I. 61.
Буэтани — I. 96.

В

Вавилон — II. 56.
Вавилония — II. 16, 38, 57.
Вазис убани — I. 64.
Ваке — I. 104, 160.
Вакири — I. 94, 95, 96, 97, 99,
100, 105.
Вакис дзири — I. 112.
Ванский район — I. 67.
Вансури — I. 138.
Ванхеви — I. 147.
Варнис-убе — I. 133.
Вардзиа — I. 73.
Варко — I. 120.
Ватнули — I. 46.
Ватнулис венахи — I. 45.
Ватра — I. 178, 179.
Вац цвери — I. 164.
Вашари — I. 115.
Вашлоани — I. 178.
Ведзай — I. 134.
Ведзисхеви — I. 112.
Велисцихе — I. 120.
Велуанта — I. 173, 176.
Верхвиани — I. 135.
Верхоани — I. 110, 112.
Вестмо — I. 112.
Вестомта — I. 112.
Вешагурт хеви — I. 119.
Византия — II. 47.
Вилда — I. 46.
Владикавказ — I. 149.
Владикавказский уезд — I. 139.
Военно-Грузинская дорога — I. 131.
Волга — II. 19.
Восточная Грузия — I, 17, 148;
II. 27.

Г

Габриэти — I. 172.
Гагма мта — I. 139.
Гагма убани — I. 62.
Гаиботени — I. 138.
Гарбани — II. 60.
Гаре мта — I. 136.

Гарет хахис тави — I. 135.
Гарета пшнiana — I. 135.
Гари — I. 176.
Гарибаант убани — I. 64.
Гачко — II. 8.
Гвдлиант убани — I. 64.
Гверди боло — I. 85.
Гдзели кана — I. 82.
Геби — I. 159, 161, 164, 165, 166,
167.

Гебито — I. 169.
Гебитуеби — I. 170.
Гебриант убани — I. 64.
Гергети — I. 133.
Герцеговина — II. 8.
Гагасакари — I. 115.
Гзас икити — I. 98.
Гизири — I. 133.
Гиорги-цминда — I. 89.
Гиоргис убани — II. 62.
Гиреви — I. 112.
Глола — I. 159.
Глостана — I. 169.
Гогиант убани — II. 60.
Гоглоури — I. 83.
Гогобосели — I. 75.
Гоголаурта — I. 151.
Гогнаант убани — I. 64.
Горулта — I. 112.
Гомбори — I. 155.
Гомборские горы — I. 90.
Гомецарская община — I. 112, 120.
Горийский район — I. 44, 53, 177.
Горийский уезд — I. 18, 44, 54;
II. 62.
Горисцихе — I. 137, 143.
Горная Рача — II. 53.
Грдзела — I. 139.
Грдзели кана — I. 129.
Грозно — I. 79.
Грозный — I. 131.
Грхоани — I. 142.
Грузия — I. 5, 6, 11, 12, 13, 14,
17, 19, 22, 23, 24, 25, 28, 29,
30, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 41,
45, 48, 49, 55, 85, 97, 105, 106,
110, 111, 112, 127, 153, 159,
163, 164, 169, 170, 172, 173,
177, 185; II. 9, 10, 11, 12, 16,
21, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 30,
31, 34, 35, 38, 44, 45, 46, 47,
49, 50, 53, 60, 61, 62, 63, 65,
66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73,
74, 75.

Губраани пири — I. 98.
Гудаанта — I. 112.
Гудантис тави — I. 119.
Гудеети — I. 73.
Гулашмани — I. 74.
Гулиаури (или Эмтаант мицеби) —
I. 62.
Гуракебис мица — I. 98.
Гурджаани — I. 63, 64.

Д

Дабичвели — I. 73.
Дагеети — II. 15.
Дагестанские горы — I. 120.
Дадикуртис тави — I. 119.
Дадикурта — I. 112.
Далмация — I. 194.
Дано — I. 112, 115.
Даркох — I. 136.
Дартло — I. 110, 112, 126.
Датиант убани — I. 64.
Двуречье — II. 51, 63, 65.
Дедабера — I. 83.
Деда гвтиса — I. 83.
Дехелхо — I. 134.
Джавское ущелье — I. 50.
Джагата — I. 148.
Джагумаант кари — II. 61, 62.
Джапараулеби — I. 82.
Джварбосели — I. 112.
Джвари гори — I. 161.
Джвартана — I. 115.
Джебисаант убани — II. 60.
Джеджорское ущелье — I. 172, 174,
176, 177.
Джеранчейли — I. 148.
Джимити — I. 90.
Джургмула — I. 173, 176.
Дзаглис убани — I. 63.
Дзвири — I. 161.
Дзедзвиани — I. 65.
Диалита — I. 139.
Дигоми — I. 53.
Дидахуеби — I. 170.
Дидгверди — I. 119.
Дидгеле — I. 161.
Диди ахо — I. 169.
Диди кана — I. 161.
Диди Лило — I. 25, 27, 50; II. 16.
Диди пшани — I. 133.
Диди Руистави — I. 135.
Диди шара — I. 63.
Дидканеби — I. 85.
Диднаури — I. 94.

Дидруй — I. 135.
Дидубе — I. 134, 136.
Диимта — I. 139.
Дикаури — I. 79.
Дикло — I. 106.
Димидвреби — I. 71.
Довнисели — I. 119.
Дохтемури — I. 134.
Древний Восток — II. 16, 75.
Дубеши — I. 63.
Душет — I. 12, 43.
Душетский район — I. 44, 48, 49.
Душетский уезд — I. 16; II. 62.

Ж

Жеврети — I. 168, 169.
Жошха — I. 81, 86.

З

Заалазанская долина — I. 37.
Загреб — I. 12.
Закавказье — I. 12, 14; II. 23.
Закавказский край — I. 12, 16, 25,
54, 91, 110, 111, 114, 115, 121,
122, 123, 124, 127, 146, 149; II.
17, 18
Залаант убани — I. 61.
Западная Грузия — I. 76.
Зарангуе — I. 115.
Зегани — I. 75.
Зеда венахи — I. 98.
Зеда тба — I. 73.
Зекарский перевал — I. 72.
Земо Алвани — I. 37.
Земо Бодбе — I. 103, 104.
Земо Мачхаани — I. 16, 91, 92,
94.
Земо Магаро — I. 100.
Земо Никози — I. 44.
Зенеурта — I. 151.
Зестафони — I. 77, 163, 170.
Змейка — I. 136.
Зопхито — I. 161.
Зугдидский район — I. 71.
Зуниатеули — I. 178.

И

Ибер — II. 62.
Илиурта — I. 112.

Имерети — I. 41, 47, 68, 70, 73, 87, 166, 175, 177; II. 26, 46, 48, 52, 53, 60, 74.
Иори — I. 90, 104, 148.
Иорская долина — I. 89, 93, 101, 104.
Иорское ущелье — I. 15, 16, 25, 89; II. 34.
Ири — I. 176, 177, 178.
Иосеули — I. 60.
Ичкитиани — II. 62.

К

Кабаба — I. 161.
Кабарда — II. 15.
Каблис гора — I. 95.
Кабуетнари — I. 68.
Кавказ — I. 5, 13, 17, 18, 31, 68, 144, 145, 146, 179, 180; II. 12, 13, 15, 16, 28, 35, 48, 54, 55, 71.
Казбеги — I. 128, 131, 139.
Кай — I. 135.
Каис мта — I. 141.
Кайшаурт кари — II. 62.
Какабети — I. 90.
Калиэти — I. 134.
Кало венахи — I. 58.
Канаант убани — I. 64.
Камнани — I. 97.
Канапеулис убани — I. 85.
Кандаури — I. 90.
Канчаани — I. 94.
Карадкеди — I. 79.
Карамака — I. 134.
Карачай — I. 165, 166, 167; II. 13, 14.
Каргачи — I. 96, 98.
Карго — I. 93.
Карданахи — I. 57, 59, 120.
Кардзис — I. 136.
Кариаулт-кари — II. 62.
Карис венахи — I. 45, 61, 79.
Каркуча — I. 135, 141, 142; II. 27, 60, 61.
Карталиния — I. 20.
Картли — I. 14, 19, 31, 41, 43, 44, 49, 166, 177; II. 26, 30, 46, 52, 53, 60, 73.
Кახели — I. 18.
Кახети — I. 14, 15, 16, 41, 57, 67, 75, 81, 89, 96, 110, 112, 120, 149, 155, 174, 176, 177; II. 22, 26, 46, 51, 60, 73.

Кахилаантеули венахи — I. 44.
Кацхи — I. 77.
Кбилис-джвреби — I. 129.
Квабилаури — I. 176.
Кваблиани — II. 21, 35.
Квавло — I. 109, 112, 115.
Кварели — I. 155.
Квахаури — I. 79.
Квахиди — I. 119.
Квацителі — I. 177.
Кведа ахоеби — I. 178.
Кведа Вача — I. 169.
Кведа сахлеби — I. 73.
Кведубани — I. 73.
Квемо Алвани — I. 37.
Квемо Бодбе — I. 103, 104, 105.
Квемо велеби — I. 179.
Квемо венахи — I. 97.
Квемо Канчаани — I. 94.
Квемо Мачхаани — I. 102, 103, 104.
Квемо Жошха — I. 86.
Квеити венахи — I. 44.
Квечепхо — I. 115.
Квертето — I. 166.
Кверулиани — I. 173.
Кверулианта — I. 173.
Кверцхеули — I. 164.
Кверцхити — I. 178.
Квирила — I. 77.
Квирильское ущелье — I. 76, 77.
Квирсис кари — I. 138.
Кдибодзали — I. 176.
Кедис убани — I. 85.
Келмечури — I. 101.
Келни — I. 136.
Кеспджеговый район — II. 17.
Кечехареби — I. 82.
Кибе — I. 135.
Киев — II. 59.
Кизики — I. 15, 57, 89, 90, 91, 94, 95, 96, 97, 99, 103, 105; II. 53.
Кизляр — I. 131, 134, 136.
Кизлярская степь — I. 131.
Кировабадский район — I. 120.
Кисан — II. 15.
Кистетия — I. 149.
Клдис убани — I. 85.
Клди-тави — I. 146.
Коби — I. 133.
Кобаант кари — II. 61, 62.
Кобис мта — I. 133.
Ковненеби — I. 170.
Ковнепи — I. 169.

Кодицкали — I. 173.
Койрахе — II. 12.
Коклата — I. 112.
Колотани — I. 75.
Корай — I. 142.
Корбоули — II. 74.
Корахаули (или Надарбазеви) —
I. 62.
Коргани — I. 98.
Котас тави — I. 135.
Коче — I. 94.
Кроация — II. 194.
Ксани — I. 32.
Кубань — I. 163, 165.
Кудури — I. 62.
Кумелаурта — I. 112.
Курдгелаури — I. 46.
Курдзналеоби — I. 71.
Курдистан — II. 14.
Куретиса — I. 134.
Кутаиси — I. 23, 70, 72, 75, 83,
164, 165, 167, 170; II. 17.

Л

Лангисхвапи — I. 119.
Лапанте — I. 115.
Лаилаши — I. 86.
Лароана — I. 119.
Латальская община — I. 183, 186,
187, 188, 189.
Лахамульская община — I. 183.
Лаше — I. 77.
Лаилети — I. 172.
Левнаура — I. 169.
Леквичанги — I. 172.
Лекимта — I. 62, 93, 98, 120.
Лентехская община — I. 183.
Лечури — I. 120, 121, 152, 158.
Лечхуми — I. 81, 175.
Лецинеби — I. 170.
Лидже — I. 137, 143.
Лисиани — I. 166.
Логорули — I. 169.
Лондриант убани — I. 64.
Ломинеети — I. 172.
Лухуми — I. 164.

М

Магалминдори — I. 79.
Магаро — I. 101, 153.
Магла ахоеби — I. 178.
Маграани — I. 176.

Малоазийское побережье — II. 47.
Мамиант убани — I. 64.
Мамилоанти — I. 169.
Мамисонский перевал — I. 165.
Мандаети — II. 74.
Мариам цминда — I. 139.
Мариам цминдатана — I. 115.
Марнис венахи — I. 61.
Марткопи — I. 27.
Матура — I. 148.
Махароблиант убани — I. 64.
Махачкала — II. 15.
Маяковское — I. 70.
Маяковский район — I. 67.
Мгвимеви — I. 77.
Меджврисхеви — I. 45, 49, 53, 57.
Мезвриант кари — II. 62.
Мелкосеули — I. 94.
Мелтахвтели — I. 139.
Мериси — I. 49.
Метцахальское общество — I. 10,
Мзиса — I. 160, 167.
Мигрелаурта — I. 148.
Мидамооби — I. 173.
Миджнис гора — I. 119.
Мицротис пири — I. 138.
Милоси — I. 135.
Миросис мта — I. 142.
Минск — II, 51, 63, 65.
Минская губерния — II. 33.
Могвергула — I. 75.
Могобила — I. 75.
Моздок — I. 165.
Москва — I. 10, 11, 165, 170, 174;
II. 14.
Мохохнила — I. 178.
Мта — I. 135.
Мташи — I. 94.
Мтиулету — I. 30.
Мулахская община — I. 183.
Муракант убани — I. 63.
Муркмели — I. 180.
Мусураани — I. 56.
Мусхеса — I. 161.
Мухамма — I. 120.
Мухатана — I. 173, 176.

Н

Набамбреби — I, 104.
Набогиреви — I. 82.
Навгелаури — I. 133.
Навтлуг — I. 148.

Нагвариа-тке — I. 169.
 Надарбазеби — I. 62.
 Назарлеби — I. 148.
 Накалакеби — I. 75.
 Накалоари — I. 98.
 Накаловари — I. 74, 98.
 Накеральские горы — I. 120.
 Накодреби — I. 60.
 Нальчик — I. 164, 165.
 Намовреби — I. 85.
 Наомари — I. 104.
 Наомреби — I. 85.
 Напархлеби — I. 62.
 Напетвари — I. 103.
 Напудзартана — I. 119.
 Напузари — I. 83, 178.
 Напузреби || Напузвреби — I. 45,
 46, 82, 85.
 Нариа — I. 135.
 Нароани — I. 176.
 Нарчеви — I. 134.
 Насахлавеби — I. 178.
 Натехриана — I. 135.
 Натехрианис канеби — I. 135.
 Натлимцемлис убани — I. 63.
 Натроаани — I. 94.
 Нацвлиани — I. 100.
 Нацхвери — I. 115.
 Начхатеби — I. 62.
 Нигозеети — I. 75.
 Нижнее Бодбе — I. 103, 104, 105.
 Нижний Новгород — I. 165.
 Нижняя Рача — I. 78, 81, 86.
 Нижняя Сванети — I. 37.
 Никабеети — I. 72.
 Никалтеети — I. 73, 75.
 Ники — II. 55.
 Никози — I. 44.
 Нинаант убани — I. 61.
 Нино цминда — I. 89.
 Ницаант-губе — I. 61.
 Ништ-гверди — I. 135.
 Новобаязетский уезд — II. 14.
 Новороссийск — I. 165.
 Нога — I. 72, 73.
 Норио — I. 27.
 Ноцара — I. 169.
 Ноцарули — I. 168.

О

Одесса — II. 13, 48.
 Ожио — I. 176.
 Омало — I. 106, 107, 112.

Они — I. 83, 164.
 Онский район — I. 78, 159.
 Ордзедзви — I. 60.
 Орпири — I. 165.
 Орцхали — I. 153.
 Осетия — I. 179.

П

Павлениантеули венахи — I. 44.
 Павлеурт кари — II. 61.
 Пандаури — I. 79.
 Панкиси — I. 152.
 Паншети — I. 133.
 Папиствала — I. 138.
 Париж — II. 57.
 Парсма — I. 112, 115, 116, 117,
 119, 120, 121; II. 17.
 Парцхнали — I. 73.
 Патара гора — I. 119.
 Патара Лило — I. 27.
 Патара Меджврисхеви — I. 47.
 Патардзеули — I. 89.
 Передняя Азия — I. 17; II. 64.
 Пермисаант кари — II. 62.
 Пирикитская Тушети — I. 109,
 112.
 Пири-кора — I. 135.
 Пирцитила — I. 79.
 Пицарта — I. 173.
 Поликаант убани — I. 61.
 Поты — I. 165.
 Пхелше — I. 120.
 Пшавели — I. 120.
 Пшави — I. 30, 149, 152; II. 24, 28,
 29, 31, 52.
 Пшавия — I. 149.

Р

Рача — I. 30, 41, 81, 87, 159, 162,
 163, 164, 166, 170, 171, 172,
 174, 175, 176, 177; II. 22, 26,
 52, 60, 69, 72.
 Ргани — I. 76, 77; II. 74.
 Ревазеантеули — I. 60, 68.
 Решахи — I. 138.
 Решило — I. 179.
 Риони — I. 165.
 Ркинис джвари — I. 75.
 Романети — I. 69, 70, 71.
 Россия — I. 165, 167; II. 7, 20,
 21, 31, 33, 71, 72, 73.

Ростинаант убани— I. 64.
 Руамеები — I. 176.
 Руиспири — I. 176.
 Русიანი — I. 155.
 Рцхილანი — I. 79.

С

Сабурте — I. 137.
 Саване — I. 77.
 Сагареджо — I. 89.
 Сагваре бина — I. 119.
 Сагочиа — I. 173.
 Сагорави — I. 168, 169.
 Сагулеблис-тави — I. 135.
 Сагурамо — II. 62.
 Садатве руви — I. 135.
 Садатвиа — I. 82, 119, 173.
 Саджгне — I. 139.
 Саджавахо — I. 165.
 Саджинчвле — I. 119.
 Саджихве — I. 119.
 Саджогე — I. 139.
 Садмели — I. 81, 85, 162.
 Сазурге — I. 135.
 Сакире — I. 73.
 Сакиретана — I. 169.
 Сакордлис гори — I. 115.
 Сагоре — I. 139.
 Сакиретнеби — I. 170.
 Сакморуеби — I. 179.
 Салашкро — I. 166, 167.
 Салебе — I. 135.
 Салипартиано — II. 62.
 Саломинао — II. 62.
 Салоцави — I. 68.
 Самакеди — I. 178.
 Самарская губерния — II. 33.
 Самарцквиа — I. 178.
 Самгори — I. 148.
 Самдзевле — I. 161.
 Самзиара — I. 82.
 Салекве — I. 115.
 Самикелао — II. 62.
 Самкуре — I. 119.
 Самтредиа — I. 70, 71.
 Самурзакано — I. 13.
 Самух — I. 120.
 Самцхе Саатабаго — I. 31.
 Сангали — I. 97.
 Сандросеули — I. 129.
 Сапатре — I. 139.
 Сапите — I. 115.
 Сарыкамыш — I. 148.
 Сартичала — I. 148.

Сасапандре — I. 135.
 Сасвано гора — I. 164.
 Сатавадоеби — I. 70.
 Сатибегис тави — I. 136.
 Сативакбиле — I. 134.
 Сатчилао — II. 62.
 Сахале — I. 135.
 Сахаре — I. 135.
 Сахаро — I. 163.
 Сахвто кари — I. 79.
 Сахизнари — I. 136.
 Сацixe гора — I. 119.
 Сацураули — I. 79.
 Сачиголо — I. 108, 112, 116, 117.
 Сачхере — I. 164.
 Сачхерский район — II. 74.
 Сашабуро — II. 62.
 Сванети (я) — I. 12, 13, 21, 179,
 180, 183 (Нижняя), 183 (Верх-
 няя), 184, 185, 187, 188, 189.
 Сваниантқари — II. 62.
 Свиана — I. 152.
 Свилоби — I. 119.
 Сева — I. 78.
 Северная Осетия — I. 136; II. 55.
 Северный Кавказ — I. 124, 165,
 167, 170; II. 41.
 Сенаки — I. 170.
 Сербия — I. 8; II. 59.
 Сигнахи — I. 120, 148.
 Сигнахский район — I. 16, 94.
 Сигнахский уезд — I. 26, 91.
 Силореби — I. 70, 71.
 Сиони — I. 136; II. 60.
 Сисхлис ваке — I. 142.
 Сицамула — I. 73, 74.
 Славония — II. 7, 8.
 Сно — II. 61.
 Собиси — I. 46.
 Собисис мицеби — I. 45, 46.
 Сокмаро — I. 178.
 Сопел-дзири — I. 115.
 Соплисгверди — I. 129.
 Соплис кари — I. 115.
 Соплистави — I. 115.
 Сореули — I. 173.
 Сори — I. 176.
 Соровли — I. 176.
 Срелни — I. 138.
 Сталинири — II. 14.
 Степан цминда — I. 133.
 Стокгольм — I. 8.
 Субеджера — I. 83.
 Сулори — I. 67, 68, 69.

Т

Тадиаант убани— I. 64.
 Тадиас натиби— I. 135.
 Таниант кари— II. 62.
 Тапла— I. 79.
 Таисоури— I. 83.
 Тарибана— I. 148.
 Татиасеули— I. 82.
 Татис шантали— I. 115.
 Тбилиси— I. 53, 58, 59; II. 35.
 Теврешо— I. 160, 161, 162, 163,
 164, 165, 166, 167, 168.
 Телави I. 59, 85.
 Телавский район— I. 176, 177.
 Телас хиди— I. 73.
 Тешшани— II. 61.
 Терская область— I. 162, 164.
 Терский хутор— I. 139.
 Тетаант убани— I. 63.
 Тетрапира— I. 82.
 Тетри— I. 161.
 Тетрцклебтана— I. 115.
 Тианети— I. 152, 153.
 Тианетский уезд— I. 25, 110, 111,
 114, 115, 121, 122, 123, 124,
 127, 146, 149; II. 27.
 Тимотес убани— II. 62.
 Тиране— I. 176.
 Тис-сагдзали— I. 169.
 Тифлис— I. 79, 85, 174; II. 45.
 Тифлисская губерния— I. 12, 16,
 25, 26, 43, 48, 54, 91, 110, 111,
 114, 115, 121, 122, 123, 124,
 127, 146, 149; II. 27.
 Тифлиссский уезд— I. 15; II. 28.
 Ткаршети— I. 138.
 Ткел-ваке— I. 72.
 Ткибули— I. 83.
 Тоти-мта— I. 139.
 Трапезунд— II. 47.
 Триалети— I. 101, 103, 149.
 Триалетские горы— I. 104.
 Триалетские пастбища— I. 98.
 Тубал-Табал— II. 62.
 Тубати— I. 73.
 Туначуал— I. 115.
 Тушети— I. 30, 37, 108, 110, 112,
 113, 115, 116, 118, 119, 121,
 122, 123, 124, 125, 127, 128;
 II. 24, 29, 31, 71, 72.
 Тушетия— I. 122, 123, 149.
 Тушишвилисеули— I. 60.
 Тхилиана— I. 145, 146, 147, 150.
 Тхирали— I. 169.

Тхмелари— I. 75.
 Тхрилзе— I. 96.
 Тхрилс-икити— I. 96.

У

Угелтехили— I. 68.
 Укан Горда— I. 168.
 Укана— I. 151.
 Уканамхари— I. 90.
 Уканашшави— I. 153, 154.
 Укивлети— I. 176.
 Укэн Чирдили— I. 134.
 Умекаант венахи— I. 45.
 Урал— II. 18, 19.
 Уриши— I. 169.
 Урналис кана— I. 85.
 Ушкульская община— I. 180.

Х

Хакис-гверди— I. 134.
 Халде— I. 186.
 Халичаант убани— I. 61.
 Хани— I. 71, 72.
 Харт-кало— I. 138.
 Хатана— I. 138.
 Хахабо— I. 117.
 Хаисаки— I. 115.
 Хашми— I. 81.
 Хашури— I. 163.
 Хахутаант убани— II. 60.
 Хванчкара— I. 81, 82, 84, 85,
 162.
 Хеви— I. 30, 37, 129, 130, 131,
 133, 142; II. 24, 27, 31, 60, 61.
 Хеви-венахи— I. 65.
 Хевис кури— I. 137.
 Хевис убани— I. 63.
 Хевни— I. 134, 139.
 Хевсуретия— I. 122, 149.
 Хелаант гарди-гардмо— I. 60.
 Хеттское царство— II. 16, 38, 56,
 57.
 Хиани— I. 173.
 Химши— I. 78.
 Хирса— I. 103.
 Хисо— I. 110, 119, 121, 123, 124
 Хшир-ткистави— I. 135.
 Ходабуни— I. 62.
 Хомасуридзиани— II. 62.
 Хони— I. 170.
 Хопито— I. 168.

Хорхи — I. 147.
Хосо — I. 129.
Худе — I. 165.
Хуртиси — I. 139.

Ц

Цабаурта — I. 150.
Царицын — I. 165.
Цвери — I. 176.
Цврила — I. 169.
Цврилеоби — I. 170.
Цедиси — I. 172, 175, 176.
Церос-кари — I. 138.
Цеси — I. 162, 174.
Цив-Гомбори — I. 65.
Цив-Гомборские горы — I. 62, 65.
Цивилаант убани — I. 61.
Цинамдзгвриант кари — II. 62.
Цинамхари — I. 90.
Цинацидари — I. 119.
Цискараант убани — I. 63.
 исквиликари — I. 169.
Цител цкалзе — I. 64.
Цител цкалтана — I. 115.
Цители мица — I. 134.
Цитело — I. 150.
Цителоана — I. 137.
Цихет укенас канеби — I. 135.
Цихет укенас сатиби — I. 135.
Цихис пирдапири — I. 135.
Цицалаанта — I. 119.
Цкависевери — I. 75.
Цкалквеша — I. 83.
Цкалсикита — I. 129.
Цкалтана — I. 129.
Цкароебис пири — I. 68.
Цкаростана — I. 115.
Цкарот-дзири — I. 135.
Цкарот-руви — I. 134.
Цклис-тави — I. 83.
Цлована — I. 136, 137.
Цмида Гиваргистан — I. 129.
Цнори — I. 120.
Цокалта — I. 124.
Цоха — I. 166, 168.
Цхароенеби — I. 139.
Цхилари — I. 75.

Ч

Чагминское общество — I. 120.
Чала цхлебзе — I. 64.
Чалис венахи — I. 96,

Чанчахоани — I. 112.
Чаракаант убани — I. 64.
Чаргали — I. 156.
Чарнапи — I. 60.
Чахури — I. 152.
Чвентатеули — I. 129.
Чвешо — I. 161, 163, 164, 165,
 167, 168, 169.
Чвинта — I. 74.
Чежиа — I. 138.
Череме — I. 90.
Черное море — I. 165.
Чешо — I. 115, 126.
Чиатура — I. 76, 164.
Чиатурский район — I. 76; II. 74.
Чиаури — I. 65.
Чиора — I. 159, 168.
Чиго — I. 112.
Чирдили — I. 134.
Чкараанкуре — I. 96.
Чквиши — I. 81.
Чонкаант кари — II. 62.
Чонта — I. 152.
Чонтио — I. 112, 115; II. 29.
Чуроби — I. 137.
Чхари — I. 72, 163.
Чхрис пири — I. 129.

Ш

Шабраани — I. 64.
Шавнаканеби — I. 73.
Шавклде — I. 134.
Шавни-курани — I. 129.
Шавхевискари — I. 119.
Шара — I. 137.
Шарахеви — I. 65.
Шарис-мица — I. 58.
Шенако — I. 106, 107, 109, 112,
 113, 116, 117, 123.
Шерамазаантеули — I. 134.
Шигати мзис-пира — I. 135.
Шигати пшнiana — I. 135.
Шигати хачис тави — I. 135.
Шида Кахети — I. 57, 66.
Шина венахи — I. 60, 98.
Шираки — I. 148.
Ширакская долина — I. 104.
Ширакская степь — I. 50, 94, 110,
 120, 121, 122, 146, 148.
Шихиант хеви — I. 94.
Шкмери — I. 172.
Шошети — I. 164, 166, 167,

Шошикети — I. 169.
Шорокани — I. 60, 61.
Штала — I. 161.
Шуагза — I. 173.
Шуапхо — I. 145, 146, 147, 148,
150, 154.
Шхироли — I. 169.

Э

Эвретиеби — I. 170.
Эдишвилиант кари — II. 62.
Эклесиа — I. 138.
Элиаурт кари — I. 46.

Эльбрус — I. 13.
Эмтаант мицеби — I. 62.
Эриванская губерния — I. 14, 16, 17.
Эривань — II. 15.
Эсклиани — I. 135.
Этелта — I. 120.
Эчмиадзинский уезд — II. 14.
Эшмакис-цхали — I. 148.

Ю

Юго-Осетия — I. 52.
Южная Осетия — I. 50.

У К А З А Т Е Л Ь
 НАИМЕНОВАНИЙ СЕМЕЙНЫХ ОБЩИН И ПАТРОНОМИЙ*

А

- Абазаант убани — I. 64.
 Авсаджанишвили — I. 137, 143.
 Алексени — II. 61.
 Алукеени — I. 162, 163, 164.
 Алхазаани — II. 62.
 Априлани — I. 152.
 Ахалгебриани — I. 53, 56, 57.

Б

- Бабриэни — I. 134.
 Бадед Дид Джалабиани — I. 134.
 Бакарашвилеби — I. 71.
 Бакиант кари — II. 62.
 Бандуаани — I. 100.
 Барнабиант кари — II. 61, 62.
 Бегишвили — I. 56.
 Беденаани — I. 58.
 Безараант убани — I. 63.
 Бекурени — I. 135.
 Беладiani — I. 100.
 Белоани — I. 166.
 Бенаани — I. 94.
 Бениант кари — II. 61.
 Берикелаани — I. 58, 59, 60.
 Бентуриан-Чкараани — I. 94.
 Бибилаани — I. 45, 46, 57.
 Бибилаант кари — I. 57.
 Бибилаант убани — I. 57.
 Бидзиети — I. 134.
 Бостаани — I. 94.
 Бостобаани — I. 94.
 Бурнадзиант убани — I. 61.
 Бучукури — I. 142.

В

- Важбедаани — I. 58.
 Ваниани — II. 61.
 Ванкени — II. 61.
 Вардзукени — II. 61.

Г

- Габалани — I. 136.
 Габриэлаани — I. 69.
 Габриэти — I. 172.
 Гагаани — II. 61.
 Гагмат эртобис сахли — I. 137.
 Ганаани — I. 118.
 Гаприндашвили — I. 77.
 Гарибаант убани — I. 64.
 Гахани — II. 61.
 Гвитеени — II. 61.
 Гебриант убани — I. 64.
 Гигаани — I. 175, 176.
 Гигиэни — II. 61.
 Гиоргани — I. 75, 76.
 Гиоргианти — I. 172.
 Гиоргиени — II. 61.
 Гиоргис убани — II. 62.
 Гогаани — I. 94.
 Гогени — I. 139.
 Гогиаани — II. 62.
 Гогиаант убани — II. 60.
 Гогилаани — I. 92, 93, 94.
 Гогилаанти — I. 172.
 Гогишвили — I. 91, 92.
 Гогнаант убани — I. 64.
 Гоголени — I. 135, 141.
 Годени — I. 139, 140.
 Годжитаани — I. 151.

* Патронимические наименования в большинстве случаев являются и топонимическими; во избежание дублирования в указатель географических наименований они не включены.

Гонелаани — I. 63, 64.
Гогитаани — I. 56.
Гочша — I. 187.
Грдзелбаниანი — II. 61.
Гудушаури — II. 61.
Гутеени — I. 168, 169, 170.

Д

Давитаури — I. 46.
Даникаани — I. 100.
Датваре — I. 187, 188.
Датиаант убани — I. 64.
Двалишвили — I. 68.
Деметраани — I. 94.
Джавахиани — I. 165, 166.
Джагоени — I. 159, 160, 161, 162, 163.
Джамугаант кари — II. 61, 62.
Джанаани — I. 94.
Джандиераани — I. 100, 101.
Джебиаани — II. 62.
Джебиаант убани — II. 60.
Джиджуриани — I. 116.
Дзидзаани — I. 58.
Диди Бакурадзееби — I. 78.
Диди Бурнадзиани — I. 61, 62, 63.
Диди Ганаани — I. 108, 109, 116, 117, 118, 124.
Диди Датурени — I. 138, 139, 143.
Диди Джиджуриани — I. 108, 116, 117.
Диди Зурабиани — I. 139.
Диди Илаани — I. 58, 59.
Диди Ламбоани — I. 95.
Диди Одиэни — I. 136, 143.
Диди Удзилени — I. 133.
Диди Цогиани — I. 109.
Диди Чакоани — I. 109.
Диди Чарбадзееби — I. 84, 85.
Диди Чекиени — I. 128, 129, 131, 132, 133, 143.
Диди Шаншаани — I. 102, 103.
Докаани — I. 97, 98.

З

Залаант убани — I. 61.
Заликаани — I. 86.
Заликиани — I. 167.
Заликисани — I. 81, 83, 86.

И

Иасеани — I. 68, 69.
Иваниани — I. 134.
Илаани — I. 57, 58.
Иосебиани — (или Диди Одиэни) — I. 136.
Ичкити — I. 56.
Ичкитиани — II. 62.

К

Кадагиани — I. 100.
Каишаурт кари — II. 62.
Камараули — I. 141; II. 27, 61.
Канаант убани — I. 64.
Қанчаани — I. 94.
Қапლанишვილი — II. 29.
Қарнаулт кари — II. 62.
Қвемо Қанчаани — I. 94.
Қვირისანები — I. 81, 82.
Керани — I. 142.
Кемаани — I. 94.
Китесаани — I. 45, 46, 57.
Кобиаант кари — II. 61, 62.
Кобишвили — II. 61.
Қочлаани — I. 56.
Қочонашვილი — I. 28.

Л

Лаилеети — I. 172.
Лалитени — I. 137, 138.
Ламбоани — I. 95, 96, 97.
Леквичаанти — I. 172.
Ломинеети — I. 172.
Лондриаант убани — I. 64.

М

Мамиаант убани — I. 63.
Мамукаани — I. 175.
Мамулаани — I. 58.
Манგიэни — I. 135, 141.
Маниаант убани — I. 64.
Марсагиани — I. 142.
Марсагишვილი — II. 61.
Мартаани — I. 58.
Масураани — II. 61.
Матиэни — II. 61.
Махароблиани — I. 169.
Махароблиант убани — I. 64.

Мезвариант кари — II. 62.
Михелаани — I. 175.
Муракаант убани — I. 63.
Мусураани — I. 56.

Н

Надаан-Хелаани — I. 94.
Натроаани — I. 94.
Нацвлиани — I. 100.
Нацоени — I. 164, 165.
Ниблиани — I. 45, 46, 57.
Никалани — I. 139.
Нинаант убани — I. 61.
Ниникиани — I. 172, 173, 174, 175.
Нуашер — I. 157, 188,

П

Павлеурт кари — II. 61.
Падиаури — I. 142.
Пермисаант кари — II. 62.
Пидони — II. 61.
Поликаант убани — I. 61.

Р

Робитаани — I. 94.
Ростинаант убани — I. 64.
Ростомаани — I. 77.

С

Сагурамо — II. 62.
Салипартиано — II. 62.
Саломинао — II. 62.
Самикелао — II. 62.
Самқанени — I. 134.
Самукени — II. 61.
Самурзакано — I. 13.
Самцхе-Саатабаго — I. 31.
Сатчилао — II. 62.
Сашабуро — II. 62.
Сабани — II. 61.
Сесиаани — I. 57.
Сехноени — I. 170, 171.
Сиани — II. 61.
Сирнал-Махарашвили — I. 77.
Соломаант убани — I. 64.
Соломанени — II. 61.
Сосиэти — I. 134.

Т

Тадиаант убани — I. 64.
Таниант кари — II. 62.
Татунашвили — I. 77.
Тетаант убани — I. 63.
Тегиани — II. 61.
Тетулаани — I. 57.
Тибелаани — I. 117.
Тимотес убани — II. 62.
Тинаани — I. 50.
Токликаани — I. 94.
Турнаани — I. 58.

У

Умекаани — I. 46.
Усенаани — I. 100.

Х

Халичаант убани — I. 61.
Харебаани — I. 177, 178.
Хахутаани — I. 46, 47; II. 62.
Хахутаант убани — II. 60.
Хაэни — II. 61.
Ходабуни — I. 62.
Хомасуридзиани — II. 62.
Хригине — I. 68.

Ц

Цередиани — I. 189.
Цивилаант убани — I. 61.
Цигрошвили — I. 154, 155.
Цинамдзгвриант кари — II. 62.
Цискараант убани — I. 63.
Цихитвиани — I. 100.
Цкалобаани — I. 69, 70.
Цхракариани — II. 61.

Ч

Чабикоури — I. 73.
Чабукеби — I. 78, 79, 80.
Чакоани — I. 116, 117, 118.
Чаракашвили — I. 65, 66.
Чаракаант убани — I. 64.
Чарбодаани — I. 145, 146, 147,
148, 149, 150.
Чахваани — I. 57.
Чедлиани — I. 100.
Чедлишвили — I. 44.

- Чиликиани — I. 104.
- Читони — I. 150, 151.
- Чониэти — I. 134.
- Чонкаант кари — II. 62.
- Чрелаани — I. 100.
- Чукаани — I. 74.

Ш

- Шиолени — II. 61.
- Шишиант убани — I. 63.
- Шошикаани — I. 178, 179.

Э

- Эдилашвили — II. 62.
- Эдилашвилиант кари — II. 62.
- Элгуджаани — I. 133, 134.
- Элиаури — I. 46.
- Элиаурт кари — I. 46.
- Элизбараант убани — I. 63.
- Элиозаани — I. 64, 65.
- Элисаани — I. 58.
- Эквимишвили — I. 71.
- Эоанешвилеби — I. 71.
- Эпхени — I. 135, 141.
- Эпремаани — I. 44, 45.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

a (ა)

andrezi — II. 66

b (ბ)

babušviloba — I. 67, 68, 69, 71,
78, 172, 176, 177, 178

badagi — I. 58

bani — II. 61

baṭkani — I. 123

beyeli — I. 63, 74, 79, 82, 154,
162, 163, 164, 165, 166, 167, 173,
177; II. 24

bolokaci — I. 15

bolo mçqemsi — I. 148

boseli — I. 80, 81, 131, 173, 179

boslis qari — I. 115

boslis piri — II. 26

bumbuli — I. 80

g (გ)

ganatexi — I. 80

ganaqarni — II. 64

ganaqopi — II. 60

ganaqrebi — II. 60, 63, 64

ganžina — I. 93

gasxlva — I. 58

gauqreli žmebi — II. 10, 43, 64

gaqrilobis çignebi — I. 11

gvalvir — I. 182

gobi — I. 173

gomuri — I. 63

gunda — I. 132

gutani — I. 73

gutneuli — I. 45, 46, 48, 62; II.
30

gutnis deda — I. 45, 49, 50, 60,
61, 62, 94, 97, 104, 110; II. 34,
38

d (დ)

daraia — I. 69

darbazi — I. 45, 46, 52, 53, 79,
92; II. 23

darbaz — I. 184, 186

darbazi saxli — I. 177

daripani — I. 131

dasatavnoeba — I. 155; II. 51

dasturi — I. 154

daçemebuli — I. 90

dayär — I. 188

deda — I. 133

deda boži — I. 52, 131; II. 24

deduli — II. 52, 54

depani — I. 166, 167, 173

derepani — I. 52

diasaxlisi — I. 51, 58, 61, 66, 69,
70, 74, 76, 79, 80, 82, 83, 84,
85, 86, 92, 93, 95, 101, 102,
103, 105, 110, 111, 112, 113, 124,
129, 131, 132, 133, 135, 137, 138,
139, 145, 146, 147, 150, 151, 154,
158, 160, 161, 163, 171, 175, 178,
183, 190; II. 36, 42, 43

didi ožaxi — I. 137; II. 9

didi saxli — I. 131

did žalabiani — I. 137

dixsal — I. 183

đoli puri — I. 104

dot — II. 57

duroebiani saxli — I. 166; II. 24

džiuri — I. 48, 115, 133, 150

e (ე)

erebi — II. 9

eri — II. 9

ertobis saxli — I. 137, II. 9

ertsaxli žmebi — II. 10, 43, 64

v (ვ)

varcli — I. 160

t (თ)

tavkaci — I. 15
 tavla — I. 101
 tavni — I. 69
 tavguxi — I. 62, 104
 tavčobani — I. 129, 137, 141
 targi — I. 51
 taxča — I. 102
 taxčebi — I. 59
 tiva — I. 129
 tiḡuni — I. 132
 tis sagzali — I. 169
 tkbiliskveri — I. 58, 82
 toxisa ḡaci — I. 68, 72; II. 35
 toxisa da culis ḡaci — I. 68
 toxumi — I. 141, 142; II. 27

ḡ (ჯ)

ḡavi — I. 69, 73
 ḡa-ḡera — I. 184
 ḡalo — I. 58, 59, 60, 66, 99, 101, 103, 105
 ḡaravi — I. 74, 161
 ḡari — I. 19, 53, 94
 ḡaris piri — I. 115, 150, 154; II. 26, 27, 29
 ḡaris miča — I. 114, 115; II. 26
 ḡarseli — I. 162, 166; II. 24
 ḡera — I. 184; II. 24
 ḡirkis ḡaci — I. 76
 ḡodi — I. 101
 ḡomloba — I. 26, 27, 28
 ḡomli — I. 27
 ḡoçol diar — I. 183

l (ლ)

labord — I. 181
 lampa otaxebi — I. 177
 lamxub — I. 187
 lasti — I. 74
 lebeḡšv diar — I. 183
 lezural diar — I. 183
 leyvaḡmare diar — I. 182
 lici mḡqde — I. 183
 litris ḡaci — I. 15, 16
 liḡlure — I. 184

lizi — I. 181
 liḡani — I. 156
 liḡxval — I. 180

m (მ)

mama — II. 64
 mamani — I. 141, 142; II. 64
 mamis mamuli — I. 134
 mama-papeuli — I. 54, 90, 96, 97, 104, 142, 164; II. 44, 70
 mamasaxlisi — I. 79
 mamulebi — II. 44
 mamuli — II. 54
 mandilosani — I. 52
 marani — I. 45, 52, 59, 61, 63, 64, 66, 74, 79, 82, 83, 93, 99, 100, 103, 162, 166, 173, 179; II. 24
 mača — I. 161, 163, 164, 168
 mačub — I. 183, 184, 186; II. 24
 mačiki — I. 80
 maxnavi — I. 110
 mgzavrebi — I. 163
 mebatḡneebi — I. 118
 meberče — I. 118
 mebosle — I. 79
 meene — I. 119
 mevarcle — I. 160, 161; II. 37
 metoxleebi — I. 118
 meḡirḡe — I. 77
 meḡmtiuri — I. 146, 151, 152, 153, 157; II. 36
 menen — I. 182
 meničbe — I. 76, 77
 menobate — I. 93
 merbiel — I. 181, 182, 183; II. 37
 merbiel mumurḡi — I. 182
 merue — I. 49
 mesakonle — I. 49
 mesaçyelave — I. 118
 mekoxe — I. 160, 161
 meyore — I. 49
 meḡerva — II. 11, 65
 meḡulpa — I. 181; II. 65
 mecxvare — I. 49, 151
 mezroxle — I. 62, 95, 102
 meçedile — I. 118
 mexvib — I. 187
 mzareuli — I. 79
 mzitevi — I. 54, 55, 156; II. 54, 70
 mtis boseli — I. 113
 inḡlavze — I. 97
 mogareve — I. 174

modgami — II. 11
 monagroba — I. 104, 105
 monangle — I. 148
 monareve — I. 123, 126
 monareveni — I. 116
 monareoba — I. 124, 125
 mondavi — I. 113; II. 11, 65
 mondavi-modgami — II. 11
 motauri — I. 95
 morige — II. 38
 mouravi — I. 49
 moçile — I. 150, 152, 154; II.
 65
 moçileni — I. 145
 moxele — I. 79, 80, 175, 178
 mumurçi — I. 183
 muşgyari diar — I. 183
 muxvbe — I. 187
 muxvbe-mexvib — II. 12
 mçari saxli — I. 162
 mşrali cxvari — I. 123
 mēlaš — I. 182
 mēldey — I. 182
 mēşgäl — I. 183
 mēlaxv — I. 182
 mēnçunal — II. 37

n (6)

navi — I. 59, 63
 nalia — I. 72, 73, 79, 173, 179
 nalžom — I. 184, 186
 namaşvräli — I. 127
 namgala — I. 114, 131, 141; II. 38
 namxoşier — I. 184; II. 47
 nareoba — I. 116, 123, 125, 128;
 nartavi — I. 125, 126
 nartaoba — I. 125, 126
 nartauli — I. 125
 napetvari — I. 96
 naqevrali — I. 154
 naçilari — I. 150; II. 27
 naçiçilebi oşaxebi — II. 10
 naçvlaš — I. 185
 naxevar lişris kaci — I. 15
 nesgamezal — I. 184
 nesgamez — I. 186
 nobati — I. 61, 92, 96, 103, 104,
 105
 nusaya — II. 11

o (3)

oda — II. 22
 oda saxli — I. 75
 oduri saxli — I. 74; II. 22
 ormo — I. 101
 oplit mopovebuli — I. 54; II. 44,
 70
 oçxari — I. 138
 oşaxi — I. 27, 67; II. 9
 oşaxisşviloba — I. 26, 27
 oşinžaliani saxli — I. 177, 178

p (3)

palatı — I. 74, 83; II. 22

r (6)

rkaçiteli — I. 58, 64
 rumbi — I. 59
 ržali — II. 11

s (6)

sabalaxo — I. 120
 sablis miça — I. 114; II. 27, 29
 sabželi — I. 82, 101, 173
 sagamzyolo — I. 70, 75; II. 48
 sadgini — I. 127
 sadgomi otaxi — I. 101
 sadyvebeli — I. 178
 saerto saxli — I. 137, 166; II. 9,
 24
 sazapxulo samçopo — I. 83
 sazedaşe — I. 99, 100, 105; II. 49
 satave — I. 178
 satavno — I. 25, 55, 61, 63, 69,
 97, 102, 105, 127, 143, 155, 156,
 157, 169, 170, 175, 185; II. 51,
 52, 53, 54, 58, 59, 70
 satemo — I. 96
 satone — I. 52
 saipkle — I. 115
 saižro saxli — I. 162
 saçomlo — I. 14, 120
 saçvamuri — II. 24
 saçurcxil — I. 181
 samamo — I. 82
 samarto skami — I. 132
 samani — I. 161
 samarxi — I. 154
 samgzavrot çavla — I. 162

şamqopo — I. 131
 samxub — I. 187, 188, 189; II. 25, 32
 samxubiş linzoral — I. 188
 samxubiş maxvşi — I. 188
 saosta — II. 52
 saoxaxo — I. 102, 111, 124, 125, 150, 156; II. 36, 72
 sapalne — I. 59, 75, 177
 sapure — I. 115
 sartone — I. 177, 179
 sarkali — I. 101, 124, 129, 133, 137, 140, 141, 147
 sarkveli — I. 101
 sasvile — I. 115
 sasaxlo — II. 22, 52, 53, 70
 sasiminde — I. 173, 179
 sasoplo miça — I. 114, 142
 sasoplo miçebi — I. 134
 sastumro — I. 83, 102
 sastumro saxli — II. 22
 saumcroso — I. 45, 48, 112; II. 33
 sauproso — I. 46, 48, 54, 65, 66, 70, 112, 127, 128, 129, 143, 151, 154, 164; II. 33, 47, 48
 sapalne — I. 75
 saperavi — I. 58, 64
 sapicxobeli — I. 163
 sapkvile — I. 74
 sakere — I. 115
 sakorçilo — I. 54, 127, 143, 154, 164; II. 48
 sayvare bina — I. 119
 saşvrie — I. 115
 sacalo — I. 101
 sacvala — I. 131
 saçveli baği — I. 141
 saçovi baği — I. 141
 saçveli cxvari — I. 123
 saçilo — I. 87
 saçexi — I. 93
 saçoxe — I. 104
 saçule — I. 141
 saşmo-saçilo — I. 45, 46, 54, 84; II. 44
 saşromaj — II. 61
 saxale miça — I. 114
 saxaço miça — I. 114
 saxirxaço — I. 150
 saxleulni — I. 181; II. 11
 saxli — II. 9, 21, 22, 44, 66
 saxlis didi — I. 95
 saxlis gvli — I. 52, 131
 saxlis kaçı — II. 11, 12, 65, 66
 saxl-kari — II. 21, 61

saxlosnoba — I. 44
 saşalabo saxli — I. 74, 75, 83; II. 22
 storgi — I. 155
 siraşi — I. 59, 60, 67; II. 73
 sisxliani sakoneli — II. 44
 şkviri — I. 93; II. 22
 sulis saxeli — I. 132
 supra — I. 74; II. 22

u (u)

ubani — I. 77, 94; II. 60, 61, 64
 unşi — I. 154
 uprosi diasaxlisi — I. 175

p (p)

pardis kayaldi — I. 70, 164
 parexi — I. 45, 140, 141
 pili — I. 178
 purne — I. 79
 puze — I. 52, 57
 puşis angelozi — I. 52
 puşis gvli — I. 52, 131
 purçvna || gaslxva — I. 58

k (k)

kalamani — I. 101
 kaxike mexvbarar — I. 187
 kevxa — I. 102
 kerzapi — I. 82
 kvitkiri — I. 83
 koita — I. 131
 kora maxvşi — I. 181, 182, 184, 186, 187; II. 25
 kora maxvşi zural — I. 181
 korşal — I. 181
 kox-boseli çardaxit — I. 81
 koxi — I. 173, 179, 160

y (y)

yabaxi — I. 127
 yomi — I. 68
 yvinis amomyebi — I. 60, 67; II. 73

ş (ş)

şal-abreşumi — I. 69
 şali — I. 69

šašxi — I. 167
šeqlva — I. 58
šeqriloba — I. 32, 46, 47, 55, 64,
156, 157, 180; II. 12, 44, 52
šeqrilobis čignebi — I. 11, 32
šeçamlva — I. 58
šili — I. 84, 175; II. 11
šina kacebi — I. 163
šina kaci — I. 95, 102, 110, 118,
150, 151, 152, 166, 167, 174; II.
35
šinais kaci — I. 130, 133, 134, 137,
140
šina uprosoba — I. 91
šua cecxi — I. 74, 131, 167; II.
22, 24
šua kaci — I. 15
šuasaxli — I. 81, 83, 167; II. 22,
24
šuatana mçqemsi — I. 148

č (h)

čalandari — I. 77
čapi — I. 69
čardaxi — I. 101
čareki — I. 155; II. 52
čekis muša — I. 76
čita — I. 111
čurčxela — I. 82
čurčxelebi — I. 58

c (3)

culis kaci — II. 35

ž (d)

žiriš mexvbarär — I. 187
žmat šeqaret — II. 12
žroxis dabma — I. 155

ç (v)

çilis miça — II. 27
çina mçqemsi — I. 148
çiçilebi — II. 10.

ç (3)

çadi — I. 72
çaçä — I. 59
çedila — I. 123, 124
çerxo — I. 141; II. 24
çerxooba — I. 141, 142

x (b)

xali — I. 121, 123, 147
xami — I. 69
xaçis saxeli — I. 132
xazeinebi — I. 124
xizani — II. 68
xoxvra diar — I. 183
xoša diar — I. 182
xoša zural — I. 182
xənçəra — I. 188

ž (z)

žalabi — I. 67; II. 9
žalabi ožaxi — I. 67; II. 9
žvaris qana — I. 114

СПИСОК

ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абазадзе Н. Л. — Семейная община у грузин. «Этнографическое обозрение», кн. III, 1889.
- Акинфиев И. Я. — Из поездки по Осетии и Сванетии. «Кавказ», 1890, №№ 287, 288, 289.
- Аргутинский А. — Общинное земледелие в Борчалинском уезде Тифлисской губ. «Кавказское сельское хозяйство», 1894, №№ 43, 44, 45.
- Аргутинский А. — Семейные разделы у имеретин, «Новое обозрение», Т. 1893, №№ 3174, 3175.
- Аргутинский А. — Экономический быт государственных крестьян Сигнахского уезда, Тифлисской губернии, «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. IV, Т. 1886.
- Бардавелидзе В. В. — Земельные владения древнегрузинских святилищ. «Советская этнография», 1949, № 1.
- Бардавелидзе В. В. — Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен, Тб., 1957 г.
- Бартоломей И. А. — Поездка в вольную Сванетию. «Записки Кавказского отдела Русского географического общества», кн. III, 1855.
- Бахтадзе И. Л. — Экономический быт государственных крестьян Рачинского уезда, Кутаисской губ. Семейные разделы и обычай усыновления. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. II, ч. I, Т., 1886.
- Бердзенишвили Н. А., Джавахишвили И. А., Джанашиа С. Н., ред. Джанашиа С. Н. — История Грузии, ч. I., Тб., 1946.
- Н. Бердзенишвили, В. Дондуа, М. Думбадзе, Г. Меликишвили, Ш. Месхиа, П. Ратиани — История Грузии, ч. I, Т., 1958, стр. 367 (на груз. яз.).
- Биланишвили З. — Корреспонденция из Иорского ущелья. О системе пахания грузинским плугом. «Дрозба», 1884, № 73 (на груз. яз.).
- Биланишвили З. — Землевладение у нас. Корреспонденция из Иорского ущелья. «Дрозба», 1884, № 51, 52 (на груз. яз.).
- Биланишвили З. — Землевладение в Иорском ущелье. «Кавказ», 1884, № 62.
- Voglič V. — Zbornik sadasnjih pravnih običaja u juznih slovena. Загреб, 1874.
- Ванети З. — Индивидуализм и коллективизм в родовом быту осетин. «Известия осетинского научно-исслед. ин-та краеведения», № II, 1926, Сталинири.
- Ванеев З. Н. — Из истории родового быта в Юго-Осетии, Тб., 1955.
- Вахтанг VI — Книга законов (подготовка текста к печати и предисловие Тины Энукидзе), Тб., 1955 г. (на груз. яз.).
- Вахушти Багратиони — География Грузии, Т., 1904 г. (перевод с грузинского), см. Описание царства грузинского (География Грузии) под ред. Т. Ломоури и Н. Бердзенишвили, 1941, Тбилиси (на груз. яз.).

- Винников¹ И. Н. — Четвертое издание книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Опыт текстологического анализа). «Пятьдесят лет книги Ф. Энгельса — Происхождение семьи, частной собственности и государства», АН СССР, Л., 1936.
- Габашвили Ек. — Имущественное право грузинки в крестьянской семье. «Иверия», 1889, № 97, май (на груз. яз.). Ср. «Этнографическое обозрение», кн. 2, М. 1889.
- Гаджиева С. — К вопросу о тухуме и большой семье у каякентских кумыков. «Краткие сообщения Ин-та этнографии» им. Н. П. Миклухо-Маклая, АН СССР, 1952, в. XIV.
- Гакстаузен А. — Закавказский край, ч. I, гл. III, СПб, 1857.
- Гани — Фельетон «Марганцевое дело», «Иверия», 1886, № 30 (на груз. яз.).
- Гроссе Эрнст — Формы семьи и формы хозяйства. М., 1898.
- Грузинские дарбази, под редакцией Г. Н. Чубинашвили, ч. I, Т. 1927.
- Гугушвили П. В. — К. Маркс в грузинской публицистике и общественности, Тб., 1952 (на груз. яз.).
- Гугушвили П. В. — Общинное землевладение в Закавказье. Труды Института Экономики АН ГССР, т. I, 1946 г. Тб., стр. 5—84 (на груз. яз.).
- Гулисашвили Э. (Шакро) — Об общинном землевладении у нас, «Дрозба» 1884, №№ 168, 263, 267, 269, 270 (на груз. яз.).
- Гулисашвили Э. — Рассказы и исследования. Тб., 1953 (на груз. яз.).
- Деген-Ковалевский Б. Е. — Сванское селение как исторический источник. «Советская этнография», 1936, № 4—5.
- Демелич Ф. — Обычное право южных славян по исследованиям д-ра Богишича. Перев. с французского В. Гецевича, М., 1878.
- Джавахов И. А. — Государственный строй древней Грузии и Древней Армении, т. I, «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», кн. VIII, Птб. 1905.
- Джавахишвили И. А. — История грузинского права, кн. II, вып. I, Т., 1928 (на груз. яз.).
- Джавахишвили И. А. — История грузинского права, кн. II, вып. II, Т., 1929 (на груз. яз.).
- Джанашиа С. Н. — Вахушти Багратиони о грузинском феодализме. «Аналеби» (орган Ин-та истории им. акад. И. А. Джавахишвили, АН ГССР), т. I, 1947 (на груз. яз.).
- Джанашиа С. Н. — Грузия на пути ранней феодализации. Тб., 1937 (на груз. яз.).
- Джанашиа С. Н. — Тубал-Табал, Тибарен, Ибер. «Известия Института языка, истории и материальной культуры АН ГССР», 1937, № I (на груз. яз.).
- Джика С. — Об одном грузинском термине, связанном с коллективной формой труда в турецком языке. «Иберо-кавказское языкознание», т. I, Тб., 1946 (на груз. яз.).
- Добровольский Д. В. — Поездка в Сванетию и путевой журнал во время поездки в Сванетию. «Записки Кавказского общества сельского хозяйства» 1868, № V—VI.
- Довнар-Запольский М. В. — Исследования и статьи, т. I (этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность). Киев, 1909.
- Довнар-Запольский М. В. — Очерки семейственного обычного права крестьян Минской губернии. «Этнографическое обозрение», № 1, кн. XXXII, М. 1897.
- Документы по социальной истории Грузии, т. I, под ред. Н. Бердзенишвили, Тб., 1940 (на груз. яз.).
- Документы по социальной истории Грузии, т. II. Крепостнические отношения XV—XIX вв., под ред. Н. А. Бердзенишвили, Тб., 1953 (на груз. яз.).
- Долидзе В. О. — Народные жилище дома в Хеви. Разыскания Института Истории Грузинского искусства АН ГССР, вып. 5., Тб., 1949 (на груз. яз.).
- Долидзе И. С. — Древнегрузинское право. Тб., 1953 г. (на груз. яз.).
- Долидзе И. С. — Судебник Георгия Блистательного, Тб., 1957. (на груз. яз.).
- Древности Грузии (Издание Общества Истории и Этнографии), под ред. Е. Такайшвили, т. I, Т., 1909 (на груз. яз.).
- Древности Грузии (Издание Общества Истории и Этнографии), под ред. Е. Такайшвили, т. III, Т., 1910 (на груз. яз.).
- Дьяконов И. М. — Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства, ч. I, «Вестник древней истории», 1952, №№ 3, 4.

- Егиазаров С. А. — Административно-экономический строй сельской общины в Эриванской губернии. «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. I, Т., 1887.
- Егиазаров С. А. — Формы общины и крестьянского землевладения в Тифлисской губернии «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. II, Т., 1887.
- Егиазаров С. А. — Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. I. Сельская община, Казань, 1889.
- Ефименко А. Я. — Исследования народной жизни. Вып. I. Обычное право, М., 1884.
- Ефименко А. Я. — Трудовое начало в народном обычном праве. «Слово», 1878, № 1.
- Ефименко П. С. — Семья архангельского крестьянина. «Судебный журнал», 1873, июль-август.
- Законы царя Вахтанга VI. «Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI», под ред. Д. З. Бакрадзе, Т., 1887.
- Иванюков И. И. и Ковалевский, М. М. — У подошвы Эльбруса. «Вестник Европы», 1886, № 1—2.
- Иванюков И. И. и Ковалевский М. М. — В Сванетии. «Вестник Европы», 1886, № 8—9.
- Ильина М. — Древнейшие типы жилищ Закавказья. «Сообщения Ин-та истории и теории архитектуры», вып. 5. М., 1946.
- Инал-Ипа Ш. Д. — Очерки по истории брака и семьи у абхазов, Абгиз, 1954.
- Иоселиани Пл. И. — Описание города Душета, Тифлисской губернии «Записки Кавказского отдела русского географического общества», кн. V, 1862.
- Итоншвили В. Д. — Некоторые свадебные обычаи старого Тбилиси, Тб., 1959 (на груз. яз.).
- Ихилов, М. М. — Большая семья и патронимия у горских евреев. «Советская этнография», 1950, № 1.
- Кадлец Карл — Семейная община или задруга в славянском праве. «Известия СПб. славянского благотворительного общества», 1903, № 4.
- Каждан А. П. — Аграрные отношения в Византии XIII—XIV в.в., М., 1952.
- Карапетян Э. Т. — Армянская семейная община. Ереван, 1958.
- Карбелашвили П. — Две недели в Сванети. «Иверия», 1903, №№ 160, 161, 163, 164, 168, 187, 193, 197, 198, 213, 214, 222, 232, 233, 236 (на груз. яз.)
- Кахели И. (Цискарашвили) — Корреспонденция из Кахети. «Иверия», 1887, № 21 (на груз. яз.).
- Киквидзе А. — Шуа сахли в Раче и Лечхуми. «Известия Ин-та языка, истории и материальной культуры АН ГССР», т. V—VI, Тб. 1940. (на груз. яз.).
- Кисляков Н. А. — Семья и брак у таджиков. По материалам конца XIX — начала XX века., М., 1959.
- Ковалевский М. М. — Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения, М., 1879.
- Ковалевский М. М. — Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии. «Итоги науки в теории и практике», Изд. «Мир», М., 1914.
- Ковалевский М. М. — Социология, т. II (Генетическая социология или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности), СПб, 1910.
- Ковалевский М. М. — Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт из области сравнительной этнографии и истории права, СПб, 1905.
- Ковалевский М. М. — Очерк происхождения и развития семьи и собственности, М., 1939.
- Ковалевский М. М. — Первобытное право, вып. I, Род. М., 1886.
- Ковалевский М. М. — Закон и обычай на Кавказе, т. II., М., 1890.
- Ковалевский М. М. — Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении, т. I, М., 1886.
- Ковалевский М. М. — Пшавы. Этнографический очерк. «Юридический вестник», 1888, № 2.
- Коклев С. В. — Записки о быте осетин. «Сборник материалов по этнографии, изд. при Дашковском этнографическом музее», вып. I, М., 1885.
- Косвен М. О. — Из истории родového строя в Юго-Осетии, «Советская этнография», 1936, № 2.
- Косвен М. О. — Очерки по этнографии Кавказа, «Советская этнография», 1946, № 2.

- Косвен М. О. — Семейная община (опыт исторической характеристики). «Советская этнография», М., 1948, № 3.
- Косвен М. О. — Северорусское печенье, украинские сыбы и белорусское дварище. «Советская этнография», 1950, № 2.
- Косвен М. О. — Семейная община (к истории вопроса), «Известия Академии Наук СССР». Серия истории и философии, т. III, № 3—4, М., 1946.
- Косвен М. О. — Патронимия у древних германцев. «Известия Академии Наук СССР». Серия истории и философии, т. VI, 1949, № 4.
- Косвен М. О. — Патронимия и проблема рода. «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952.
- Кулишер — Очерки сравнительной этнографии и культуры. СПб, 1887.
- Сид, Edouard — Etudes sur le droit babylonien les lois assyriennes et les lois hittites. Paris, 1929.
- Ладыженский О. — Аграрный стосунки у кавказских верховинцев. «Червоный схи», 1930, № 6 (15).
- Лежава Г. И. и Джандиери М. И. — Архитектура Сванетии, М., 1938.
- Ленин В. И. — Аграрный вопрос в России к концу XIX века, Соч., т. 15, 1947.
- Ленин В. И. — Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, 1941.
- Леонтович Ф. М. — Адагы кавказских горцев. «Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа», вып. I, 1882, Одесса.
- Леонтович Ф. И. — Задружно-общинный характер быта древней России, «Журнал министерства народного просвещения», 1874.
- Лисицян С. Д. — Очерки этнографии дореволюционной Армении. Кавказский этнографический сборник, I, М., 1955, стр. 232—241.
- Лобанов-Ростовский — Сванетия. «Кавказ», 1852, № 14—17.
- Люлье Л. Я. — Учреждение и народные обычаи шапсугов и натухажцев. Записки Кавказского отделения Русского географического общества, 1866, кн. VII.
- Магомедов Р. М. — К вопросу о семейной общине в Дагестане. Труды второй научной сессии дагестанской научно-исследовательской базы Академии наук ССР. 1949 г. Махачкала.
- Макалатиа С. И. — Горная Рача, Тб. 1930, (на груз. яз.).
- Макалатиа С. И. — Мтиулет, Тб. 1930, (на груз. яз.).
- Макалатиа С. И. — Пшави, Тб. 1934, (на груз. яз.).
- Макалатиа С. И. — Тшети, Тб. 1933, (на груз. яз.).
- Макалатиа С. И. — Хеви, Тб. 1934, (на груз. яз.).
- Макалатиа С. И. — Хевсурети, Л. 1940.
- Малинин Л. В. — «О свадебных платежах и о приданом у Кавказских горцев» «Этнографическое обозрение», 1890, № 3, кн. 6.
- Мамацев И. — Заметки о Сванетии, «Кавказ», 1872, № 121.
- Маргиани Д. — Сванеты. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. X. Т. 1890.
- Маргиани Д. — Несколько слов о незаконнорожденных в Сванетии, «Иверия», 1900, № 95 (на груз. яз.).
- Маркс К. — Капитал, т. I, 1949.
- Маркс К. — Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». Архив Маркса и Энгельса, т. IX, 1941.
- Матвеев П. — Очерк народного юридического быта Самарской губернии. «Записки Русского географического общества по отд. этнографии», т. VIII, 1878.
- Мачабели М. В. — Экономический быт государственных крестьян Тианетского уезда, Тифлисской губ., «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. V, Т. 1887.
- Мачабели М. В. — Экономический быт государственных крестьян Тифлисского уезда. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. V, 1887, Т.
- Мачабели М. В. — Экономический быт государственных крестьян Горийского уезда Тифлисской губернии «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. VI, Т. 1887.
- Миллер Б. В. — Из области обычного права карачаевцев, «Этнографическое обозрение», 1902, № 1.
- Мухин В. Ф. — Обычный порядок наследования у крестьян (к вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению), СПб, 1888.
- Нижарадзе Бесарион (Тависупали Свани) — обычное право в Сванети, «Иверия», 1886, №№ 4, 27, 49, 55, 62, 72, 73, «Дрозба», 1885, № 198 (на груз. яз.).
- Никифоров Н. К. — Экономический быт государственных крестьян Душетского уезда Тифлисской губернии «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. V, ч. II, 1887.
- Никольский Н. М. — Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье, Мянск, 1948.

- Обозрение Российских владений за Кавказом, ч. II, СПб. 1836.
- Общинное землевладение в Грузии, «Кавказ», 1884, № 285.
- Об общинном землевладении в Грузии. Передовая статья, «Дрозба», 1884, № 6 (на груз. яз.).
- Обычное право собственности в верхней Карталинии. «Кавказ», 1889, № 198.
- Оршанский И. Г. — Исследования по русскому праву, обычному и брачному, СПб. 1879.
- Орбелиани Саба-Сулхан — Грузинский словарь, Тб. 1949, (на груз. яз.).
- Относительно разделов семейных общин «Дрозба», 1883, № 127. (на груз. яз.).
- Панек Л. Б. — Следы родового строя у мтиулов. «Советская этнография», 1932, № 2.
- Панек Л. Б. — Жилище мтиулов. «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. IX, 1930.
- Пахман С. В. — Обычное гражданское право в России. Юридические очерки, т. II. Семейное право, наследство и опека, СПб, 1879.
- Передовая статья («Относительно крестьян»), «Дрозба», 1883, № 127 (на груз. яз.).
- Передовая статья газеты «Дрозба», 1884, № 162 (на груз. яз.).
- Передовая статья газеты «Шрома», 1883, № 7 (на груз. яз.).
- Petit L. — Actes de Chilandar, №№ 19, 38, 49, 51 и др. «Византийский Временник» Т. XVII, СПб., 1911.
- Пономарев С. — Семейная община на Урале. «Северный Вестник», № 1, 1887.
- Пурцеладзе Д. — О необходимости улучшения материального положения временнообязанных крестьян Тифлиской губ., «Кавказ», 1884, № 73.
- Regel W., Kurtz E., Kogablev V. — Actes de Zogarithou. «Византийский Временник», XIII, СПб. 1907.
- Редакционные статьи журналов «Вестник Древней Истории», 1959, № 4; «Советская этнография», 1959, № 6.
- Рехвиашвили Н. Б. — Цедисская статья. «Сообщения Академии наук Грузинской ССР», т. IV, № 8, Тб., 1943.
- Рехвиашвили Н. Б. — Кузнечество в Раче, Тб., 1953 (на груз. яз.).
- Робакидзе А. И. — Формы организации труда в народном хозяйстве в древней Грузии. Пережитки коллективной охоты у рачинцев (на груз. яз., с русск. резюме), Тб., 1941.
- Робакидзе А. И. — Некоторые черты семейного быта чиатурских горняков. «Советская этнография», 1953, № 4.
- Робакидзе А. И. — Новый быт чиатурских горнорабочих, Тб., 1952 (на груз. яз.).
- Робакидзе А. И. — Супруги, как одна из форм эксплуатации в дореволюционной Грузии. «Мимомхилвели» (Ин-т истории им. акад. И. А. Джавахишвили), Акад. наук ГССР, т. II, Тб., 1951 (на груз. яз.).
- Робакидзе А. И., Очиаури Т. А., Рухадзе Д. А., Топуриа Н. С., Чиковани Т. Л. — Современное грузинское крестьянское жилище, «Материалы по этнографии Грузии», в. X, Тб., 1959 (на груз. яз.).
- Руководство к познанию Кавказа Михаила Селезнева, СПб. 1847.
- Самуэли А. — Очерки по обычному семейному праву армян. «Кавказский вестник», № 1, Т., 1902.
- Сванетия. «Кавказ», 1846, № 43.
- Сталин И. В. — Аграрный вопрос, Соч., т. I, М., 1946.
- Сталин И. В. — Об очередных задачах партии в деревне, Соч., т. VI, М., 1947.
- Стойанов А. И. — Путешествие по Сванетии. «Записки Кавказского отд. Русского географического об-ва», 1876, кн. 10, № 2.
- Студенецкая Е. Н. — О большой семье у кабардинцев в XIX в. «Советская этнография», 1950, № 2.
- Студенецкая, Е. Н. — Быт и культура кабардинского народа (XVIII—XIX вв.). (Историко-этнографический очерк). Сборник статей по истории Кабарды, 1954, стр. 170—181.
- Тепцов В. Я. — Сванетия. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», X., Т., 1890.
- Тютрюмов Игорь — Крестьянская семья. Очерк обычного права. «Русская речь», 1879, апрель.
- Халатянц Б. — Поездка в Абаран (Эчмиадзинский уезд Эриванской губернии). «Этнографическое обозрение», М., 1899, № 1—2.
- Харадзе Р. Л. — Пережитки большой семьи у сванов, Тб. 1939, (на груз. яз. с русским и французским резюме).

- Харадзе Р. Л. — Структура семейной общины у картлийцев. «Вопросы этнографии Кавказа», Тб., 1952.
- Харадзе Р. Л. — Обычное право у хевсур. «Аналеби». Труды Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили, т. I, Т., 1947 (на груз. яз.).
- Харадзе Р. Л. — Хевсурское «андрези» как источник обычного права. «Мимомхилвели», Ин-т истории им. И. А. Джавахишвили, т. II, Т., 1951 (на груз. яз.).
- Харадзе Р. Л. — Система народного управления у сванов. «Материалы по этнографии Грузии», т. VI, Тб. 1953, (на груз. яз.).
- Харадзе Р. Л. — Пережитки семейной общины у тушин. «Материалы по этнографии Грузии», т. X, Тб., 1959.
- Харадзе Р. Л. — Пережитки общинного управления в Хеви. Труды Ин-та Истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, т. IV, вып. 2, 1959. (на груз. яз.).
- Харузин Н. Н. — Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. «Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее», Вып. III, М., 1888.
- Хаханов А. С. — Тушины. «Этнографическое обозрение», 1889, № 2.
- Хаханов А. С. — Из жизни армян Новобаязетского уезда Эриванской губ. «Этнографическое обозрение», 1893, № 2.
- Хаханов А. С. — Обычай грузинских крестьян при пахании. «Этнографическое обозрение», 1891, № 4.
- Хаханов А. С. — Небольшая экскурсия в область археологии и этнографии (родовой строй в древней Грузии, у шпавов, сванов и др.). «Новое обозрение», 1899, №№ 5404, 5407.
- Хаханов А. С. — О шпавах. «Сборник материалов по этнографии», в. II, 1888.
- Хизанашвили Н. (Урбнели) — Статьи по этнографии. «Материалы по этнографии Грузии», вып. II, Тб., 1940 (на груз. яз.).
- Хизанашвили Н. (Урбнели) — Древняя грузинская семья. «Дрозба», 1885, № 2. (на груз. яз.).
- Церетели Г. — Фельетон: Производство марганца в Западной Грузии, «Ивериа», 1889, № 8 (на груз. яз.).
- Церковные документы Западной Грузии, под редакцией С. Какабадзе, кн. I, Т., 1925 (на груз. яз.).
- Чавчавадзе Илья — «Хизанское дело», в. I. Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 115—130. Тб., 1956 (на груз. яз.).
- Чавчавадзе Илья — «Частное и общинное землевладение», Полное собрание сочинений, т. V, стр. 181—197, 1956. (на груз. яз.).
- Чартогани М. И. — Из истории материальной культуры грузинского народа (Очаг сванского дома) «Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Тб., 1954.
- Чиковани, Т. А. — Жилые и хозяйственные постройки в Триалети (автореферат), 1954. Тб.
- Читая Г. С. — Сванский «сакурцхил», «Известия Музея Грузии», т. II., Т., 1925.
- Читая Г. С. — Этнографические исследования в Грузинской ССР. «Советская этнография», 1948, № 4.
- Читая Г. С. — Крестьянский дом в Кваблиани (дарбазский тип). «Мимомхилвели» (Обозреватель историко-этнографического общества), в. I, Т., 1926 (на груз. яз.).
- Чкониа И. В. — Некоторые вопросы семейной общины в Картли. Труды Института Истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, т. I, Тб., 1955 г. (на груз. яз.).
- Ша-жов — Письма из Кахетии. «Новое обозрение», 1895, № 3825.
- Шилейко В. К. — Документы из Гюль-тепе. «Известия Российской Академии истории материальной культуры», т. I, Ленинград, 1921.
- Энгельс Фр. — Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, 1937.
- Эристов Р. Д. — О тушино-шпаво-хевсурском округе. «Записки Кавказского отдела Русского Географического общества», 1855, кн. III.
- Эристов Р. Д. — Записки о тушино-шпаво-хевсурском округе, «Кавказ», 1854, №№ 43, 45—47, 49, 52.
- Эристов Р. Д. — Заметки о Сванетии. «Записки Кавказского отдела Русского Географического общества», кн. XIX, 1897.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

- Акт о разделе семейной общины Докаани (сел. Вакири, Кемашвили). Рукописные фонды Сигнахского музея краеведения.
- Акт о разделе семейной общины Берикелаани (сел. Карданахи, Берикелашвили). Оригинал акта хранится в семье Григория Ивановича Берикелашвили, сел. Карданахи, копия акта находится в материалах Кахетинской этнографической экспедиции 1952 г.
- Акт о разделе семейной общины Диди Бурнадзиани (сел. Квемо Ходашени). Оригинал акта хранится в семье Ясе Давидовича Бурнадзе, копия акта находится в материалах Кахетинской этнографической экспедиции 1952 г.
- Акт о семейном разделе, Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР — Qd № 168.
- Акты складства. Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР — Hd № 1599.
- Акты складства. Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР — Hd № 563.
- Акты складства. Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР — Hd № 6339.
- Акты складства. Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР — Ad № 372.
- Акты складства. Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР — Hd № 31.
- Акты складства. Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР — Qd № 1026.
- Акты складства. Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР — Qd № 196.
- Акты складства. Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР — Hd № 1889.
- Акты складства. Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР — Hd № 5204.
- Акты складства. Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР — Hd № 6075.
- Акты складства. Рукописные фонды Института рукописей АН ГССР — Hd № 1306.
- Акты складства. Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР — Qd № 167.
- Амилахвари Александр — Родословная грузинских князей Амилахорвых и письма кн. Александра Амилахорова с описанием Грузии, 1782. Архив Министерства Иностранных дел СССР, дело № 10, лист 57.
- Документ о пожаловании тушинам Алванского поля. Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР — Hd № 10063.
- Документ «семейного уговора». Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР — Hd № 9058.
- Мачабели М. В. — Личный архив. Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР.
- Ониани Арсен — Материалы по этнографии сванов. Архив отд. этнографии Института истории им. акад. И. А. Джавахишвили АН ГССР.
- Список исповедовавшихся в 1852 году прихожан церкви св. Георгия (сел. Бочорма). Рукописные фонды Института Рукописей АН ГССР — Qd № 952.

СПИСОК УПОМИНАЕМЫХ В РАБОТЕ ИНФОРМАТОРОВ

- Абулаидзе Иордан Михайлович, 80 лет, сел. Дочу, Тушети.
 Авсаджанишвили Илья Григорьевич, 66 лет, сел. Гориспихе, Хеви.
 Авсаджанишвили Кория Ягорович, 73 лет, сел. Арша, Хеви.
 Бадришвили Бячური Чрелаевич, 67 лет, сел. Шуапхо, Пшави.
 Базгадзе Михаил Иванович, 51 года, сел. Кацхи, Имерети.
 Бакурадзе Нина Ягоровна, 60 лет, сел. Сева, Рача.
 Балиаури Натела, 53 лет, сел. Шуапхо, Пшави.
 Берикелашвили Григорий Иванович, 95 лет, сел. Карданахи, Кахети.
 Бурнадзе Елена Исааковна, 72 лет, сел. Квемо Ходашени, Кахети.
 Бучукури Григорий Давидович, 57 лет, сел. Ахалцихе, Хеви.
 Блушвили Иосиф Иванович, 90 лет, сел. Патара Меджврисхеви, Картли.
 Гавашелишвили Павле Ниниевич, 77 лет, сел. Геби, Горная Рача.
 Гавашелишвили-Лобжанидзе Русудан Ивановна, 85 лет, сел. Геби, Горная Рача.
 Гагнидзе Ягор Иосифович, 76 лет, сел. Ири, Верхняя Рача.
 Гагнидзе Русудан Сопромовна, 86 лет, сел. Ири, Верхняя Рача.
 Гаприндашвили Доменти Луарсабович, 60 лет, сел. Саване, Имерети.
 Гапридзе Николай Филимонович, 76 лет, сел. Вазло, Тушети.
 Гебришвили Михаил Матвеевич, 82 лет, сел. Вазис-убани, Кахети.
 Гебришвили Тато Андреевич, сел. Меджврисхеви, Картли.
 Геганидзе Шампе Давидович, 70 лет, сел. Халде, Сванети.
 Гогилашвили Сико Гегенович, 80 лет, сел. Земо Мачхаани, Кизики, Кахети.
 Гигаури Иван Михайлович, 60 лет, сел. Казбеги, Хеви.
 Гигаури Анна Иосифовна, 80 лет, сел. Казбеги, Хеви.
 Гобеджишвили Гавриил (Габриел) Нацович, 94 лет, сел. Геби, Горная Рача.
 Гогнашвили Феодор Шиевич, 75 лет, сел. Меджврисхеви, Картли.
 Горгадзе Виктор Алпезович, 78 лет, сел. Зегани, Имерети.
 Двалишвили Иван Алмасханович, 66 лет, сел. Сулори, Имерети.
 Двалишвили Яков Петрович, 78 лет, сел. Сулори, Имерети.
 Джабанишвили Хтисо Бецинтурович, 80 лет, сел. Тхилиана, Пшави.
 Илашвили Алексей Федорович, 85 лет, сел. Карданахи, Кахети.
 Итиуридзе Саба Гвтисоевич, 69 лет, сел. Чонтио, Тушети.
 Каадзе Коте Георгиевич, 60 лет, сел. Парсма, Тушети.
 Камараули Алексей Иосифович, 80 лет, сел. Каркуча, Хеви.
 Керашвили Алексей Матвеевич, 58 лет, сел. Ахалцихе, Хеви.
 Котилаидзе Дареджан Давидовна, 64 лет, сел. Сачиголо, Тушети.
 Кочлашвили Наскида Давидович, 60 лет, сел. Меджврисхеви, Картли.
 Критиули Сара, 65 лет, сел. Верхоани, Тушети.
 Курдгелаидзе Иоб Бабоевич, 75 лет, сел. Шенако, Тушети.
 Куситашили Китеса Ниниевич, 99 лет, сел. Квемо Бодбе, Кизики, Кахети.
 Лобжанидзе Михаил Лоджиевич, 74 лет, сел. Геби, Горная Рача.
 Лобжанидзе Федор Махарович, 95 лет, сел. Геби, Горная Рача.
 Майсурадзе Ефимия Петровна, 100 лет, сел. Цедиси, Верхняя Рача.
 Майсурадзе Шио Отиевич, 73 лет, сел. Цедиси, Верхняя Рача.
 Масурашвили Пида Алексеевна, 88 лет, сел. Меджврисхеви, Картли.
 Меквабшвили Казара Захарьевич, 65 лет, сел. Меджврисхеви, Картли.
 Мосашвили Сео Соломонович, 80 лет, сел. Вакири, Кизики, Кахети.
 Моубарашвили-Читошвили Мариам Бединиковна, 100 лет, сел. Апсо, Пшави.

- Мсхვილიძე Онисим Никифорович, 72 лет, сел. Хани, Имерети.
Муртазашвили Кимоте Васильевич, 75 лет, сел. Хисо, Тушети.
Натрошвили-Гогилашвили Тamar Фоминична, 65 лет, сел. Земо-Мачхаани, Кизики, Кахети.
Одишвили Симон Георгиевич, 77 лет, сел. Сиони, Хеви.
Ошхарели Коста Иосифович, 85 лет, сел. Садмели, Рача.
Папагашвили-Гогилашвили Манана Михайловна, 103 лет, сел. Земо-Мачхаани, Кизики, Кахети.
Парджиани Квериджа, 65 лет, сел. Енаши, Сванети.
Пруидзе Васил Георгиевич, 91 года, сел. Жошха, Рача.
Размадзе-Кемашвили Ева Ильинична, 115 лет, сел. Вакири, Кизики, Кахети.
Рехвиашвили Захарий Сехноевич, 87 лет, сел. Чиора, Горная Рача.
Рехвиашвили Михаил Шошиевич, 91 года, сел. Чиора, Горная Рача.
Сабаури Абрам Григорьевич, 71 года, сел. Паншети, Хеви.
Самниашвили Магдана Иосифовна, 98 лет, сел. Меджврисхеви, Картли.
Сарданашвили Христина Алексеевна, 70 лет, сел. Хванчкара, Рача.
Созашвили-Гогилашвили Нина Ивановна, 55 лет, сел. Земо-Мачхаани, Кизики, Кахети.
Суджашвили Гахута Давидович, 120 лет, сел. Гегети, Хеви.
Тавберидзе Павле Иванович, 76 лет, сел. Дано, Тушети.
Ткешелашвили Самсон Заликович, 71 года, сел. Хванчкара, Рача.
Туркошвили Габо Иванович, 78 лет, сел. Алвани.
Турманаули Давид Чрелаевич, 76 лет, сел. Гоголаурта, Пшави.
Тучашвили Николай Николаевич, 65 лет, сел. Хуртиси, Хеви.
Уцоидзе Елена Ивановна, 70 лет, сел. Чешо, Тушети.
Хачидзе Гвтисавар Мирзаевич, 66 лет, сел. Шенако, Тушети.
Хведегуридзе Гюо Иорданович, 82 лет, сел. Дартло, Тушети.
Хведегуридзе Тирине Ивановна, 82 лет, сел. Дартло, Тушети.
Хипаури Иосиф Михайлович, 60 лет, сел. Корди, Картли.
Хурцидзе Георгий Давидович, 67 лет, сел. Романети, Имерети.
Хурцидзе Георгий Симонович, 75 лет, сел. Романети, Имерети.
Хурцидзе Сергей Алексеевич, 66 лет, сел. Романети, Имерети.
Хурцидзе Эпрем Луарсабович, 69 лет, сел. Романети, Имерети.
Церквадзе-Кочлашвили Тебро Пидоевна, 90 лет, сел. Меджврисхеви, Картли.
Цепианидзе Александр Дмитриевич, 66 лет, сел. Хисо, Тушети.
Цогиани-Сехниадзе Эло, 75 лет, сел. Шенако, Тушети.
Чаракашвили Леван Иванович, 79 лет, сел. Вазис-убани, Кахети.
Чарбадзе Баграт Иосифович, 79 лет, сел. Хванчкара, Рача.
Чаркселиани Гуа, 70 лет, сел. Мыршкели, Сванети.
Челидзе, Симон, 120 лет, сел. Мыршкели, Сванети.
Чинчиури Ягор Симонович, 70 лет, сел. Белоти, Картли.
Чкареули Илья Георгиевич, 80 лет, сел. Гориспихе, Хеви.
Чучулашвили-Гогилашвили Тamar Алексеевна, 70 лет, сел. Земо-Мачхаани, Кизики, Кахети.
Шаншашвили Мосе Гегенович, 65 лет, сел. Квемо-Мачхаани, Кизики, Кахети.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ В РАБОТЕ

ა a	ლ l	უ u	ქ ḵ
ბ b	მ m	ფ p	ხ x
გ g	ნ n	კ k	ღ q
დ d	ე j	ყ y	წ ḥ
ე e	ო o	ყ q	ჰ h
ვ v	პ p	შ s	წ w
ზ z	ჯ ž	ჩ č	ღ ə
თ t	რ r	ც c	
ი i	ს s	ძ z	
კ k	თ t	წყ(c)	

О Г Л А В Л Е Н И Е

Основные черты грузинской семейной общины и ее место в развитии форм общественных отношений	5
1. Состав семейной общины	7
2. Имущество семейной общины	20
3. Организация труда в семейной общине и ее управление	32
4. Имущественно-правовые взаимоотношения членов семейной общины	43
5. Особенность расселения, связанного с сегментацией семейной общины	59
Выводы	65
Резюме (на французском языке)	76
Т а б л и ц ы	97
Список таблиц	129
Указатели	131
Указатель географических и этнических наименований	133
Указатель наименований семейных общин и патронимий	143
Указатель терминов	147
Список использованной литературы	152
Список использованных архивных материалов	158
Список упоминаемых в работе информаторов	159
Аналитическая транскрипция использованная в работе	161

საბჭოთავი

სახელი	გვ. რაოდ.	წელი
--------	-----------	------

საბჭოთავი

საბჭოთავი	გვ. რაოდ.	წელი

საბჭოთავი

საბჭოთავი	გვ. რაოდ.	წელი

რუსუდან ლუკჯანოვა ხარაძე
«Грузинская семейная община»
(II часть)

Технический редактор А. Басинов. Корректор А. Перим.
Подписано к печати 22 марта 1961 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. 10¹/₂
печ. листа=14,7 усл. печ. листа. Учетно-издательских 10,49 листа
+17 вкл. Заказ № 594. Тираж 2.000. УЭ 05884.

Цена 1 р. 06 к.

Издательство Союза писателей Грузии «Заря Востока»
Тбилиси, пр. Руставели № 42.

Отпечатано в первой типографии Главполиграфиздата Министерства культуры Грузинской ССР. Тбилиси, ул. Орджоникидзе № 50.

რუსუდან ლუკჯანოვა ხარაძე
ქართული საოჯახო თემი (II ნაწილი)
(რუსულ ენაზე)

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
----------	--------	------------	-------------

Часть I

64	10 сн.	Қанаант	Қанаант
96	20 св.	qaguaci	qaguaci
112	13 сн.	Пиракетской	Пирикетской
„	4 сн.	Дадикута	Дадикурта
128	8 сн.	Чикиэни	Чэкиэни
135	10 св.	Таднас нагиби	Таднас натиби
169	1 сн.	(ստոճբե)	(ստոճբե),
172	9 св.	уменьшил и	уменьшили

Часть II

14	10 св.	нераздельных	неразделенных
16	9 св.	ahhê la zizutê	ahhê lâ zizûte-
38	1 сн.	ВУ — ДИ	ВІ — ДИ
54	16 сн.	при этом	поэтому
57	15 сн.	Seriqtu	Şeriqtu
„	26 сн.	seriqtu	şeriqtu
83	2 св.	džalabi	žalabi
84	10 сн.	„sakhli“	„saxli“
89	22 св.	„goutnis déda“	„gutnis deda“
93	7 сн.	„çakhli“	„saxli“
137	12 св.	Кроация — II. 194	Кроация — II. 10
143	2 св.	патрономий	патронимий

7297/55